

ОГОНЁК
№ 23 ИЮНЬ 1958
ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»

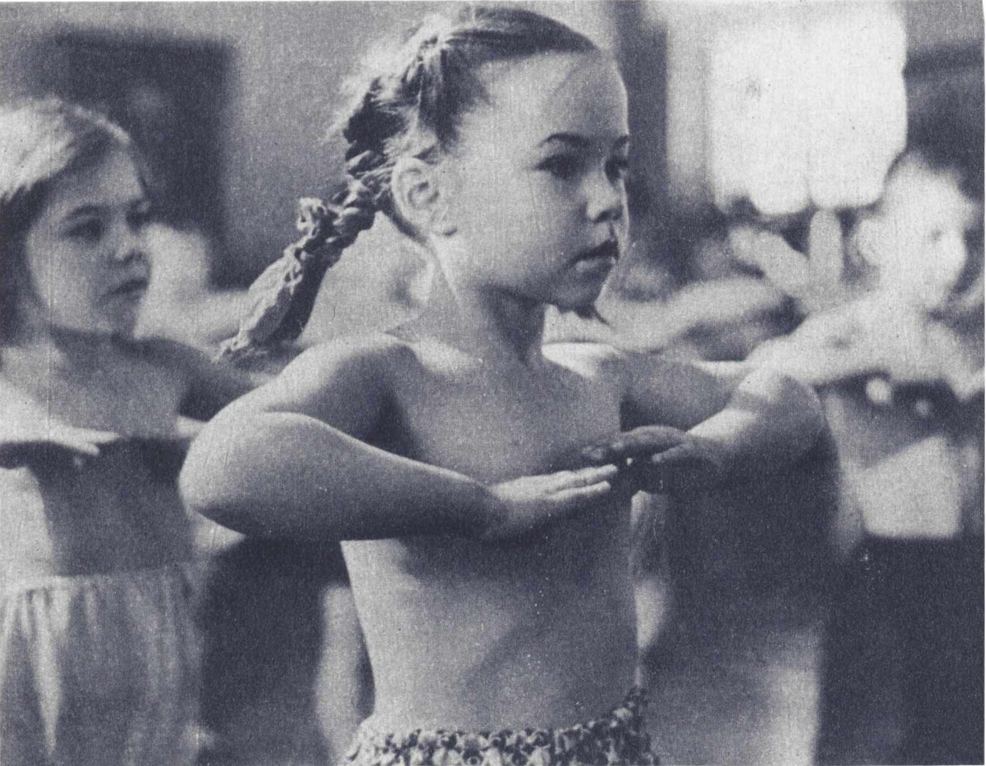

Смотрят выступление кукольного театра.

МАЛЕНЬКИЕ ПИТОМЦЫ ДЕТСКОГО САДА № 327 МОСКОВСКОГО МЕТРОПОЛИТЕНА.

Снимки сделаны читателем «Огонька» фотолюбителем В. КАЛМЫКОВЫМ.

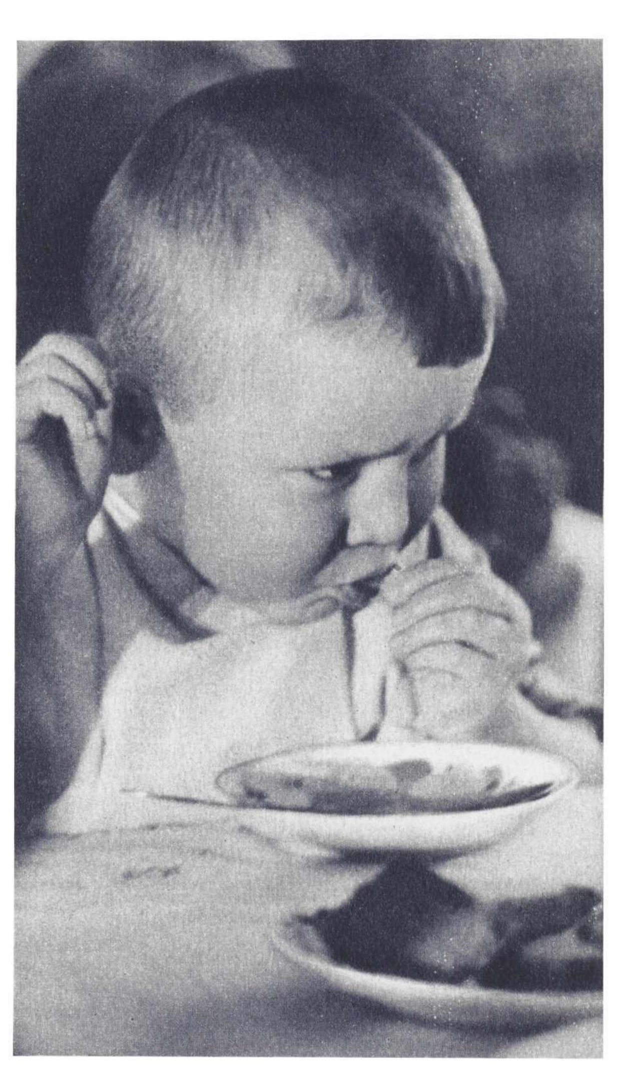

Утренняя гимнастика. ↑

↓ В тихий час.

За обедом. →

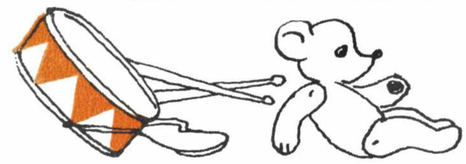

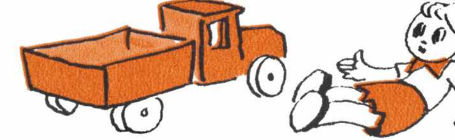
На первой странице обложки: Девочка с Кубани.

Фото Ю. Кривоносова.

На последней странице обложки: На качелях. Пекин.

Фото Дм. Бальтерманца.

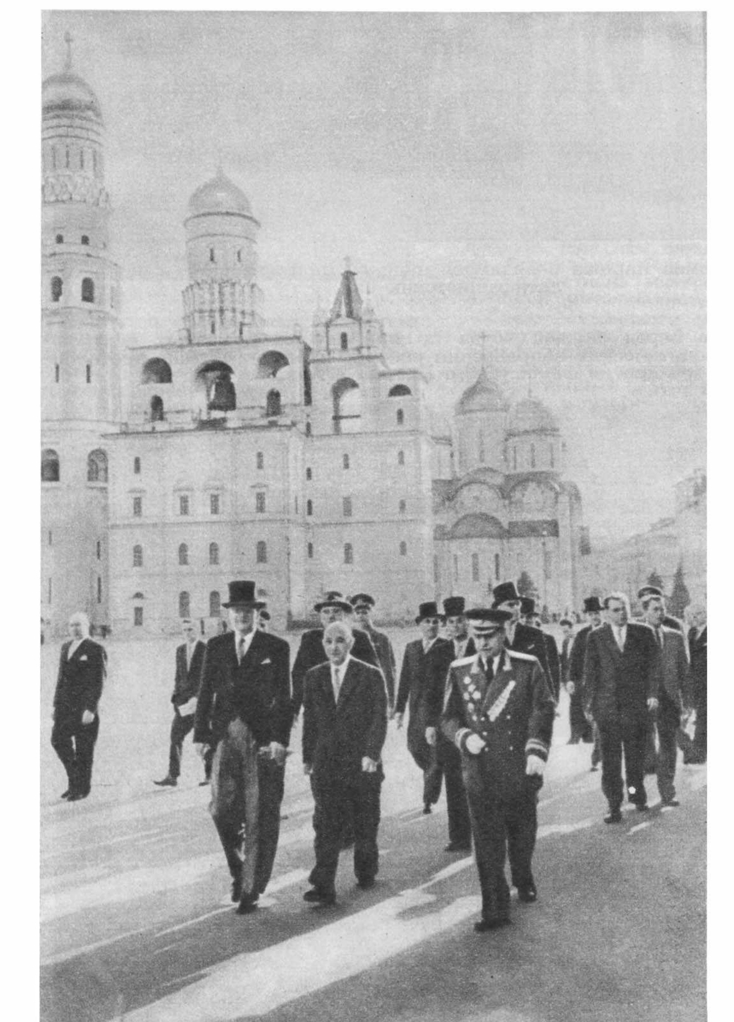

ОГОНЁК № 23 (1616) 1 ИЮНЯ 1958

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

36-й год издания

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

Москва, Кремль. 23 мая 1958 года. Встреча Президента Финляндии Урхо Калева Кекконена с советскими руководителями.

22 мая по приглашению Президиума Верховного Совета СССР в Москву с визитом дружбы прибыл Президент Финляндской Республики доктор Урхо Калева Кекконен и сопровождающие его лица.

В советской столице господин Кекконен встретился с руководителями Коммунистической партии и Советского государства. Советские руководители и финские гости обменялись мнениями по вопросам, интересующим обе стороны.

Затем высокий гость посетил Ленинград, Свердловск, Ташкент, где знакомился с достопримечательностями и промышленными предприятиями. В Ленинграде президент Кекконен побывал в Смольном, где в декабре 1917 года В. И. Ленин подписал решение СНК о признании государственной независимости Финляндии.

Всюду, где бы ни побывали посланцы дружественной державы, их тепло приветствовали советские граждане, передававшие слова привета северному соседу — народу Финляндии.

←Осмотр Кремля.

→ Вскоре после приезда в Ленинград Президент Финляндии У. К. Кекконен и сопровождающие его государственные и общественные деятели посетили Металлический завод.

Фото А. Гостева.

В ИНТЕРЕСАХ МИРА ВО ВСЕМ МИРЕ

24 мая 1958 года в Москве состоялось Совещание Политического консультативного комитета государств — участников Варшавского договора о дружбе, сотрудничестве и взаимной помощи.

На Совещании происходил обмен мнениями о современном международном положении. Политический консультативный комитет с удовлетворением отметил полное единодушие социалистических стран — участниц Совещания как в оценке международного положения, так и их общих задач в борьбе за мир и безопасность народов. Политический консультативный комитет единогласно принял Декларацию государств — участников Варшавского договора.

Политический консультативный комитет одобрил предложение Правительства Советского Союза, согласованное с Правительством Румынской Народной Республики, о выводе в ближайшее время с территории Румынии советских войск, находящихся там в соответствии с Варшавским договором, а также решение по договоренности с Венгерским правительством сократить в 1958 году советские войска, находящиеся в Венгрии, дополнительно на одну дивизию и вывести ее с территории Венгрии.

Были также приняты решения по некоторым организационным вопросам, касающимся деятельности Объединенных вооруженных сил государств — участников Варшавского договора.

Политический консультативный комитет принял решение обратиться к государствам — членам Североатлантического договора (НАТО) с предложением о заключении Пакта о ненападении между государствами — участниками Варшавского договора и государствами — членами НАТО.

Работа Совещания Политического консультативного комитета государств — участников Варшавского договора продемонстрировала полное единство, нерушимую братскую дружбу и сотрудничество социалистических стран, направляющих все свои усилия на ослабление международной напряженности, создание обстановки взаимного доверия и делового сотрудничества между всеми государствами, на дальнейшее упрочение мира.

На снимке: подписание Декларации государств — участников Варшавского договора. От Союза Советских Социалистических Республик Декларацию подписывает Председатель Совета Министров СССР товарищ Н. С. Хрущев.

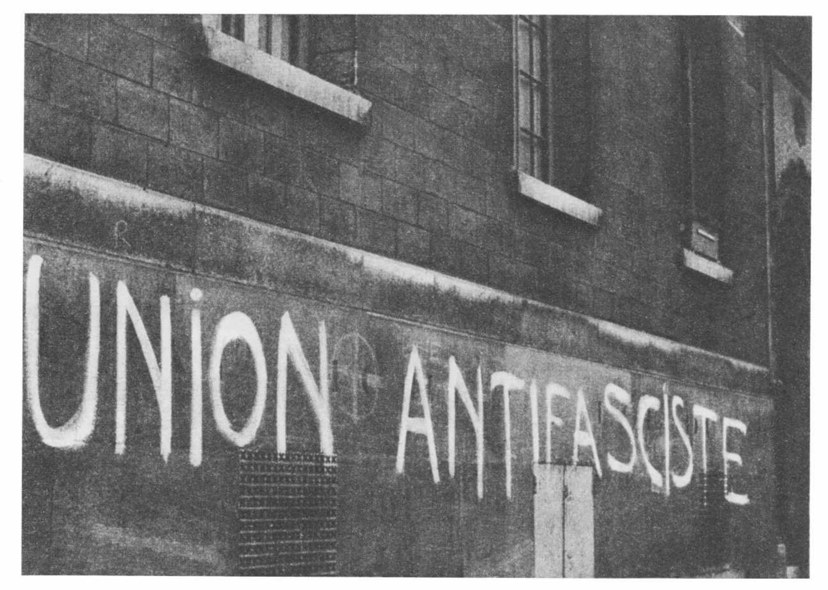
Фото Б. Кузьмина.

СОБЫТИЯ ВО ФРАНЦИИ

Во Франции обостряется борьба между силами фашизма и сторонниками Республики. Коммунистическая партия Франции в эти суровые для страны дни выступает последовательным защитником республиканских свобод. Она призывает французский народ отстоять Республику от посягательств фашистов. Несмотря на усилия антиреспубликанских сил, этот призыв находит широкий отклик среди трудящихся.

В Иври трудящиеся приносят клятву преградить дорогу фашизму.

На стенах домов Парижа появляются надписи, призывающие к единству антифашистских сил.

В Аржантейе перед биржей труда по призыву профсоюзных центров различных политических направлений рабочие проводят митинг протеста против фашистского мятежа в Алжире.

ВОССТАНИЕ В ЛИВАНЕ

И. БЕЛЯЕВ

Был второй час ночи 8 мая, когда из здания редакции газеты «Телеграф» в Бейруте вышел ее издатель и главный редактор Насиб Метни. На улице его ждал небольшой автомобиль. За рулем сидел один из немногочисленных сотрудников Метни — Мишель Гелу. Миновав центр, они свернули на темную, тихую улицу Насифа Аль-Язиджи и остановились перед небольшим двухэтажным домом, в котором жил Насиб Метни. Не успел Насиб Метни выйти из автомашины, как из развалин, находившихся по соседству, в него выстрелили одиннадцать раз подряд...

Весть о злодейском убийстве потрясла весь честный Ливан. Похороны Насиба Метни, в которых приняло участие 50 тысяч человек, превратились в мощную антиправительственную демонстрацию.

Это было началом нынешних событий в Ливане.

Что же явилось причиной бушующей в Ливане народной бури? Прежде всего тот антинациональный политический курс, которого придерживаются нынешние правители Ливана, президент Камиль Шамун и министр иностранных дел Шарль Малик.

Первый давно известен своими тесными связями с империалистическими державами и прежде всего с Англией. В Ливане открыто называют его платным агентом английской разведки. Весной 1955 года, находясь с официальным визитом в Турции, он был склонен подписать соглашение о вступлении Ливана в Багдадский пакт. Только мощные антиимпериалистические выступления ливанского народа помешали это сделать. В дни тройственной агрессии против Египта в 1956 году с ведома и одобрения Шамуна бейрутский аэропорт Хальда снабжал метеосводками английские самолеты, летавшие бомбить Каир и Порт-Саид. Он первым из руководителей арабских стран приветствовал «доктрину Эйзенхауэра». В результате его усилий в марте 1957 года Ливан подписал с правительством США соответствующее соглашение.

Про Шарля Малика в Ливане говорят, что он «больше американец, чем сами американцы». Находясь в течение почти 10 лет на посту посла Ливана в США и представляя Ливан в ООН, он снискал себе печальную славу ревностного прислужника США. Это не оставалось, разумеется, без соответствующей мзды. Его угоднические речи частенько передавались по радиостанциям США, издавались американскими издательствами огромными тиражами, что обеспечило ему немалый доход. Уехав из Ливана скромным профессором философии американского университета в Бейруте, он вернулся весной 1956 года обратно, имея на текущем счету кругленькую сумму в полмиллиона долларов. Заботами госдепартамента 18 университетов за «особые» (разумеется, отнюдь не научные) заслуги присудили ему почетную степень доктора философии. Став в 1956 году министром иностранных дел, Шарль Малик приложил максимум усилий для того, чтобы оправдать щедроты своих заокеанских благодетелей. При нем внешняя политика Ливана все больше подчиняется корыстным интересам американских империалистов.

Среди ливанского народа росло сопротивление этой политике. В стране создалась сильная оппозиция, которую составили видные государственные и политические деятели, представляющие большинство партий страны. Центром этой деятельности стал город Триполи, где сосредоточено значительное число национальных предприятий, владельцы которых заинтересованы в освобождении страны от иностранного засилья и в укреплении экономических связей с соседними странами. Рупором оппозиции выступила бейрутская газета «Телеграф». Насиб Метни в своих статьях активно выступал против Багдадского пакта и «доктрины Эйзенхауэра». Когда Камиль Шамун вопреки конституции заявил о намерении вновь выставить свою кандидатуру на пост президента во время предстоящих в сентябре 1958 года выборов, Насиб Метни первым потребовал его отставки.

Злодейское убийство Насиба Метни переполнило чашу долготерпения ливанского народа. По призыву оппозиционных политических партий и профсоюзов во всех крупных городах Ливана была объявлена всеобщая забастовка, сразу же переросшая в политическую стачку. Началось всенародное антиправительственное, антиимпериалистическое восстание, центром которого стал Триполи. Изгнав из государственных учреждений правительственных чиновников, восставшие передали власть в городе специально созданному народному комитету, призвавшему народ всей страны к борьбе против проимпериалистического режима. Восстание охватило область Шуф, города Хермель, Баалбек. Вмешательство правительственных войск ни к чему не привело. Их атаки были успешно отбиты.

В США и Англии с большой тревогой следили за развитием событий в Ливане. Государственный секретарь Даллес заявил 15 мая, что США готовы «в случае необходимости» послать в Ливан оружие, флот, солдат. Буквально на следующий день в Бейрут прибыла первая большая партия американского оружия. У ливанского побережья появились суда шестого американского флота, прозванного арабами «морским полицейским». На борту американских военных кораблей находится более тысячи солдат и офицеров морской пехоты США. Забряцала оружием и Англия, где были приведены в боевую готовность парашютные части. К Ливану направилась английская эскадра под командованием адмирала Роберта Солтера, того самого Солтера, который руководил высадкой англо-французских войск в районе Порт-Саида в 1956 году. Как сообщают очевидцы, прибывшие в ОАР, на Бейрутском аэродроме высадились первые группы американских солдат и офицеров.

От всех этих действий Англии и США разносится сильный запах нефти. Еще бы! Ведь нефтяные магнаты не хотят потерять Ливан. Здесь находятся принадлежащие им гигантские нефтепроводы, по которым ежегодно перекачивается более 30 миллионов тонн нефти, добываемой американской компанией «Арамко» и английской «Ирак петролеум компани» в Саудовской Аравии и Ираке. Немалые американские и английские капиталы вложены в нефтеперерабатывающую промышленность, авиатранспорт, банки и торговые предприятия этой страны. Важное значение для агрессивной американской политики имеет стратегическое положение Ливана.

Но, несмотря ни на какие угрозы колонизаторов, восстание продолжается и ширится.

«Ливан,— заявил корреспонденту «Юнайтед пресс» лидер «Национального фронта» Ливана Саиб Салам,— не может оставаться под властью правительства Шамуна. Наше восстание является внутренним делом ливанского народа, к которому США не имеют никакого отношения. Американское вмешательство во внутренние дела Ливана приведет к печальным последствиям для всего Ближнего и Среднего Востока и для всего мира. Мы отвергаем любое вмешательство,— подчеркнул он в заключение,— мы будем бороться за осуществление своих целей всеми возможными средствами и никогда не отступим».

Каир.

ДВЕ ВСТРЕЧИ

В Париже на гастролях находится группа артистов балета Большого театра. Во время гастролей в театре «Гранд Опера» будут показаны четыре спектакля и большая концертная программа. В гастролях участвуют: народные артистки СССР Г. Уланова, О. Лепешинская, народная артистка РСФСР Р. Стручкова, заслуженные артисты РСФСР В. Преображенский, Ю. Кондратов, Ю. Жданов и другие. На тех же самолетах «ТУ-104», которые доставили в Париж москвичей, в Москву прибыли артисты балета французского национального оперного театра «Гранд Опера».

Мы стоим у открытого окна номера в гостинице «Москва», из которого видна озаренная солнцем Красная площадь. С приветливой улыбкой и непринужденностью, свойственными французам, с нами беседует генеральный секретарь «Гранд Опера» Фавр Лебре:

— Благодаря скорости прекрасных советских самолетов «ТУ-104» мы имели возможность встретить в Париже на аэродроме Ле Бурже балетную труппу Большого театра, тепло поприветствовать своих московских коллег и через несколько часов оказаться в столице вашей родины — Москве. Приезда балета Большого театра парижане ждали с нетерпением и интересом, билеты на все спектакли уже давно распроданы. Следует сказать, что и с той и с другой стороны артисты балета проявляют большую, искреннюю симпатию.

Я приехал в Москву в третий раз, так что становлюсь почти москвичом,— закончил беседу шутливо Фавр Лебре.

С. ЗВЯГИНА,
солистка балета
Большого театра СССР.

Встреча коллектива балета Большого театра Союза ССР на аэродроме Ле Бурже в Париже. Слева направо: солист балета ГАБТа Александр Лапаури, солистка балета «Гранд Опера» Лиан Дейде и солистка балета ГАБТа Раиса Стручкова.

Солнечный камень

Макет Большого Спутника Земли. В центральном шаре — моторное отделение. В кольце — лаборатории и жилые комнаты космонавтов. Маленький шар внизу — радиостанция. Серебристо-серый круглый щиток — гелиоэлектростанция.

В. КРУПИН

Фото автора.

Проходя недавно по коридору одного солидного учреждения, я наткнулся на непонятную картину. Трое пожилых представительных мужчин сидели на корточках у окна, хотя рядом было достаточно стульев, и оживленно о чем-то спорили. Удивление мое еще больше возросло, когда один из них, совсем уже седой человек, взял в руки... детскую игрушку и поставил ее на ярко освещенное место.

— Ага! — счастливо улыбнулся он, едва маленький темно-коричневый автобус с каким-то сооружением на крыше покатился по паркету.— А вы говорили, без ключа не пойдет! Пошел!

— Чем же он заводится?

— Светом.

— ??

— Смотрите сами. Пружины нет, бензинового моторчика тоже. Ставлю на солнце — едет. Попадает в тень — стоит. Видите серые пластинки на крыше? Они-то и превращают свет в электричество, двигающее колеса.

— А из чего сделаны пластинки?

— Из солнечного камня.

Светило в упряжке

...Дон Кихот, рыцарь печального образа, был человеком большой фантазии и большого сердца. Дон Кихот обещал поднести в дар одной прекрасной даме солнечные лучи в склянке. Многие восторженные юноши и сегодня обещают своим возлюбленным преподнести солнце. Обещают подарить, разумеется, в переносном смысле, не подозревая, что в нынешнем веке это не так уж трудно сделать и почти в буквальном смысле.

У меня в руках небольшая дощечка. В нее аккуратно вделаны пять шестиугольных пластинок. Тусклый блеск их серебристо-серой мозаики не имеет ничего общего с дневным светом, а металлический холодок — с тепловым излучением. Но это и есть солнечный камень.

Можно смело положить дощечку в карман, не боясь ожогов. Можно, если в комнате душно, с помощью той же дощечки запустить маленький изящный вентилятор — и от него повеет прохладным ветерком. Он, как и моторчик знакомого нам автобуса, заводится лучом солнца.

Каждый день солнце посылает на Землю столько лучистой энергии, сколько можно было бы извлечь из газа и нефти, сланцев и торфа, если сжечь сразу все мировые запасы этих видов топлива. Заставить трудиться на человечество хотя бы одну миллиардную частицу мощного потока тепла и света значило бы не строить тысяч шахт и промыслов, теплоэлектростанций и плотин.

Но как запрячь светило в работу?

Если поднять с земли два камушка и ударить одним о другой, между ними проскакивает искра. Луч света, ударяясь о поверхность солнечного камня, тоже высекает «искры» — возбуждает электрические заряды. Остается собрать их и направить по проводам к потребителю тока. Это и делает солнечная батарея.

Ее создали наши ученые, работающие в области полупроводников. Принцип ее устройства несложен. В тонкую пластинку кристаллического кремния при высокой температуре вводятся атомы бора. Ряд пластинок — батарея. От концов ее тянутся два провода.

Ставим батарею на подоконник и подключаем к миниатюрному радиоприемнику. Совершенно новая марка — «Солнечный-2». Из ящичка величиной с папиросную коробку раздаются позывные третьего искусственного спутника Земли.

А если набегут тучи? Не беспокойтесь, приемник будет работать. Невидимые глазу лучи пробивают самые густые облака. Правда, звук станет заметно глуше. Но вы можете подключить крошечный аккумулятор, вмонтированный в ящичек. Солнечная батарея замечательна тем, что она одновременно вырабатывает электроэнергию и накапливает ее про запас. Достаточно продержать ее на свету час — другой, и аккумулятор запасет энергии на несколько часов работы.

Но погода может быть пасмурной долго, и к вечеру аккумулятор «сядет». Тогда включите настольную лампу. Она заменит батарее Солнце. Динамик приемника снова зазвучит на полную мощность. Света обыкновенной электролампочки хватит и для работы радио и для подзарядки аккумулятора.

Солнечных батарей пока еще нет на прилавках магазинов. В этой области техники сделаны первые, но вполне уверенные шаги. Они выводят солнечный камень на широкую дорогу использования в народном хозяйстве. Представьте себя на месте геолога, ищущего алмазы в якутской тайге, нефть в заполярной тундре. Как нужно бывает иной раз связаться с товарищами, со специалистами, посоветоваться, запросить нужный инструмент! Связи же нет по неделям и месяцам. Радиостанцию на себе за сотни километров не потащишь. И тут на помощь придет солнечная батарея.

Существующие солнечные батареи обладают сравнительно высоким коэффициентом полезного действия — одиннадцать процентов лучистой энергии они преобразуют в электрическую. Один квадратный метр солнечной батареи дает 120 ватт электроэнергии. Подсчитано, что коэффициент полезного действия может быть увеличен в два раза. Тогда батарея площадью три квадратных метра будет иметь мощность в одну лошадиную силу. И настанет время, когда запряженное светило будет перевозить грузы. Правда, одной лошадиной силы слишком мало, чтобы двигать тяжелые машины. Крыша гелиобуса должна была бы занять площадь в полторы — две сотни квадратных метров, чтобы на ней поместилась батарея, равная по мощности двигателю современного автобуса. Зато на водном транспорте солнечный мотор может получить широкое применение. Палубы нефтеналивной баржи или «сухогруза» вполне хватит для создания мощного потока электроэнергии.

Расчеты, построенные на... песке

Когда оценивают нереальные, оторванные от знания жизни проекты, насмешливо говорят: «это расчеты, построенные на песке».

Солнечная энергетика тоже построена на... песке. На песке — в буквальном смысле слова и без малейшей иронии. Именно из песка добывается солнечный камень — кремний. А те два камешка, из которых мы высекали искру? Они тоже в основном состоят из кремния.

Если на поиски угля, сгорающего в котлах ТЭЦ, мы тратим миллионы рублей, то солнечный ка-

Лопасти настольного вентилятора приводятся в действие батареей из кремниевых пластинок.

мень искать не надо. Он есть в любом дворе, в любом уголке страны. Ежеминутно мы его топчем ногами. Обыкновенный песок, кварц — это двуокись кремния. Уголь в земной коре составляет ничтожнейшую ее частицу. А кремний — одну четвертую часть. Даже если человечество сожжет все запасы топлива органического, то минерального ему хватит на миллиарды лет.

Не следует, однако, думать, что производство кремниевых батарей — простое дело. Для того чтобы выделить кристаллы этого элемента из песка или камня, нужны печи, развивающие температуры до 1450°. Кристалл солнечного камня должен быть исключительной чистоты, без всяких примесей.

Если среди миллиарда атомов кремния попадутся хотя бы два атома постороннего вещества, способность пластинки превращать свет в энергию резко ослабнет.

Почему? Представьте себе, что миллиард медных пятаков выложен в ряд плотно один к одному. Цепочка из такого количества монет один раз опояшет земной шар. Если по цепочке пустить ток, он добежит до конца. Заменим одну медную монету никелевой — получим тот же эффект.

Если же на место еще одного пятака ляжет деревянный кружок, то электрическая цепь разорвется.

Примерно то же произойдет с кремнием, если его плохо очистить. Но ученые разрабатывают новые методы выращивания кристаллов кремния из расплава, позволяющие добиться чистоты в 99,99999999 процента.

Человек двадцать первого века, открыв газету, изданную, допустим, в 2058 году, наверняка обратил бы внимание на такой примерно заголовок:

«Крупнейшая ГЭС в центре Каракумов».

Все знают, что в песках этой пустыни никаких рек нет. Турбины ГЭС, как известно, вращаются силой воды. Но та электростанция, которая со временем будет построена в Каракумах, не потребует ни капли воды.

Гелиоэлектрическая станция, или сокращенно привычная нам ГЭС, получит энергию из песка, которого в пустыне более чем достаточно. Три квадратных километра кремниевых батарей, уложенных прямо на песок в самом солнечном краю Советского Союза, сравняются по мощности с целым Днепрогэсом.

Но все это в будущем. А сегодня?

Сегодня солнечный камень тоже оказывает человеку неоценимые услуги. Вспомните, как все мы сокрушались (хотя это и было неизбежно), когда сначала первый, а потом и второй искусственные спутники переставали посылать в эфир сигналы своих радиостанций. Они работали недолго. На третьем спутнике установлены солнечные батареи. Они призваны обеспечить сложнейшей аппаратуре более продолжительный срок службы.

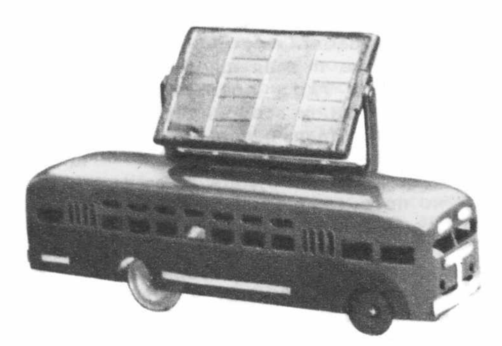
А наступит время, когда в небо взлетит Большой Спутник Земли. Он будет в сто раз больше третьего. На нем будет человек, который поведет исследование путей на другие планеты, в другие миры. Макет этого спутника демонстрируется в советском павильоне на выставке в Брюсселе.

...Сталь, стекло, пластмасса и, конечно, кремний. Желтые окна иллюминаторов. Четыре сверкающих шпиля антенн: радиостанцию будет питать энергией кремниевая батарея. Никелированное кольцо, где расположатся лаборатории и жилые комнаты космонавтов. Его будут вращать, создавая искусственную тяжесть, электромоторы. Они получат ток с гелиостанции.

Солнечный камень намного облегчит вес межпланетного корабля. Каждый месяц полета в космосе позволит собрать с пятнадцати квадратных метров пластинок, постоянно освещенных солнцем, столько энергии, сколько вырабатывается при сжигании тонны горючего. А для того, чтобы спутнику взять одну тонну горючего с земли, пришлось бы истратить во время старта дополнительно несколько десятков тонн топлива. Иначе не достигнешь необходимой для разгона скорости!

Солнечные батареи обеспечат нужды космонавтов в энергии на все время существования Большого Спутника.

Годы, а может быть, и десятилетия он будет говорить с родной Землей языком радио и телесигналов, утверждая торжество человеческого разума над силами природы.

Этот автобус заводится не ключом, а... лучом. Солнечная батарея превращает свет в электричество.

МОСКВА, КОСМОС...

Я. МИЛЕЦКИЙ

На следующий день после запуска третьего спутника на столичный Центральный телеграф поступила зашифрованная депеша из японского города Миядзаки с таким адресом: Москва, Космос...

По прямому проводу телеграмму передали на Ленинские горы, в астрономический институт имени П. К. Штернберга при Московском университете. Здесь временно поместился адресат с волнующим названием «Космос».

Колонка цифр сообщала по условному коду, что японская наблюдательная станция зафиксировала пролетавший в небесной дали советский спутник.

Через несколько часов снова застучал телеграфный аппарат в институте, и на ленте протянулась новая колонка цифр, переданных из Соединенных Штатов Америки, со станции Сент-Пол в штате Миннесота.

Молодой ученый Алла Генриховна Масевич—заместитель председателя Астрономического совета Академии наук СССР — руководит оптическими наблюдениями за искусственными спутниками Земли.

— Мы получаем кодированные сообщения из Китая, из Соединенных Штатов Америки, из Японии, из Южно-Африканского Союза, из Чехословакии, — рассказывает Алла Генриховна. — Интересное сообщение поступило с наблюдательной станции Мауи на Гавайских островах. Там дважды отметили пролет советского спутника, причем его удалось сфотографировать, пользуясь большим телескопом типа «Супершмидт», специально созданным для этой цели.

На территории Советского Союза, главным образом в южных районах, полет спутника наблюдали станции в Ташкенте, Абастумани, Кишиневе, Батуми, Ашхабаде, Сталинабаде, Черновицах, Самарканде, Чарджоу, Бухаре, Владивостоке и других городах. Однако пока спутник проходит над территорией нашей страны в часы, неблагоприятные для наблюдений. В первой половине июня ракету можно будет видеть и невооруженным глазом в сумеречные промежутки — вечером при заходе солнца и утром при восходе, — когда спутник и ракета, находясь на большой высоте, будут ярко освещены солнечными лучами. К этому времени количество сообщений с наблюдательных станций, несомненно, возрастет.

С Центрального телеграфа прямой провод ведет на Ленинские горы. Здесь за аппаратом сидит лаборантка Валентина Матова.
Фото Б. Кузьмина.

Вместе с Аллой Генриховной мы поднялись на второй этаж, туда, где работает вычислительная станция. За дверью с табличкой «Аудитория» мерно выстукивал телеграфный аппарат. Лаборантка Валентина Матова, держа в руках ленту, просматривала отпечатанные на ней цифры. За столом, углубившись в работу, сидел доктор физико-математических наук С. Г. Маковер — руководитель вычислительной группы, которая состоит из научных сотрудников Ленинградского института теоретической астрономии, специально приехавших в Москву.

— Мы, ленинградцы, теперь стали и москвичами, — смеется Маковер,— ведь один спутник следует за другим!

Он берет со стола только что полученное сообщение. Вот как оно выглядит:

«ПРЕТОРИЯ 211450 МОСКВА КОСМОС
64930 21603 3823X 40308 1242X
ФИНЗЕН».

После расшифровки телеграмма читается так:
«Претория. Южно-Африканский Союз. 21 мая 14 часов 50 минут.

МОСКВА. КОСМОС.

Двадцать первого мая 1958 года обсерватория в Претории № 930 (этот номер заранее согласован с обсерваториями и наблюдательными станциями) в три часа тридцать восемь минут по всемирному времени зарегистрировала на небесной сфере (указываются астрономические координаты наблюдателя) пролет ракеты советского спутника как звезды четвертой величины».

Телеграмма подписана известным астрономом Финзеном. Следует указать, что поскольку в Южном полушарии спутник и ракета находятся в апогее, то там и яркость их значительно меньше, чем в наших широтах.

А вот сообщение из Кантона: китайский ученый Ку Ху-ань телеграфирует, что обсерватория под номером 271 наблюдала третий советский спутник 21 мая в 11 часов 30 минут 47,6 секунды по всемирному времени.

Рядом с телеграммами лежат журналы, в которые записываются все сообщения. На одном журнале начертано крупными буквами: «Спутник», а на другом — «Ракета».

— Пока мы получили больше сообщений о наблюдениях за полетом ракеты, — говорит ученый. — Это и понятно: ракету легче видеть, чем спутник, который менее ярок.

По свежим данным вычисляются изменения некоторых параметров орбиты спутника. Но вычислительная группа Астрономического совета выполняет только часть этой работы. Основная же обработка наблюдений и предсказания дальнейшего пролета спутника над различными пунктами Земли на ближайшие дни проводится в вычислительном центре, который и рассылает эти данные наблюдательным станциям.

— Чтобы определить основные параметры орбиты спутника, — говорит С. Г. Маковер, — мы прибегаем к помощи быстродействующих электронных счетных машин. Для этого полученные данные предварительно перфорируются.

Он берет в руки узкую ленту, пробитую многочисленными знаками. Эта перфолента вводится в машину, которая самостоятельно выполняет сложную вычислительную работу.

...Телеграммы, журналы, ленты с бесконечными колонками цифр. Когда-нибудь все это займет почетное место в музее и расскажет грядущим поколениям о том, как советские люди делали первые шаги в покорении космоса.

Гости из Африки, Мадагаскара и Вьетнама на детской железной дороге в Ереване.

Фото А. Экекяна (ТАСС).

ТЕБЕ, АСМИК!

Галина ШЕРГОВА

У меня было явное преимущество перед Асмик Егиазарян. Асмик впервые ехала в вагоне детской железной дороги, а я видела таких дорог не одну.

В Тбилиси юркая зеленая ящерица поезда шныряла в туннелях из древесных крон, и розы сбрасывали на рельсы тяжесть своих лепестков. Под Москвой ели вздымали перед носом маленького паровоза мохнатые семафоры ветвей. И даже на краю моей земли — на острове Сахалин — шел такой же поезд, горделиво поглядывая в голубое озеро, и гигантские двухметровые лопухи колыхали листьями, на которых вздулись жилы, как на натруженных руках мастерового...

У меня было это преимущество, потому что я много ездила по стране, а значит, могла видеть, как много делает страна для своих детей.

Асмик за девять лет жизни еще не успела попутешествовать — в этот день ее впервые привезли из Октемберянского района в Ереван, и сейчас, сидя в вагоне, Асмик с удивлением глядела, как внизу, в пропасти, прыгает вздорная река Раздан, покусывая камни и огрызаясь на прибрежные кусты.

Нельзя сказать, чтобы жизнь Асмик в деревне была скучной — и там была масса интересного для ребят. Но Ереван ошеломил ее: она плясала в детском парке, охала на представлениях кукольного театра, а теперь вот — железная дорога, где все — от машиниста до кондуктора — были чуть постарше Асмик. Но Асмик повезло вдвойне: в этот же день на железную дорогу приехала делегация рабочих Африки, Мадагаскара и Вьетнама, и Асмик удалось прокатиться на карусели вместе с гостями.

Гости ходили по детскому парку, и, когда у них выдавалась свободная минута между ребячьим концертом и катанием на качелях, они что-то строчили в блокнотах, слушая объяснения сопровождающих. Держа меня за руку, Асмик то и дело спрашивала: «Что они пишут?»

Мне показали один блокнот. Гости записывали: «В 1913 г. в Армении обучалось 34 тысячи детей, сейчас — 268 тысяч. В 1920 г. не было никаких детских учреждений, сейчас — 143 яслей, детские санатории, где отдыхает 1680 детей; молочных кухонь — 33, педиатрических участков — 277. 21 миллион рублей расходуется ежегодно на детское здравоохранение...»

Это поражало гостей, но Асмик цифры не интересовали, она и так знала, что дети в Армении живут хорошо.

Все было как нельзя лучше. И все-таки Асмик очень огорчилась. Гости раздавали детям сувениры: значки, фотографии. Но детей было слишком много, и Асмик не досталось ничего.

И вот теперь, вспоминая растерянное лицо Асмик, мне хочется утешить ее, подарив что-нибудь на память о детях Африки, Мадагаскара и Вьетнама. Я решила подарить ей две истории, которые мне рассказали мадагаскарский учитель Мартин Жюстен и вьетнамский работник профсоюзов Дау Ван Туат. Эти истории объяснят то, что неспособны объяснить ребенку цифры. Вот они.

Сон

Когда Мартин Жюстен снова вошел в класс, мальчишка еще спал. Жюстен видел, что он спал и на уроке, уронив голову на колени, где лежала тетрадка. Тут все ученики писали на коленях, просто потому, что не хватало парт. Да и будь парты, куда их всунешь, когда в тридцатиметровой комнате сидит вся школа, сто деревенских ребят.

Это была не первая школа на Мадагаскаре, где преподавал Мартин Жюстен, и все они были на одно лицо. Мальчишка спал и улыбался во сне. На уроке Мартин хотел было разбудить мальчика, но потом ему вдруг пришло в голову, что не сегодня — завтра хлынут ливни, тогда будет лить в класс из всех щелей неверной бамбуковой постройки и тут уж не уснешь. К тому же он знал, отчего мальчики засыпают на уроках. Он знал их жизнь, потому что недавно сам был таким же. Мартин не понимал только, чему может улыбаться такой мальчишка. Жизнь была безжалостной к мальгашу, уроженцу Мадагаскара, с момента его вступления в мир.

Наверное, этот спящий, как и другие, впервые увидел солнце где-нибудь на обочине дороги. Обычно женщины отправлялись рожать, как велела администрация, в больницу, расположенную в 30—40 километрах от деревни. Попутные машины не подбирали их, и они шли пешком, изнемогая от зноя. Потом рожали прямо у дороги под сандаловым деревом.

Ветви сандалового дерева трепетали над новопришельцем в жизнь целый год: мать, работая в поле, укладывала его неподалеку в тени. Это было куда лучше, чем сидеть весь день на солнцепеке прямо на грязном тротуаре, серым кольцом охватившем фабрику ванили в Анталахе. Но мальчуган сидел и там, потому что, когда ему сравнялось два года, мать ушла на заработки в город, а в городе все дети работниц сидели на тротуаре. Собственно, всем казалось, что иначе и не может быть. На весь Мадагаскар, на 4,5 миллиона населения, существовали одни ясли, и туда могли попасть только те, кого не было нужды оставлять на тротуаре, — дети богатых.

Ох, как отлично представлял себе Жюстен и этот тротуар и толпы женщин у одинокого пункта детской медпомощи, куда не могли прорваться сотни обезумевших от горя женщин! Как хорошо представлял он семилетних мальчиков и девочек, работающих на ванильных плантациях! Он видел и тех, что с пожухшими от солнца бусами нанизанных рыбешек слоняются по базару Тананарива и Анталахи или волокут тяжести, стараясь заработать какую-нибудь мелочь.

Мартин Жюстен знал, что эти дети будут засыпать на уроках.

Конечно, они просто обязаны засыпать. Можно уснуть и от его, Жюстена, голоса. Второй год он пытается — уже с монотонностью отчаяния — вдолбить им азы французского алфавита и первые сложения букв. Но дети слишком изнурены, чтобы понимать что-нибудь. Тем более, что это не его, Жюстена, и не их родной мальгашский язык. На своем языке они не имеют права разговаривать в школе. Когда-то, 60 лет назад, все было иначе. До оккупации Мадагаскара на острове было всеобщее обучение, а теперь на всю столицу Тананарив три средние школы, да и то три четверти детей, обучающихся там,— французы.

Спящий мальчик засмеялся во сне, и, видимо, звук собственного голоса разбудил его.

— Чему ты улыбался, Жан? — спросил Мартин по-мальгашски. Ведь теперь было не учебное время, и он мог говорить, как хотел.

— Мне приснилось, что я шел через реку в школу, упал с мостика и утонул,— ответил мальчик, еще улыбаясь.

Жюстен знал и эту реку и мостик. Он всегда боялся за своих крохотных учеников, переходивших по дрожащим жердочкам в дальнюю деревню.

— Ну и что?

— Я лежал на дне. Я умер. Мать звала, чтобы я шел качать люльку, а отец посылал меня на ванильную плантацию. А хозяин школы кричал, что выгонит меня, потому что родители не заплатили за пять дней вперед. Но никто не мог достать меня,— он снова громко засмеялся,— потому что я лежал на дне и я умер. И мне было все равно.

Надо было что-то сказать этому мальчику, что-то нужное и необходимое — ведь он был его учителем. Но Жюстен растерялся, и слова не шли. Он сказал только:

— Человеку не должно быть все равно. И умирать нужно не так.

Наверное, мальчик не понял его, потому что он продолжал улыбаться блаженно и отреченно...

История одного заработка

— Скоро девочки вернутся с работы,— сказала жена.

Дау Ван Туат уже пятый день слышал эту фразу, и все-таки она казалась ему странной. Сейчас он усмехнулся про себя: «Скажи, пожалуйста, как быстро человек привыкает к хорошему». Сорок лет он слышал о том, что дети идут на работу, возвращаются с работы, ищут работу,— и это было нормально. Вьетнамской революции всего тринадцать лет, а Дау Ван Туату уже кажется, что о дочках можно говорить только: «Сейчас девочки придут из школы!» И это так же привычно, как то, что лучшая еда в доме предназначена для детей.

Когда самому Дау Ван Туату было пять лет, он кормился, как и другие пятеро ребят в семье, на помещичьем поле. Они пололи рис, и за это их кормили. Деньги же, которые зарабатывали родители, батрача на этом же поле, шли на то, чтобы прокормить отца — основного работника. Когда Дау Ван Туату сравнялось семь, семья продала дом, утварь и пешком двинулась в Хайфон — на фабрику. Пятьдесят километров шли пешком. Впрочем, шли не все: двое младших раскачивались в корзинах на коромысле, перекинутом через плечо отца.

В Хайфоне родители работали на прядильной фабрике, а дети слонялись по улицам, выпрашивая в домах мелкую работу.

...Сегодня жена сказала: «Скоро девочки придут с работы». Значит, сегодня за столом будут говорить о строительстве плотины или расчистке сквера: рабочие люди всегда говорят о своей работе. Но главное, девочки были в восторге от сквера. Он получался замечательным, просто щегольсквер.

...Когда все сели за стол, старшая сказала:

— Расскажи, как погибли мальчики.

Она сказала это просто и серьезно, и оттого с этой темы, на которую не говорили в семье, внезапно был снят запрет. Оттого и Дау Ван Туат ответил просто, как если бы говорил о чем-нибудь постороннем. Он сам удивился, как это просто он сказал:

— Когда началась война с французами, мы жили в деревне. Мать, я и вы — четверо. Двое мальчиков и вы — старшие. В тот год был сильный голод и в деревне умерло девяносто человек. Уходя в армию, я отправил мать и детей в другую деревню: говорили, там есть рис.

Однажды на деревню напали солдаты из иностранного легиона, и тогда все жители бежали. Мать взяла вас и мальчиков и тоже ушла из деревни. Она блуждала по джунглям много дней. Французы обстреливали их, и есть было нечего. И мальчики, оба мальчика, умерли. Вот и все.

Конечно, мать могла рассказать обо всем подробнее и страшнее, но она не сказала ничего. Она только встала и отошла к плите. И никто не сказал ничего. А потом старшая спросила:

— А письма в Алжир тоже можно будет послать?

Мать, не поднимая глаз, покосилась на нее. И хотя девочка только это и произнесла, мать прекрасно знала, о чем та думала. Девочки хотят описать в письме в Алжир историю гибели братьев. Тогда алжирцам, для которых такие события не история, а сегодняшний день, будет понятно, почему все школьники Вьетнама работали целую неделю, чтобы послать в помощь сражающемуся Алжиру заработанные деньги.

А Дау Ван Туат думал о том, что все-таки не до конца знает своих девочек. Он ведь был уверен, что сегодня будет разговор о сквере...

* * *

Вот эти две истории. Я дарю их тебе, Асмик, чтобы ты не огорчалась, что тебе не досталось сувениров. Я не люблю, когда дети грустят, я тревожусь, когда их настигают опасности, потому что я тоже мать. Я волнуюсь за тебя, Асмик, за мальгашского мальчика Жана, за девочек из Хайфона так же, как их матери беспокоятся за судьбу моей дочки. Матери не могут быть равнодушны: для их сердец не существует рубежей и нет большей святыни, чем счастье тех, кого они и их подруги послали в жизнь.

ВСТРЕЧА НА РЕКЕ ПОТОМАК

Борис ПОЛЕВОЙ

Когда самолет, приближаясь к Вашингтонскому аэродрому, начал снижаться и среди пышной весенней зелени на горизонте сверкнула стальная полоса реки Потомак, мне вспомнилась другая весна, другая река, и перед глазами встали картины военной встречи, состоявшейся тринадцать лет назад.

В конце апреля 1945 года передовые части Советской Армии, продолжая наступление, прорвались на берег Эльбы. Прорвались и остановились, ибо за рекой начиналась уже зона действия союзников. Утром, как только над закопченными руинами города Торгау, находившегося на той стороне, поднялось солнце, наблюдатели донесли: на берегу появились военные. Мы приникли к биноклям и увидели крепких ребят в еще незнакомой нам форме защитного цвета, напоминавшей наши лыжные костюмы, в касках, обтянутых маскировочной сеткой. Сразу поняли: американцы.

Будто по волшебству, ожил низкий зеленый пойменный берег. Солдаты вышли из кустов. Сложив руки рупором, кричали: «Здравствуйте, ребята! Давайте к нам!» На том берегу тоже махали касками и тоже что-то кричали. Потом американцы отыскали какую-то ладью, спихнули ее в воду и, гребя досками от сидений, направили ее наперерез течению. Через несколько минут советские солдаты принимали в объятия этот первый дружественный десант.

Что тут поднялось! Объятия, поцелуи, дружеские толчки в грудь и звонкие шлепки по спине, от которых шатало дюжих парней. И, конечно, гармонь, песни и пляс; конечно, разговоры с помощью нескольких русских или английских слов и мимических знаков, среди которых преобладали два: поднятый вверх большой палец, что, как известно, означало у наших солдат «отлично», и сложенные вместе в баранчку большой и указательный палец, что означало у американцев «О'кэй!», а по смыслу было тем же самым...

Чувствовалось, что встреча эта означает больше, чем оперативное соприкосновение союзнических армий, с боями двигавшихся навстречу друг другу. Солдатские рукопожатия на Эльбе символизировали сокрушение гитлеризма, близкий конец войны. В них выражалось взаимное уважение двух великих народов, живущих на противоположных концах земного шара. Советские и американские солдаты клялись тогда не забывать встречи на Эльбе и в мирные дни крепить дружбу, сложившуюся на войне, а главное, не допускать войны новой.

Сколько испытаний предстояло выдержать этой солдатской клятве!

Войны, горячие и холодные, вновь раскалывали земной шар, и все-таки тепло этих давних солдатских рукопожатий не остыло: в десятую годовщину исторической встречи Организация американских ветеранов встречи на Эльбе послала в Советский Союз свою делегацию, возглавляемую чикагским шофером Джозефом Половским. Советские и американские ветераны вновь дружески обнялись, на этот раз уже у русской реки Москвы.

Пока самолет заходит на посадку, я вспоминаю и эту, вторую встречу. Все мы стали за это время старше на десять лет. Сменили походные гимнастерки на пиджаки; но пожелтевшие фотографии, сделанные на Эльбе, помогли нам узнать друг друга.

Вторая встреча была тоже очень сердечной. Но мы заметили тогда, что поначалу гости наши держали себя как-то связанно, настороженно. Лишь за обеденным столом, когда солдатская чарка размягчила сердца, кое-кто из них признался, что много слышал и читал, будто в Советском Союзе не терпят американцев. Гости опаса-

лись, что кто-нибудь здесь может оскорбить их или их страну, и вместо миссии дружбы, с которой они прилетели, визит послужит лишь обострению холодной войны. В ответ я шутя предложил любому из наших гостей заключить пари. Я сказал, что ставлю годовой заработок против пуговиц от костюма любого из них, если кто-нибудь из американских ветеранов почувствует к себе неприязнь или услышит обидное слово. Один из американцев, текстильный мастер из Южной Каролины, принял это пари всерьез. И вот, когда гости вдоволь погостили у нас, посмотрели столицу и собрались на торжественный прием у начальника Генерального штаба, мастер из Каролины, отрезав от пиджака пуговицы, протянул их мне.

— Вы выиграли пари,— сказал он,— но когда, вы приедете на новую встречу, на этот раз на реке Потомак, я постараюсь выиграть у вас пуговицы.

...И вот она блестит в отдалении, река Потомак. Мы, пятеро советских ветеранов — прославленный летчик Алексей Маресьев, Александр Гордеев, первым прорвавшийся к Эльбе со своим полком, Иван Самчук, служивший тогда начальником штаба корпуса, солдаты которого встретились у Торгау с американскими частями, и самый молодой среди нас, Юрий Вольский, бывший в те дни старшим сержантом,—все мы приникли к окнам и увидели толпу, дружески приветствующую нас.

Цветы... Рукопожатия, такие крепкие, что от них слипаются пальцы. Объятия, от которых кости трещат, и снова, как когда-то на Эльбе, два выразительных солдатских жеста: пальцы, сложенные в бараночку, с американской стороны и поднятый вверх большой палец со стороны нашей... Он здесь среди встречающих, мой старый друг, текстильный мастер из Южной Каролины! Но атмосфера на аэродроме такая, что я чувствую — нет, не стоит заключать с ним ответное пари: слишком легко потерять свои пуговицы. Теперь, вспоминая о десяти днях, проведенных советскими ветеранами в Вашингтоне, могу без самодовольства сказать, что это было мудрой осторожностью. Встречаясь с американскими ветеранами, и не только со старыми друзьями-эльбинцами, пригласившими нас, но и с представителями других, более широких и многочисленных организаций ветеранов, мы убедились, что годы холодной войны не убили то, что здесь зовут «духом Эльбы».

Дух этот нашел множество проявлений. Еще на аэродроме какая-то старая женщина дала каждому из нас по скромному беленькому цветку. Друзья рассказали, что у женщины этой в Арденнской битве погиб единственный сын. Разве не дорог был нам этот скромный дар американской матери?! Однажды вечером, забирая у портье ключи, мы неожиданно получили вместе с ними по объемистому конверту, облепленному марками. В конвертах оказались пакетики с семенами. И письма, в которых женщина-садовод Мэри Филипс из Флориды сообщала, что посылает нам семена выведенных ею цветов. Она просила нас посадить эти семена дома, на русской земле. «Давайте выращивать сады мира. Обмениваться цветами, украшающими землю, лучше, чем готовить атомные бомбы»,— писала она. И мы, пятеро советских ветеранов, с удовольствием могли заявить, что разделяем это ее мнение.

Да, дух Эльбы, дух стремления к мирному сосуществованию жив не только в нас, но и в американском народе. Мы вместе с нашими хозяевами решили возложить венок на могилу Неизвестного солдата. Это было в будний день, в самую рабочую пору, но весть о том, что советские ветераны будут отдавать дань уважения могиле Джи Ай, каким-то образом распространилась по столице. Когда мы прибыли на место, все автомобильные стоянки вблизи кладбища пестрели машинами. Большая толпа обступила здание усыпальницы. При нас с соблюдением всего ритуала была произведена смена караула; а когда мы с венком начали подниматься по мраморной лестнице на холм, большой скрытый от глаз воинский оркестр заиграл траурный марш, и раздались протяжные гудки, напоминающие вой сирен воздушной тревоги...

Однако с особой теплотой все же вспоминается происшествие, случившееся на самом большом столичном стадионе, «Гриффит». Руководитель весьма мощной столичной организации «Ветераны иностранных войн» пригласил нас посмотреть традиционный бейзбольный матч между лидирующими командами «Сенатор» (Вашингтон) и «Янки» (Нью-Йорк). По накалу страстей это соответствовало бы примерно финальному матчу на кубок между «Спартаком» и «Динамо» в Москве. Бейзбол — традиционная американская игра, игра на редкость живая, веселая, требующая от участников много энергии и искусства. Сияние бейзбольных звезд, как пояснили нам, затмевает даже сияние звезд Голливуда. Так вот, две такие «звезды» — Микки Мантль и Рой Сильверс, тоже оказавшиеся ветеранами войны,— изъявили желание сфотографироваться с нами. Они уже оделись для матча в спортивные костюмы, и для осуществления их пожелания нам пришлось спуститься на поле. Тотчас же со стороны зрителей посыпались требования пояснить, кто это там снимается с Микки и Роем. Диктор заявил по радио, что на матче присутствуют советские и американские ветераны встречи на Эльбе. И тут произошло нечто такое, чего, кажется, не ожидал никто. Люди, переполнявшие стадион, будто поднятые единым порывом, встали и долго, очень долго криками, рукоплесканиями, пронзительным свистом приветствовали нас. Нет надобности говорить о том, что это овация в честь «духа Эльбы».

Однажды руководитель отдела по делам ветеранов округа Колумбия полковник Уолдрен Леонард повез нас с Маресьевым к себе в гости. В маленьком, уютном домике нас встретила вся его семья. Пока мы беседовали с женой полковника, пока осматривали его жилье и знакомились с библиотекой, дочери хозяина успели соорудить по какому-то особому рецепту, являющемуся фамильным секретом семьи Леонард, чудесный пирог, который, признаюсь, мы с аппетитом уничтожили почти полностью. Но дороже всего были для нас слова хозяйки дома, пожилой американской женщины. Она выразила горячую надежду, что руководители наших стран так же вот встретятся за столом, поговорят между собой и что со временем должна навсегда исчезнуть опасность новой войны.

Затем в роскошном отеле состоялся традиционный праздничный ужин ветеранов встречи на Эльбе. Наши друзья устроили здесь трогательную выставку старых фотографий и документов, напоминающих о встречах на Эльбе и в Москве. Была и специальная витрина сувениров, полученных когда-то участниками этих встреч от советских солдат и бережно до сих пор хранимых. Американские ветераны слетелись и съехались сюда со всей страны. Некоторые прибыли с женами. Гарри Шульман привез свой фильм, воспроизводящий эпизоды встречи на Эльбе и на Москвереке.

Делегаты советских ветеранов встречи на Эльбе Б. Полевой и А. Маресьев передают подарок советских ветеранов Второй мировой войны генералу Дуайту Д. Эйзенхауэру. По поручению Эйзенхауэра подарок принимает полковник Роберт Шульц.

С речами выступали и Алексей Маресьев, и полковник Уолдрен Леонард, и наш старый друг Джозеф Половский, пользующийся, как мы убедились, большой любовью товарищей. Он является душой организации. В единственном лице он представляет весь ее технический и административный аппарат.

Поздравив собравшихся с традиционным днем Эльбы, произнеся мудрые слова о том, что двум великим народам, имеющим столь сокрушительное оружие, следовало бы жить только в мире и дружбе, Джо развернул сверток, который он весь этот день носил с собой. Там оказалась бутылка столичной водки, на пожелтевшей этикетке которой стояла надпись: «25 апреля 1955 года. Город Москва». Оказывается, три года назад, получив эту бутылку от кого-то из ветеранов, он привез ее домой и хранил до новой встречи. Теперь эта водка была распита с великим энтузиазмом за новую встречу. Было решено, что мы поставим на бутылке новую дату — «25 апреля 1958 года. Город Вашингтон», увезем ее с собой, наполним соответствующим содержимым и снова выпьем из нее уже в Москве, когда американские ветераны прибудут к нам в гости...

Так прошла эта встреча советских и американских ветеранов в столице США. На аэродроме репортеры задали нам традиционный американский вопрос: что нам больше всего понравилось в Соединенных Штатах. Мы, пятеро советских людей, перебрав в уме массу впечатлений, не сговариваясь, единодушно ответили:

— Дух Эльбы!

Корнель Сентдерди. БОРЬБА ПРОТИВ МОНИТОРОВ В 1919 ГОДУ.

Выставка «Венгерское революционное искусство».

В 1919 году 133 дня существовало первое в истории Венгрии государство рабочих и крестьян. Внутренняя контрреволюция, поддержанная силами международного империализма, выступила против республики.

В один из июньских дней рабочий батальон подошел к Дунаю и занял огневые позиции. Появились белые мониторы. На помощь рабочему батальону пришли красные артиллеристы, с большим трудом дотащившие за ночь пушку от Шашхалома до Дуная. Они помогли отогнать мониторы. Об этом эпизоде самоотверженной борьбы и рассказывает венгерский художник Корнель Сентдерди в своей картине «Борьба против мониторов в 1919 году».

Геза Фоньи. НОВАЯ ПУБЛИКА В ЛОЖЕ.

Ева Гера. ПЕРЕД СЪЕЗДОМ СОЮЗА ТРУДЯЩЕЙСЯ МОЛОДЕЖИ.

Выставка «Венгерское революционное искусство».

В СЛУЖЕБНЫХ КОМНАТАХ МУЗЕЯ

Рассказ

Татьяна ТЭСС

Рисунки П. ПИНКИСЕВИЧА.

В среду, в десять часов утра, в своей комнате умер Иван Денисович Коротков.

Первым узнал о его смерти внук.

Мальчик вбежал в комнату и увидел деда в необычной позе: тот сидел, положив голову на скрещенные на письменном столе руки, и не то отдыхал, не то спал. И хотя наклон его большого тела был покоен, хотя он опирался на вытянутые руки лбом, словно сам выбрал для себя удобное положение,—в его неподвижности, в тусклой белизне висков было нечто удивительное, пугающее, нечто такое непонятное, что мальчик закричал и бросился со всех ног к матери.

Через несколько дней должен был состояться доклад Ивана Денисовича в Музее революции. Утром Борису Стрельченко, молодому научному сотруднику музея, ответственному за организацию торжественного вечера, позвонили по телефону, и дрожащий женский голос сообщил о случившемся несчастье. Стрельченко был так ошеломлен, что переспросил дважды, и потом от полной растерянности сказал:

— Ведь он только вчера приходил к нам...

Голос в трубке умолк. Потом женщина тихо, с хрипотцой сказала:

— Я и сама поверить не могу, что его нет.

Трубку положили, а Стрельченко все сидел, держа руку на телефоне, ошеломленный и печальной вестью и сознанием собственной бестактности.

Ивана Денисовича он знал с начала своей работы в музее. Ветеран партии, Коротков начал свою революционную работу еще в начале века. Борису Стрельченко он казался живым справочником по истории партии; научному сотруднику часто приходилось обращаться к Короткову за консультацией, и он всегда восхищался щедростью тех живых, зримых образов, в которые Коротков облекал любую, даже самую сухую справку.

В первый раз он встретил Короткова на одном из совещаний в музее. Обсуждался план новых экспозиций. Иван Денисович попросил слова. Усевшись удобней, Стрельченко приготовился слушать.

— Жизнь идет быстро,— сказал Иван Денисович, весело и дружелюбно оглядывая зал.— Хочется, чтобы в любом зале музея мы ощущали ее дыхание. Знаете, как летит время? Упустишь срок — не догонишь! Я предлагаю приобрести для фондов музея первую палатку, установленную на целине...

«Что он говорит? — изумившись, подумал Стрельченко.— Вот уж никак не ожидал!»

— Надо уметь различать в обыденных вещах великие приметы времени,— продолжал Иван Денисович, улыбаясь одними глазами.— Если мы запремся в музейных залах и упустим то, что на наших глазах создает жизнь, время нам этого не простит...

Когда совещание закончилось, Стрельченко подошел к проходившему мимо Ивану Денисовичу и неловко представился. Ему хотелось поговорить с ним.

— Весьма рад! — сказал Иван Денисович приветливо. И неожиданно добавил: — Читал вашу статью о Баумане. Написана умно, толково. Но... — Он опять улыбнулся одними глазами. — Он у вас какой-то застегнутый на все пуговицы! А ведь это был живой, прелестный человек... Вы только не обижайтесь, пожалуйста! — поспешно произнес он.

— Что вы, я не обижаюсь... — грустно сказал обидчивый Стрельченко.

Иван Денисович внимательно посмотрел на него.

— Пойдемте потолкуем,— сказал он.

Они проговорили до той поры, пока, спустившись вниз, увидели, что гардеробщицы уже нет, а на вешалке одиноко темнеет огромная, достающая до поставленных внизу галош шуба и рядом с нею куцая куртка с мерлушковым воротником.

С того вечера началось знакомство Стрельченко с Иваном Денисовичем.

Воспоминания его Стрельченко мог слушать бесконечно.

— Когда я встречался в Берлине с Карлом Либкнехтом...— начинал Иван Денисович, и молодой научный работник впивался в него глазами.

Стрельченко родился в большом южном городе на улице Карла Либкнехта, и то, что перед ним сидел человек, для которого Либкнехт был не памятником, не символом, а товарищем, с которым можно было вместе гулять по Берлину,— неизменно его потрясало.

Непринужденная учтивость манер Ивана Денисовича вызывала в Борисе зависть и восхищение. Пытаясь подражать ей, Стрельченко, когда однажды в комнату к нему вошел профессор истории, человек лет пятидесяти пяти, вскочил и уступил ему мягкое кресло. Профессор сделал протестующее движение рукой.

— Нет, нет, пожалуйста, — пылко сказал Стрельченко.— В вашем возрасте...— И осекся, увидев в глазах сидевшего рядом Ивана Денисовича лукавый огонек.

— Понимаете, какое дело...— сказал после ухода профессора Иван Денисович все с тем же лукавым блеском в глазах.— Иногда лучше не уступить человеку кресло, чем напомнить ему о его возрасте. В затруднительных случаях я предпочитаю именно такой вариант.

Вспомнив об этом, Стрельченко ощутил слабость и томление, как бывало с ним всегда, когда он припоминал этот злополучный эпизод. И тут же поймал себя на том, что продолжает думать об Иване Денисовиче, как о живом. Неужели же его больше нет? Эта мысль была такой пугающей и вместе с тем такой дикой, что Стрельченко вскочил со своего кресла и быстрой походкой пошел к директору музея.

Директор уже знал о несчастье.

В отличие от Стрельченко, который, как многие молодые и очень здоровые люди, в глубине души не мог представить, что будет когда-нибудь стариком, директор, человек пожилой, сразу ощутил в эту минуту свой возраст. Он сидел за столом, уйдя в печальные мысли о случившемся и тревожно прислушиваясь к легкой тянущей боли под левой лопаткой. Когда Стрельченко вошел в кабинет, директор повернул к нему близорукие глаза и тяжело вздохнул.

— Уходит старая гвардия,— сказал он дрогнувшим голосом.— А ведь казалось, что годы его не коснутся! Ужасно, что мы потеряли такого человека...

Он помолчал и сказал ту же фразу, которая вертелась на языке у Стрельченко:

— Надо подумать, кто может сделать вместо него доклад. Конечно, никто другой на эту тему так блистательно не выступит. Но вечер ведь отменить невозможно...

И он машинально покосился на лежащий перед ним нарядный пригласительный билет, где после написанной золотом юбилейной даты стояло: «Доклад И. Д. Короткова».

— Может быть, Прохоров? — нерешительно предложил Стрельченко.

Директор покачал головой.

— Не то! — сказал он.— Совсем, совсем не то...— И, потерев лоб, добавил:— Надо венок заказать.

Директор, снова тяжело вздохнув, потянулся к телефону, а Стрельченко вернулся в свою комнату.

Едва он сел за стол, как дверь открылась и браво вошел плечистый человек с седыми казацкими усами. Он был в черной куртке железнодорожника с двумя орденскими планками. Откашлявшись, посетитель вытащил из наружного кармана куртки наклеенную на кусочек картона фотографию.

— Семейная реликвия, так сказать...— Он так же браво протянул снимок Стрельченко.— Дай, думаю, снесу в музей! Может, понадобится им для научной работы. А у нас так лежит, для памяти...

На фотографии был изображен бронепоезд, стоящий у какого-то разъезда, возле маленького станционного здания. Отпечаток был старым и изрядно пожелтевшим от времени.

— Присядьте, пожалуйста...— Борис почесал щеку. Никакой особой музейной ценности фотография явно не представляла. На всякий случай Стрельченко снял трубку и позвонил в соседний отдел.

Тотчас же появилась Любочка, сотрудница отдела, считающаяся специалисткой по бронепоездам.

Маленькая, востроглазая, с рыжими, заколотыми сзади косичками, Любочка влетела в комнату, стремительная, как пуля, и впилась глазами в фотографию.

— Царицынский фронт? — решительно сказала она.

— Точно! — Железнодорожник снисходительно, с высоты своего роста посмотрел на щуплую Любочку.

— Из Харьковского депо! — констатировала Любочка.— Вы что, в гражданскую войну были машинистом на бронепаровозе?

— Машинистом...

— Козлов вас назначил?

— Он...— Железнодорожник озадаченно откашлялся.— Мы с ним до сентября вместе воевали. А в сентябре я...

— До августа,— прервала его безжалостная Любочка. — В августе Козлов был уже на другом участке. Привел туда большой новый бро-

непоезд, сделанный коломенскими рабочими. С четырехосными платформами. «Грозный» назывался.

— «Грозный»...— повторил железнодорожник.— Точно, «Грозный»...

Он с изумлением покосился на свою собеседницу.

Любочка, родившаяся значительно позже, чем снимок был сделан, стояла против него, поправляя рыжие волосы и с важностью разглядывая фотографию.

— При наличии десантных подразделений такой бронепоезд мог выполнить тактические задачи самостоятельно...— с удовольствием выговорила Любочка.

Железнодорожник промолчал.

— У меня на этом бронепоезде жена рожала,— вдруг сказал он.

— Что? — не поняла Любочка.

— Жена рожала,— повторил посетитель.

Стрельченко и Любочка, оба, как по команде, повернули головы и уставились на него.

— Что вы! — сказала Любочка озадаченно.— Как же так?

— Как оно бывает, так и было...

Наступила пауза.

— Простите...— начала Любочка.

— Что тут прощать,— сказал железнодорожник.— Было и было.— Он остановился на секунду, в сомнении поглядев на своих собеседников, но потом продолжал:— Шли мы выполнять задачу по поддержке войск артиллерийским и пулеметным огнем. Вот как оно было. Обыкновенное дело. Остановились у станции, и тут я вижу: теща у пути стоит! Что, думаю, за притча? Наш домик, правда, недалеко, но откуда, думаю, вдруг теща у пути взялась? А она ко мне кидается. «Вася,— говорит,— у Зинаиды вдруг схватки начались! Надо до города добраться, а на чем? Боится она, Вася, ужас до чего боится... Велела не возвращаться, пока тебя не встречу». У нас заправка водой шла, и побежал я до дома. Прибегаю, ходит моя Зинаида по комнате, глаза запали, рот запекся... Кинулась ко мне, дрожит вся: «Помру,— говорит,— Вася, чувствую, что помру, кость у меня узкая, не родить мне»... «Глупая твоя душа! — говорю.— Бери шаль, идем на станцию!» Ну, взяла она шаль, узелок какой-то схватила, и пошли мы. Пришли к составу — я прямо к командиру, все ему выложил. Он смотрит на меня, долго так смотрел. Потом говорит: «Бери, говорит, товарищ Семкин, жену на бронепоезд, отвезем ее до города». А я стою перед ним столбом, не ухожу. «Тещу,— говорю,— тоже надо взять, чтоб была возле нее...» Ну, командир поскучнел немного, но ответил: «Пес с тобой, бери и тещу, раз такое дело».

Он остановился.

Любочка смотрела на него, на маленьком ее лице, усеянном веснушками, было почти детское выражение внимания. Забыл о своих делах и Стрельченко, слушая рассказ.

— Ну, забрал я их на паровоз. Только отъехали, вижу, Зинаида уже платок грызет. «Терпи,— говорю,— терпи до города, не дай бог родишь на бронепаровозе!» Она отвечает: «Я, Вася, терплю, да он не терпит». Я, конечно, поспешаю, но про себя думаю: «Связь с городом порвана, может, на улицах уже бой идет, только Зинаиды там не хватало...» Ну, подъехали мы к разъезду, высадил я Зинаиду с тещей. И не прошло и часа, можете представить, как наш бронепоезд бой принял. Изрешетили нас, ровно сито, однако станцию мы у противника отбили.— Он помолчал.— Но погиб в этом бою наш командир...

— А сын? — спросила Любочка.— Сын родился?

— Вместо сына дочка родилась.— Железнодорожник покачал головой.— И у той дочки сейчас обратно дочка. Обеи Александры. В честь командира.— Он откашлялся.— Так оставить вам фотокарточку или нет?

— Оставьте, пожалуйста! — поспешно сказала специалистка по бронепоездам. Она взяла из его рук старую, плохо отпечатанную фотографию и бережно положила на стол.

После того как Любочка, тряхнув своими рыжими косичками, наконец ушла, Стрельченко принялся за работу.

На столе у него лежал собравшийся за день материал. Наверху был циркуляр Наркомпроса за 1918 год. Подписан он был так: «Заведующий библиотечным отделом Наркомпроса Валерий Брюсов». Проглядев циркуляр, Стрельченко отложил его в сторону.

Сейчас его занимало не это.

Рядом с папкой лежал комплект газеты «Серп и молот» Самарского губисполкома. Номера были подобраны за декабрь 1918 года. Стрельченко жадно перелистывал газетные полосы, отпечатанные на шершавой, грубой, как обертка, бумаге. Он готовил сейчас новую работу. Как раз этого-то ему и не хватало — хроники повседневной жизни самарской партийной организации в те дни,— и комплект был для него бесценной находкой.

В это время открылась дверь, и в комнату вошел новый посетитель.

Худощавый, одетый в серый бумажный костюм, он шел к столу легкими шагами, застенчиво улыбаясь. По осанке и быстроте движений он поначалу показался Стрельченко молодым. Однако, вглядевшись, Стрельченко увидел, что худое, тонкое лицо посетителя покрыто морщинами, а желтоватая кожа так обтягивает скулы, как это бывает у людей очень пожилых.

— Чем могу быть полезен? — Стрельченко отложил в сторону комплект.

Гость из Китая ничего не ответил и стоял, по-прежнему застенчиво улыбаясь.

«Не знает русского языка...» — смутившись, подумал Стрельченко.

Но в это время гость заговорил.

Он бегло и, в общем, правильно говорил по-русски, только некоторые звуки произносил необычно, и от этого знакомые слова становились новыми и не сразу понятными. Тем не менее Стрельченко разобрал, что посетитель просит разрешения сфотографировать для него витрину, посвященную Котовскому.

— Я знал его очень хорошо...— сказал китайский гость все с той же застенчивой улыбкой.

Стрельченко повел его в музей.

Они прошли по сводчатому коридору, по узким железным лестницам старинного здания и наконец добрались до маленькой, вделанной в стену двери. Приоткрыв ее, Стрельченко пропустил своего спутника вперед. И тотчас же в лицо ему пахнул особый, ни с чем не сравнимый запах музея, запах старых книг, чистоты, недавно натертого паркета.

Залы музея были, как всегда, полны народа. Стрельченко быстро шел, спутник неслышной походкой скользил за ним. Наконец они остановились у большого застекленного шкафа.

Там лежала старая кавалерийская шинель с нашивками. Рядом темнели шпоры, порыжевшая буденовка, кожаная кобура. Это были личные вещи Котовского. Здесь же хранилась страница из его записной книжки с несколькими сделанными карандашом записями. Первая из них гласила: «Не выказывай никогда никому своих жалоб».

Гость из Китая молча глядел на вещи. Стрельченко обернулся к нему, но тот даже не повел на него глазами. Худое, тонкое его лицо как бы окаменело, охваченное выражением глубочайшего душевного внимания.

Стрельченко был очень молод. Но он был работник музея и уже привык к тому, что экспонаты, которые казались для него достоянием далекой истории, для многих людей могут быть самой их жизнью.

Он смотрел на своего спутника, старался представить себе его жизнь и не мог. Он понимал только, что юность этого человека опалил огонь первых лет революции. Но как пересекся путь его с удивительной и пламенной судьбой Котовского? Где, в каких боях сражались они рядом? Худой человек с морщинистым лицом стоял у витрины, где под стеклом лежала старая шинель с нашивками, стоял навытяжку, как солдат.

— Завтра мы сделаем для вас фотографии...— сказал Стрельченко негромко. Гость из Китая вежливо раздвинул губы в улыбке, но не пошевельнулся. Стрельченко на цыпочках отошел и направился в свою комнату.

Усевшись за стол, Стрельченко придвинул комплект «Серпа и молота» и углубился в чтение.

Но в это время в дверь опять постучали.

Стук был настолько деликатен, что поначалу научный сотрудник не обратил на него внимания. Постучали снова, так же деликатно, но чуть погромче.

Вошла худенькая старушка.

Седые, коротко подстриженные ее волосы были аккуратно затянуты назад круглой старомодной гребенкой. Она была в скромном шерстяном платье и «мальчиковых» полуботинках на низких каблуках. Глаза ее неуверенно смотрели на Стрельченко.

— Присаживайтесь, прошу вас...— Стрельченко захлопнул папку.

Некоторое время они молча глядели друг на друга.

Старушка медлила; Стрельченко догадывался, что ее смущает его моложавость, которую он столько раз на день проклинал, и посетительнице кажется, что она ошиблась дверью.

Сам же он смотрел на нее с привычным чувством настороженного ожидания. Это чувство всегда охватывало его, когда в дверях его комнаты в музее появлялся незнакомый человек, и он, глядя на пришедшего, старался угадать, что именно привело сюда посетителя.

В руках старушки была только обычная дамская сумочка, и он покосился на эту старомодную, крокодиловой кожи сумку с отломанным замком. И действительно старушка открыла сумку.

Она вынула оттуда клетчатый носовой платок, в который было что-то завернуто, и стала осторожно его распутывать.

— Позвольте, я помогу вам...— наконец сказал Стрельченко, не выдержав.

— Не затрудняйтесь, пожалуйста,— сдержанно ответила старушка.

Она справилась с узлом и аккуратно расправила платок. В нем лежала небольшая плоская медаль.

В центре медали, окруженная венцом листьев, была вычеканена фигура женщины, держащей в руках винтовку. Одетая в простое рабочее платье, с косынкой на уложенных вокруг головы тугих косах, женщина, слегка наклонив голову, вглядывалась вперед, и Стрельченко в неожиданном волнении рассматривал ее лицо, угадывая в нем облик Родины, какой она была в те далекие годы.

Внизу, под барельефом, значилась юбилейная дата: 1917—1920.

Научному сотруднику было известно о существовании такой медали, но увидел он ее впервые. Вертя в руках медаль, он быстро и деловито задавал посетительнице вопросы:

— Медаль принадлежит лично вам? Так-так... Простите, как ваша фамилия? Спасибо. Где вы, простите, работали в те годы? В Наркомпросе, говорите... Благодарю вас. А перед этим вы жили в Москве? Вот как! — Он перевернул медаль и стал рассматривать ее в лупу. — И чем же вы занимались? — продолжал он, разглядывая прочеканенный ободок.

Посетительница не ответила.

— Весьма любопытно, весьма! — сказал Стрельченко с удовольствием.— Таких медалей было выпущено очень немного. Так где, говорите, вы работали? В Самаре?

Он отодвинул медаль и поднял глаза. Посетительница скучающе смотрела в окно.

— Моя жизнь слишком длинна, чтобы сразу рассказать ее,— проговорила она.— Малознакомому человеку к тому же...

— Простите, пожалуйста! — Стрельченко почувствовал, как горячая краска ползет у него по щекам.— Но вы должны понять, у нас такой порядок... Нам нужно знать происхождение каждой вещи, принесенной в музей...

— Я очень дорожу этой медалью,— сказала посетительница неприветливо.— Потому я и принесла ее сюда.

Наступила пауза.

Старушка захлопнула сумочку и поднялась.

— У меня есть дома кое-какие фотографии...— сказала она, глядя в окно.— Быть может, они представят для вас интерес...

— Весьма признателен! — поспешно ответил Стрельченко.

Сдержанно кивнув ему головой, старушка направилась к выходу.

— Простите, а это? — спросил Стрельченко, беря в руки медаль.

— Это,— сказала старушка с ударением,— это я оставляю вам, молодой человек! — Она посмотрела на него сквозь очки.— Буду рада, если медаль пригодится для музея. Прощайте.

И она закрыла за собою дверь.

Некоторое время Стрельченко сидел неподвижно, откинувшись на спинку кресла. Он снова раскрыл комплект «Серпа и молота», но не мог сосредоточиться, сколько ни старался. Что за день был сегодня, что за день!.. Долго сидел он так, не отнимая рук от шершавых плотных листов и глядя перед собой.

Мысли его снова вернулись к Ивану Денисовичу.

И вдруг он с щемящей ясностью ощутил, что никогда больше не увидит, как Иван Денисович входит в его комнату, как садится в кресло у окна, поворачивая к свету красивую седую голову, как смотрит на него, лукаво прищурясь...

Сквозь толстые стены старинного здания слабо, точно дыхание, доносился шум улицы. Было видно, как через двор протянулась чинная цепочка школьников, шествующих на экскурсию в музей. Сбоку, хозяйски оглядывая их, шагала учительница. Проходя мимо старой пушки у ворот, школьники замешкались, а самый маленький деловито и быстро полез на лафет. Учительница оглянулась на него, и мальчуган рысцой побежал к входной двери.

Стрельченко вздохнул, положил газеты в папку и направился домой.

* * *

На следующий день, едва научный сотрудник пришел в музей, в дверь его комнаты постучали. Стрельченко сразу узнал этот стук, деликатный и вместе с тем настойчивый.

— Войдите! — крикнул он, пригладив волосы.

Вошла уже знакомая ему старушка.

Она была в том же платье, но с кружевным воротником и бантиком; в руках ее была крокодиловая сумка. Церемонно поздоровавшись, старушка села и положила сумку на худенькие колени.

Наступило молчание.

Как многие застенчивые люди, Стрельченко не переносил затянувшихся пауз. Но старушка, видимо, чувствовала себя преотлично. Неторопливо поворачивая голову, она оглядывала комнату; потом окинула взглядом Бориса, словно только сейчас увидела его. Помедлив еще немного, она открыла сумочку.

— Вот...— Она положила на стол несколько фотографий.

Стрельченко с первого взгляда узнал на фотографии человека в широкополой шляпе, его свисающие вниз усы, смелый и легкий поворот головы... Южное небо сверкало над воздушными, точно плывущими в воздухе, куполами пиний. За оградой висячего балкона угадывалось море. На том же балконе стоял неизвестный Стрельченко веселый бородач и еще один человек в светлой блузе; в его загорелом лице научный сотрудник смутно угадывал что-то знакомое.

Сбоку, опершись на балюстраду, сидела тоненькая, как прутик, девушка в кружевной шляпе с розами, в платье, стянутом широким поясом, с сумочкой на коленях. Большие, мохнатые от ресниц глаза лукаво щурились. Лицо девушки было Стрельченко совершенно незнакомо. Узнал он только сумочку и уставился на нее, как прикованный.

— Хозяина дома вы, надеюсь, узнали,— сказала старушка.— Снимок сделан у него на Капри. Человек с бородой,— она ткнула в фотографию тонким, желтым пальцем,— это Василий Иванович Немирович-Данченко. Был известен своими корреспонденциями с театра военных действий во время русско-японской войны. Вы не читали их, конечно...— Она холодно посмотрела на Стрельченко сквозь очки.— Рядом с ним...— она указала на человека в светлой блузе, — рядом с ним знаменитый «шлиссельбургский узник»,— надеюсь, вам не надо называть его имя. А вот это...— тонкий желтый палец коснулся лица девушки в кружевной шляпе,— это, изволите ли видеть, я сама.— Она пожала плечами и снисходительно усмехнулась.— Собственной персоной! В ту пору я была в Италии в эмиграции.

Она забрала снимок из рук Стрельченко и положила на стол другую фотографию.

Человек в косоворотке весело и смело глядел с фотографии. Густые волосы были зачесаны назад, высокий лоб пересекала тонкая морщинка. Через весь снимок шла надпись, сделанная размашистым почерком:

«Антонине Николаевне — с горячим приветом».

— Это товарищ Василий,— сказала старушка значительно.

Стрельченко ничего не ответил. Он не знал, кто такой товарищ Василий, и ждал, что посетительница расскажет сама.

— Товарищ Василий,— с уважением повторила старушка,— большого таланта человек.— Она пристально смотрела на фотографию, словно видела его впервые.— В ту пору он приехал для нелегальной работы в Самару. Я встречала его на вокзале с фиалками в руках. Под видом невесты. А мы и знакомы-то не были! — Она задумчиво покачала головой.

— А как его фамилия? — осторожно спросил Стрельченко.

Он впился в старушку глазами. Это было просто чудом: сейчас, когда он готовит работу о самарской организации, прямо в руки к нему идет новый материал!

Посетительница снисходительно посмотрела на него.

— Никто из нас не знал его фамилии. Товарищ Василий — и все. А когда его арестовали, в самарской тюрьме он значился как Павел Костин.— Она помолчала.— Не дожил до наших дней,— произнесла она медленно.— Умер в тюремной больнице от туберкулеза. А какой был талантище!

— Ох, хорошо бы узнать его фамилию... Как вы думаете, кто-нибудь еще, кроме вас, может рассказать о нем?

— Слишком много прошло времени, моло-

дой человек,— сдержанно произнесла посетительница.

Наступила пауза.

— Послушайте...— Стрельченко осенила неожиданная мысль.— Может быть, вы знали Степанова-Крамского? Он работал в Самаре в те годы.

Старушка сразу сняла очки.

— Степанова-Крамского? — переспросила она каким-то новым, глубоким голосом.— Конечно, я его знала! Но я думала...

— Одну минуточку! — сказал Стрельченко, счастливо улыбаясь.

Он быстро набрал телефонный номер и тотчас услышал в трубке знакомый бас. Как всегда в этот час, Сергей Петрович Степанов-Крамской был дома и работал.

— Простите, Сергей Петрович, у меня к вам один вопрос...— От нетерпения Стрельченко так прижимал трубку, что у него заныл висок.— Вы знали в Самаре товарища Василия?

— Как же! — пророкотал бархатный бас.

— И вы могли бы...—начал Стрельченко и остановился, услышав рядом с собою движение.

Он обернулся на этот легкий, стремительный шелест — и не узнал своей посетительницы.

Щеки ее порозовели, она стояла, выпрямившись, блестя глазами, и протягивала руку, чтобы взять трубку. Все изменилось в ней: и взгляд, и поворот головы, и улыбка, лукаво морщившая губы. Неизъяснимо мягким, быстрым движением она взяла из рук Стрельченко трубку.

— Сергей Петрович...— сказала она звонким грудным голосом.— Бог мой, какая неожиданность! Помните, в Самаре... Вы были тогда студентом. Помните, мы сидели в ложе... Давали «Потонувший колокол» с Истоминой. Вместе с нами сидел в ложе студент-медик. Ах, господи, ну как бы вам рассказать! Такой смешной, рыжий студент, вы называли его «трубчатые кости»... Это было перед вашей ссылкой в Камень...

Она говорила, вся подавшись вперед, глаза ее блестели, голос звенел...

В трубке стояла тишина.

Сергей Петрович молчал.

«Он не помнит...» — с ужасом подумал Стрельченко.

— Пятьдесят лет назад...— тихо сказала посетительница.— И словно это было вчера...— Она умолкла.

Оживление ее гасло, как будто внезапно вспыхнувший в ней и осветивший все ее черты фонарик постепенно притухал. Она по-прежнему стояла, выпрямившись, но глаза ее стали беспокойными, и Стрельченко почудилось, что в них мелькнул страх.

— Тонечка...— вдруг явственно послышалось в трубке,— Тонечка, милая...

Глаза старушки вспыхнули.

Она так плотно прижала трубку к уху, что дальше Стрельченко ничего не смог разобрать. Снова сияя, она внимала голосу, говорившему для нее одной.

И Стрельченко, глядевший на нее, точно завороженный, вдруг с необычайной четкостью увидел в этом морщинистом лице черты тоненькой девушки в кружевной шляпе с розами, увидел ее мохнатые от ресниц глаза, неизъяснимо лукавую, нежную усмешку...

Он встал из-за стола и отошел к окну, чтобы не мешать ей. А старушка по-прежнему держала обеими руками трубку, слушая голос юности, льющийся ей навстречу.

Наконец она положила трубку и, подарив научного сотрудника рассеянной улыбкой, ушла, помахивая своей крокодиловой сумкой с отломанным замком.

Стрельченко еще немного постоял у окна, глядя на снежную улицу, на троллейбус, что проворно бежал, задрав длинные усы, на торопливо идущих прохожих... Потом обернулся.

У самой двери стоял стриженый мальчик. Вытянув тонкую шею, он смотрел на Стрельченко. У него было круглое лицо и большие серые глаза. На вид ему было лет девять.

— Здравствуйте, — сказал он. — Меня послала к вам мама.

Он сделал шаг вперед. Розовые уши его слегка торчали. Это был обыкновенный мальчик с обычными приметами своего возраста. И все же в выражении его лица было нечто такое, отчего Стрельченко вдруг испытал смутное чувство тревоги. Вероятно, это крылось во взгляде его блестящих серых глаз. Он прямо и немного сурово смотрел на Стрельченко.

Мальчик подошел к столу. В ту же минуту Стрельченко узнал его.

Это был Котя, внук Ивана Денисовича.

Некоторое время они молча глядели друг на друга. Прикусив нижнюю губу, мальчик протянул Стрельченко пачку исписанных крупным, четким почерком страниц.

— Мама просила вам передать,— сказал он.

Стрельченко сразу узнал почерк, но не смел поверить своей догадке. Осторожно, словно листы могли исчезнуть, он взял верхнюю страницу. Первая же фраза вошла в его сознание с такой пронзающей силой, что он вздрогнул.

Это был доклад Ивана Денисовича, написанный собственной его рукою,— весь, от начала до конца.

Человек умер, закончив работу, упал ничком, как часовой, который дождался, когда его сменили на посту.

Стрельченко стоял, потрясенный, держа в руках пачку глянцевых, прохладных страниц. Потом перевел глаза на мальчика. Тот не уходил.

— Ты что, Котя? — спросил Стрельченко машинально.

— Я пришел на сбор, — сказал мальчик.— В третий зал. Сегодня у нас сбор в музее.

— Сбор? — Стрельченко не сразу понял.

— Торжественный сбор,— повторил мальчик.— Будут принимать в пионеры...— Он замолчал.

— Вот оно что...— сказал Стрельченко медленно.

— Я сначала не хотел идти на сбор,— проговорил мальчик.— Но мама сказала... Мама сказала, что дедушка бы сказал...— Подбородок его дрогнул.

— Проводить тебя в третий зал? — спросил Стрельченко тихо.

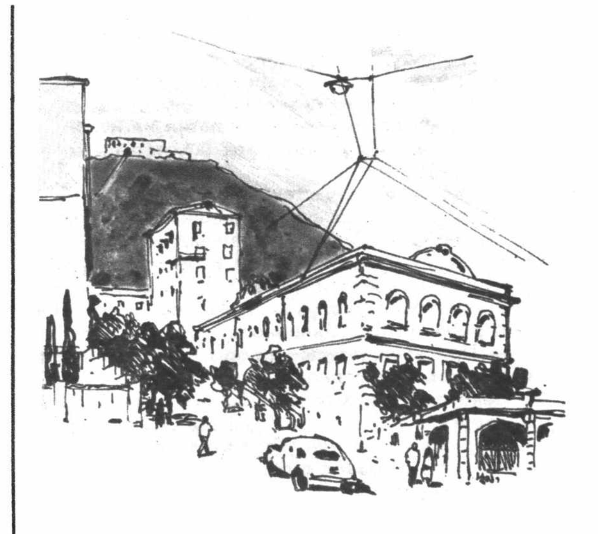
Мальчик покачал головой.

— Нет,— сказал он.— Я сам.

Он постоял еще секунду, потом повернулся и пошел к выходу. Дверь за ним закрылась, и тотчас же Стрельченко услышал, как каблуки его быстро и часто застучали по крутым железным ступеням, словно прошумел по крыше весенний дождь.

И вспомнились Стрельченко, как уже вспоминались не раз, старые деревья в лесу, облитые светящимся потоком молодой листвы, с крепкими, как металл, корнями, глубоко ушедшими в землю.

Старые деревья, которые каждую весну света самой жизнью своей утверждали победу бессмертной молодости на земле.

Хозяин Тбилиси

Евг. ЕВТУШЕНКО

Родился он в семье крестьянской, бедной,
был верным другом овцам и быкам.
В селенье,
прилепившемся над бездной,
учился он ходить по облакам.

Любил один в ущельях он шататься,
надеждою хлеб юности соля,
но вот,
когда исполнилось шестнадцать,
его в Тбилиси собрала семья.

Отец сказал, что путь в Тбилиси длинный,
что жизнь в Тбилиси будет нелегка,
и дал ему в дорогу рубль с полтиной
и обувь сшил ему из бурдюка.

Он уходил.
Щемяще пели осы.
Быки, не понимая ничего,
мычали тихо,
и глядели овцы
с застенчивой печалью на него.

В Тбилиси крики:
«Эй,
купат попробуй!» —
и улицы,
как пестрые миры...
Пропитанная винным камнем обувь
разбухла и размякла от жары.

Была жара,
но чувствовал он холод.
Среди чужой гудящей тесноты
по мостовой
под общий громкий хохот
шел, оставляя алые следы...

Так говорил тбилисский архитектор,
в свои воспоминанья погружен,
не о себе как будто,
а о тех, кто
пришел в Тбилиси так же, как и он.

Вокруг его домов журчали листья,
и, обо всем заботливо судя,
он шел со мной по новому Тбилиси
и чувствовал хозяином себя.

И улыбался благодарный город.
Все улыбалось —
дети и сады...
А это он
вот здесь
под общий хохот
шел,
оставляя алые следы...

СЕМЬ ЗАПИСЕЙ ПУШКИНА

Рассказы об убийстве Павла I

И. ФЕЙНБЕРГ

Погиб увенчанный злодей...
Ода «Вольность»

Пушкин с поражавшей современников смелостью изобразил смерть Павла в строфах «Вольности». «Образ правления в России — самовластие, ограниченное удавкой»,— заметил он позже, продолжая с настойчивостью историка собирать рассказы участников цареубийства 11 марта 1801 года, которое собирался, судя по всему, изобразить в задуманной им Истории Александра I.

В течение первых дней после убийства Павла заговорщики открыто хвастали своим участием в нем, вспоминали современники. Но вскоре Александр, возведенный на престол заговорщиками, подверг их опале. Рассказы об 11 марта оказались под запретом, и самодержавная власть начала охоту за мемуарами участников заговора. «Наше правительство следит за всеми, кто пишет записки, и по смерти лица похищает их дорогой ценой у наследников» или попросту изымает их, — сообщал декабрист Волконский, вспоминая судьбу записок и бумаг Бенигсена и Платона Зубова — виднейших участников убийства Павла.

Признаваясь, что он задумал написать Историю Александра I как обличитель, «пером Курбского», Пушкин заметил: «Непременно должно описывать современные происшествия, чтобы могли на нас ссылаться». Изучая краткие записи его об 11 марта, нельзя не удивиться исторической осведомленности Пушкина. Но сделанные им «про себя» на страницах дневника исторические заметки требуют раскрытия — и, как увидим, поддаются ему.

I

Говоря о делаемых для памяти кратких записях, Гоголь вспоминал, что нередко Пушкин, «нарезавши из бумаги ярлыков, писал на каждом по заглавию, о чем когда-либо потом ему хотелось припомнить... и потом, когда случалось ему свободное время, он вынимал наудачу первый билет; при имени, на нем написанном, он вспоминал вдруг все, что у него соединялось в памяти с этим именем, и записывал о нем тут же, на том же билете, все, что знал. Из этого составились те статьи, которые напечатались потом в посмертном издании его сочинений и которые так интересны именно тем, что всякая мысль его там осталась живьем, как вышла из головы».

Если бы Пушкин записал подобным способом свое неизвестное нам стихотворение, попытка восстановить содержание его не могла бы, конечно, иметь успех. Но когда речь идет об исторических записях поэта, положение меняется. Перед нами большей частью не шифр, а запись, в которой Пушкин на страницах дневника кратко фиксировал свое знакомство с источниками, говорящими об истории заговора 11 марта. И если нам удастся обнаружить источники, о знакомстве с которыми свидетельствуют записи Пушкина, мы получим возможность раскрыть содержание кратких пушкинских записей об 11 марта.

II

«Говорили много о Павле I, романтическом нашем императоре», — записал Пушкин 2 июня 1834 года в дневнике, вспоминая вечер у Карамзиной, где собрались его друзья Вяземский, Жуковский и Полетика. «Я очень люблю Полетику», — добавляет Пушкин. Лишь за несколько дней до этого поэт записал его рассказы о последних годах царствования Екатерины II. Свои воспоминания о Павле I Полетика записал сам; обратившись к ним, мы узнаем, какого рода рассказы, живо рисующие обстановку последних лет павловского царствования, сообщал Полетика Пушкину и его друзьям.

«Это было в 1799 или 1800 году... — рассказывает Полетика. — Я завидел вдали едущего мне навстречу верхом императора и с ним ненавистного Кутайсова. Таковая встреча была тогда для всех предметом страха... Я успел заблаговременно укрыться за деревянным обветшалым забором, который, как и теперь, окружал Исакиевскую церковь. Когда, смотря в щель забора, я увидел проезжающего государя, то стоявший неподалеку от меня инвалид, один из сторожей за материалами, сказал: «Вот-ста наш Пугачев едет!» Я, обратясь к нему, спросил: «Как ты смеешь так отзываться о своем государе?» Он, поглядев на меня, без всякого смущения отвечал: « А что, барин, ты, видно, и сам так думаешь, ибо прячешься от него». Отвечать было нечего...»

Павел I. Рисунок А. Пушкина.

Не менее интересны и другие рассказы Полетики, которые были опубликованы впоследствии в его записках. Но это все-таки лишь заинтересовавшие Пушкина рассказы современника, а не участника заговора 11 марта.

III

Размышляя о том, как могли проникнуть в зарубежную историческую литературу чрезвычайно «верные и подробные известия» об умерщвлении Павла, близко знавшая Пушкина А. О. Смирнова писала в 1845 году: «Граф Ланжерон также способствовал разглашению этих ужасных подробностей... Он написал воспоминания об этой эпохе».

«Революционною бурею выброшенный из своего отечества, он беззаботно и весело прожил век в чужой земле и дослужился у нас до высокого чина и голубой ленты»,— писал о Ланжероне Вигель, мастер злых характеристик и карикатурных портретов. «С тех пор как свет стоит, неосновательнее графа Ланжерона еще ничего видно не было»,— пояснял он вдобавок. Репутация эта укрепилась за Ланжероном, и изучение отношений его с Пушкиным шло поэтому как-то по касательной: вспоминали, что граф мучил поэта чтением своих стихов и трагедий. Между тем столь нелестное представление о значении, какое имело для Пушкина знакомство с Ланжероном, является поверхностным. Поэт сблизился с Ланжероном в Одессе и встречался с ним позднее в Петербурге. Ланжерон, как отмечают более вдумчивые исследователи, был для Пушкина необычайно интересным рассказчиком. И, добавим, не только рассказчиком. Воспоминаниями об исторических событиях Ланжерон делился не только в беседах с друзьями: в эти годы он пересматривал и редактировал свои мемуары. Обращение к ним,— а они к изучению Пушкина до сих пор не привлекались — открывает нам нередко источники исторической осведомленности Пушкина.

Мемуары Ланжерона, записавшего в начале царствования Александра I воспоминания руководителей заговора — Палена и Бенигсена, с которыми он был в дружеских отношениях, — очутились после смерти Ланжерона в Париже. Как они попали туда, объясняет недавно найденная нами в бумагах известного собирателя исторических материалов А. И. Тургенева карандашная запись, набросанная на клочке бумаги. Тургенев сообщает в ней, что рукопись своих обширных мемуаров Ланжерон оставил французскому консулу в Одессе, который предложил вдове графа издать их. И так как согласиться на это она не решилась, мемуары были пересланы консулом в парижский архив. Они стали сначала достоянием французских историков; записку «О смерти Павла I», целиком включенную Ланжероном в свои мемуары, впервые использовал Тьер в Истории консульства и империи. В России эта записка Ланжерона смогла увидеть свет лишь после революции 1905 года. Большая же часть обширных мемуаров Ланжерона остается поныне неизданной.

Но в своей карандашной записи А. И. Тургенев сообщает, что прежде чем мемуары Ланжерона очутились в парижском архиве, они читаны были «многими лицами в Одессе, как при жизни графа Ланжерона, так и после смерти его».

С Пушкиным Ланжерон был настолько откровенен, что показывал ему даже подлинные письма молодого великого князя (Александра), писанные незадолго до 11 марта. В одном из этих писем наследник признавался Ланжерону: «Я Вам пишу мало и редко, потому что я под топором». Эта фраза, вспоминает Пушкин в дневнике 21 мая 1834 года, «меня поразила». «Ланжерон был тогда недоволен, — добавляет поэт, — и сказал мне: «Вот как он... [Александр.— **И. Ф.**] писал; он обращался со мною, как с другом, все мне поверял, зато и я был ему предан. Но теперь, право, я готов развязать мой собственный шарф...» Офицерским шарфом задушен был Павел.

Таким образом, Ланжерон, способствовавший, по словам современников, разглашению «ужасных подробностей» смерти Павла, беседуя с Пушкиным, вспоминал с полной откровенностью о заговоре 11 марта и показывал надолго запомнившиеся поэту письма наследника. Едва ли можно сомневаться поэтому, что Ланжерон, дававший друзьям читать свои мемуары, познакомил Пушкина с вошедшими в их состав воспоминаниями Палена и Бенигсена. Обращение к его мемуарам объ-

яснит нам, что узнал от Ланжерона Пушкин о заговоре 11 марта.

IV

Писать об 11 марта значило писать об Александре, перешагнувшем через труп отца. «Он мог снести все лишения, все страдания, все оскорбления. Только воспоминание о смерти отца, мысль о том, что его могут подозревать в соучастии с убийцами, приводила в исступление», — говорит в своих воспоминаниях об Александре монархист Греч.

Александр «окружен был убийцами его отца, — писал Пушкин, вспоминая заговор 11 марта. — Вот причина, почему при жизни его никогда не было бы суда над молодыми заговорщиками, погибшими 14-го декабря. Он услышал бы слишком жестокие истины». Этой жестокой истиной было обвинение в соучастии Александра с заговорщиками.

Записанные Ланжероном воспоминания Палена содержат достаточно ясные доказательства виновности Александра. Не решаясь встречаться с наследником, Пален обменивался с ним записками. Но однажды, рассказывает Пален, Павел увлек его в свой кабинет, едва только он успел сунуть в карман записку великого князя. «Император заговорил о вещах безразличных; он был в духе в этот день, развеселился, шутил со мною, — вспоминал Пален,— и даже осмелился залезть руками ко мне в карманы, сказав: — Я хочу посмотреть, что там такое, — может быть, любовные письма!..

«— Как же выпутались вы из этого опасного положения? — спросил Ланжерон.

— А вот как,— отвечал Пален, — я сказал императору: «Ваше величество! что вы делаете? оставьте! ведь вы терпеть не можете табаку, а я его усердно нюхаю, мой носовой платок весь пропитан; вы перепачкаете себе руки...» — Тогда он отнял руки и сказал мне: «Фи, какое свинство! вы правы!..» Вот как я вывернулся».

За четыре дня до того, как удар был наконец нанесен, Павел спросил Палена в упор: «Вы были здесь в 1762 году?» (в этот год заговорщиками задушен был Петр III). «Но почему, ваше величество, задаете вы мне подобный вопрос?» — спросил Пален. «Потому, что хотят повторить 1762 год...»

— Да, ваше величество, хотят! Я это знаю и участвую в заговоре, — отвечал Пален, — и должен делать вид, что участвую... Ибо как мог бы я узнать, что намерены они делать, если не притворюсь, что хочу способствовать их замыслам?.. Я держу в руках все нити заговора, и скоро все станет вам известно...

На этом наш разговор, рассказывал Пален, и остановился; я тотчас же написал про него великому князю, убеждая его завтра же нанести задуманный удар; он заставил меня отсрочить его до 11-го дня, когда дежурным будет третий батальон Семеновского полка, в котором он был уверен еще более, чем в других остальных...»

Но, как рассказывал Пален Ланжерону, Александр потребовал обещания, что, устраняя Павла, заговорщики не станут покушаться на его жизнь. «Я дал ему слово, — сказал Пален Ланжерону, пояснив, однако: — Я не был настолько лишен смысла, чтобы внутренне взять на себя обязательство исполнить вещь невозможную; но надо было успокоить щепетильность моего будущего государя...» По поводу этой лицемерной «щепетильности» Герцен недаром заметил, что отца Александр «позволил убить — только не до смерти...»

V

Пален не пожелал быть, как он и сказал Ланжерону, «ни очевидцем, ни действующим лицом» при умерщвлении Павла. Только «накануне дня, назначенного для выполнения его замыслов, он открыл мне их, — сказал Бенигсен Ланжерону, тут же добавив: — Я согласился на все, что он предложил».

«В намеченный день,— продолжает Бенигсен свой рассказ,— мы все собрались к Палену; я застал там троих Зубовых, Уварова, много офицеров гвардии; все были по меньшей мере разгорячены шампанским». Когда Бенигсен привел заговорщиков к дверям императорской спальни и они ворвались в нее, Павел «забился в один из углов маленьких ширм, загораживавших простую без полога кровать, на которой он спал...

Как и все другие,— говорит Бенигсен,— я был в парадном мундире, в шарфе, в ленте через плечо, в шляпе и со шпагой в руке». Рассказав о пререканиях, в которые Платон Зубов вступил с императором, Бенигсен не пожелал описать сцену убийства. Заговорщики, сказал он Ланжерону, «теснясь один на другого, опрокинули ширмы на лампу, стоявшую на полу, посреди комнаты, лампа потухла. Я вышел на минуту в другую комнату за свечой, и в течение этого короткого промежутка времени прекратилось существование Павла».

На этом, пишет Ланжерон, Бенигсен кончил свой рассказ. И добавляет: «Бенигсен не захотел мне больше ничего говорить, однако оказывается, что он был очевидцем смерти императора, но не участвовал в убийстве...». Убийцы Павла «не имели ни веревки, ни полотенца, чтобы задушить его; говорят, Скарятин дал свой шарф, и через него погиб Павел».

Обо всем этом Пушкин имел возможность узнать от Ланжерона. Но и до знакомства с ним и после него поэт старался проверить и дополнить собранные им сведения рассказами и записками других участников убийства Павла.

VI

«Генерал Болховской хотел писать свои записки (и даже начал их; некогда, в бытность мою в Кишиневе, он их мне читал)»,— вспоминал в начале июня 1834 года Пушкин в своем дневнике. Своего участия в цареубийстве Болховской не скрывал. «И впоследствии,— вспоминает А. О. Смирнова,— должен был сам раскаяться в этом». В Кишиневе Пушкин однажды смутил Болховского, провозгласив при всех тост за его здоровье в годовщину 11 марта.

Когда имя Болховского произнесено было в присутствии Александра I, вспоминал начальник тайной полиции де Санглен, молодой император сказал: «Знаете ли вы, что это за человек? Он схватил за волосы мертвую голову моего отца, бросил ее с силой оземь и крикнул: «Вот тиран!»

Александр I. Рисунок А. Пушкина.

По свидетельству одного из современников, Болховской открыто хвалился, будто шарф его получил историческую известность, то есть рассказывал, что его шарфом задушен был Павел. Но Пушкин, которому Болховской читал когда-то свои записки, продолжал расспросы. И 8 марта 1834 года, в том же году, когда он вспоминал о Болховском и его записках, Пушкин записывает в дневнике: «Жуковский поймал недавно на бале у Фикельмон... цареубийцу Скарятина и заставил его рассказывать 11-е марта. ...Скарятин,— замечает далее Пушкин, — снял с себя шарф, прекративший жизнь Павла I». Рассказ самого Скарятина, как видим, был известен поэту.

«Уваров один из цареубийц 11-го марта»,— записывает он в тот же день.— «На похоронах Уварова покойный государь (Александр I.— **И. Ф.**) следовал за гробом. Аракчеев сказал громко: «Один царь здесь его провожает, каково-то другой там его встретит?»

Своеобразным источником для истории 11 марта были записки вдовы Павла — императрицы Марии Федоровны, которая, услышав, что Павел убит, выбежала босиком, в ночной сорочке, крича: «Я хочу царствовать!»,— а также записки Елизаветы Алексеевны — жены Александра I. Пушкин жалел, что они уничтожены. «Елисавета Алексеевна писала свои записки,— говорит он в дневнике,— «они были сожжены ее фрейлиною; Мария Федоровна также,— государь сжег их по ее приказанию. Какая потеря!»

VII

Декабристы с негодованием отвергали «серальный», то есть дворцовый, переворот. Об убийстве Павла Пушкин в стихах «Вольности» сказал:

Падут бесславные удары...
Погиб увенчанный злодей.

Позднее как историк он стремился воссоздать политическую историю заговора, окончившегося простой сменой царя, а не введением в России обещанной молодым Александром «хартии», то есть конституции, ограничивающей власть самодержца.

Ни Пален, стоявший во главе заговора, ни Бенигсен, руководивший исполнением его, не уделили в своих воспоминаниях внимания этой чрезвычайно важной для Пушкина исторической стороне вопроса. Ей посвящена запись, сделанная Пушкиным на отдельном листе, под которой помечено: «Слышал от Дмитриева».

Записками Дмитриева, поэта и министра, Пушкин воспользовался в своей Истории Пугачева (Дмитриев присутствовал при казни его). «Записки Дмитриева содержат много любопытного, — заметил друг Пушкина Вяземский. — Но жаль, что он пишет их в мундире. По-настоящему должно приложить бы к ним словесные прибавления, заимствованные из его разговоров, обыкновенно откровенных, особливо же в избранном кругу». Таким словесным прибавлением и является рассказ его, записанный Пушкиным. Вот этот рассказ:

«Дмитриев предлагал императору Александру Муравьева в сенаторы. Царь отказал начисто и помолчав объяснил на то причину. Он был в заговоре Палена. Пален заставил Муравьева писать конституцию,— а между тем произошло дело 11 марта. Муравьев хвастался, в последствии времени, что он будто бы не иначе соглашался на революцию (то есть на устранение Павла и возведение на престол Александра. — **И. Ф.**), как с тем, чтобы наследник подписал хартию. Вздор.— План был начертан Рибасом и Паниным. Первый отстал, раскаясь и будучи осыпан милостями Павла.— Падение Панина произошло оттого, что он сказал, что все произошло по его плану. Слова сии были доведены до государыни Марии Федоровны — и Панин был удален».

Пушкин знал, таким образом, о первоначальном проекте заговорщиков: не только устранить Павла, но и потребовать от Александра «хартии», ограничивающей самодержавную власть. Знал историю падения Панина, которому принадлежали и первоначальный план заговора и мысль о конституции. Но, воспользовавшись плодами дворцового переворота, Александр обманул ожидания и не подписал обещанной «хартии».

* * *

О заговоре 11 марта Пушкин, как мы убеждаемся, знал очень многое. Он задумал, кроме истории, написать драму «Павел». Изучение пушкинских записей и исторических материалов, с которыми Пушкин успел ознакомиться, бросает свет на замыслы, осуществить которые поэту не было суждено.

ПУТЕШЕСТВИЕ ДЛЯ ВСЕХ

Ю. КЛЕМАНОВ

В этом году на одной из площадей города Готвальдова в Чехословакии будет дан старт большому путешествию на автомобиле. В путь отправятся люди, имена которых известны многим советским читателям. Это Иржи Ганзелка и Мирослав Зикмунд, авторы увлекательной трехтомной книги «Африка грез и действительности».

Не так давно мне довелось побывать в Готвальдове, и я воспользовался возможностью посетить дом «Под Нивами», где живут Мирослав Зикмунд и Иржи Ганзелка. Они познакомили меня с Эвой Зикмундовой и Ганой Ганзелковой, которые будут сопровождать мужей, рассказали о своих планах и подготовке нового путешествия.

Оно продлится без малого 5 лет. Этот срок не кажется чересчур большим, когда знакомишься с программой поездки.

На этот раз намечен маршрут еще более дальний, чем два предыдущих. Из Чехословакии путешественники отправятся через Венгрию, Румынию, Болгарию и Турцию в страны Ближнего Востока (Объединенную Арабскую Республику, Ливан, Иорданию, Саудовскую Аравию, Йемен, Ирак); оттуда, через Иран и Афганистан,— в Индию и Пакистан (с заездами в Непал, Бирму и Цейлон); затем посетят Малайю, Лаос, Камбоджу, Таиланд и Вьетнам; морем переберутся в Индонезию, Австралию, Новую Зеландию, Филиппины и Новую Гвинею; пересекут Китай (включая высокогорный Тибет); побывают в Монголии, Корее и Японии; наконец, проехав по нашей стране от Владивостока до Бреста, вернутся через Польшу и Германскую Демократическую Республику к себе на родину.

— Путешествовать хочется большинству людей,— пояснил Ганзелка,— но практически это пока невозможно. Значит, те, кому выпадает такое счастье, берут на себя большую ответственность. Они должны стать глазами и ушами всех людей, и прежде всего своего народа, который подарил им это счастье.

Радио и печать, цветная фотография и телевидение, широкоэкранная кинотехника и магнитофонная звукозапись — все будет использовано в этом «путешествии для всех», как его называют Ганзелка и Зикмунд.

— До сих пор мы путешествовали, как правило, по дорогам, не удаляясь от главных магистралей,— говорит Зикмунд.— Но для того, чтобы достаточно полно изучить страну и народ, необходимо иметь возможность попадать в глубь страны, двигаясь, где надо, и по бездорожью. С этой целью мы готовим к поездке две совершенно новые машины высокой проходимости. Это компактные закрытые фургоны, выполненные из легкого алюминиевого сплава, с мощными двигателями от легкового автомобиля «Татра-603», на шасси малого грузовика «Татра-805». Особенно важна их вместимость. Мы добиваемся этого, во-первых, рациональным использованием кубатуры кузова, а во-вторых, применяя прицепы.

— Прицепы?

— Да. В прицепах устроены лаборатории для проявления и печати кино- и фотопленок, там будет храниться и часть негативного материала. Основной же запас пленки и всю аппаратуру мы повезем в машинах.— Зикмунд улыбнулся.— Тридцать две тысячи метров!

— Но где же вы все это разместите? — Я стал быстро подсчитывать.— Более ста кассет по триста метров каждая!

— Разместим! — уверенно сказал Зикмунд.— Вот, смотрите.

И он развернул большой чертеж, на котором был изображен общий вид необычного автомобиля.

— Каждая машина, как видите, разбита на три отсека,— пояснял Зикмунд.— В первом — место для водителя и его сменщицы.

— А что во втором отсеке?

— Здесь два спальных места, под которыми помещаются специальные чемоданы с пленками, а еще ниже — бензиновые баки, вмещающие по триста двадцать литров бензина. В верхней части кузова, по всей его длине, есть полости для размещения необходимого оборудования. Ведь мы везем четыре кинокамеры, двенадцать фотоаппаратов с полным набором оптики к каждому, магнитофон.— Зикмунд отошел от чертежа и приподнял компактный черный ящичек, демонстрируя его небольшие габариты.— Магнитофон сделан специально по нашему заказу. Приходится рассчитывать все на миллиметры...

В третьем отсеке машины имеется гардероб для платья и рабочее помещение. Здесь будут храниться карты, картотеки со справочным материалом; на маленьком столике — пишущая машинка. Предусмотрена даже темная камера для срочного проявления пленки и выполнения пробных фотоотпечатков. И, наконец, у задней стенки кузова расположена приемно-передаточная радиостанция.

Оба автомобиля совершенно одинаковы, только на кузовах их прочерчены полосы разного цвета: голубая (у Ганзелки) и красная (у Зикмунда). Вскоре, посетив завод в Копржицнице, я получил возможность присутствовать и на испытаниях машины. На реке Любине у Пршибора, например, преодолевался брод глубиной до 1 метра. Более пяти минут автомобили находились в реке, так как был инсценирован выход из строя двигателей. Когда «ремонт» был произведен, двигатели завелись с пол-оборота, и обе машины без всякого труда выехали на довольно крутой берег. Проверка показала также и хорошую герметичность кузова.

...На днях я позвонил в Готвальдов. К аппарату подошел Иржи Ганзелка. Он весело сообщил, что подготовка к поездке идет полным ходом. В двигателях обеих машин потребовалось произвести некоторые усовершенствования. Завод «Татра» обязался выполнить это не позже 1 сентября. Старт будет дан поздней осенью.

Мирослав Зикмунд (слева) и Иржи Ганзелка у автомобилей «Татра», специально построенных и подготовленных для предстоящего путешествия.

Фото автора.

Как, почему и где?

В. БЕЛЕЦКАЯ

Фото В. ТАРАСЕВИЧА.

У меня есть соседка Галочка, очень любопытная «особа юных лет». Сегодня утром, пока я ее одевала, кормила и отводила в детский сад, она буквально засыпала меня вопросами. Ей было интересно все, а особенно то, что так или иначе касалось ее лично. Где ей шили это платьице? Почему ее подружке купили резные босоножки, легкие и красивые, а ей — эти плохие, в которых жарко ходить? Где приготовили шоколадный пудинг, который она ела на сладкое за завтраком? Что еще вкусное делают там? И еще тысячи «где», «как» и «почему» задала мне эта маленькая непоседа. Надо сказать, что не на все эти вопросы я смогла дать ответ. Но я твердо обещала Гале, что постараюсь все узнать завтра, а может быть, и сегодня вечером расскажу ей все, что узнаю.

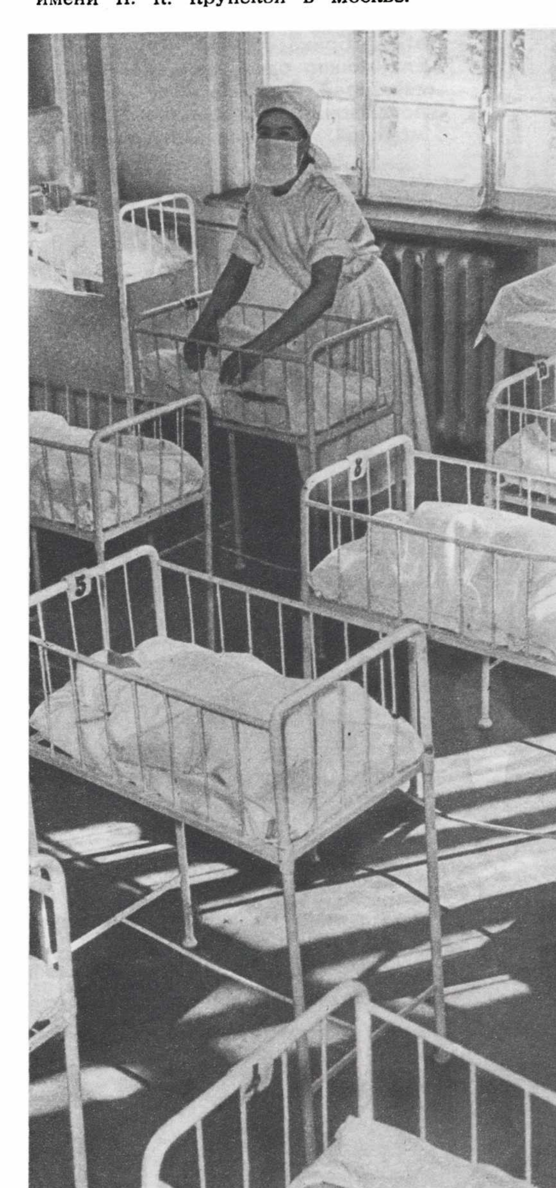
Шоколадный пудинг, которым кормили Галю, купили в одном из магазинов «Детское питание», появившихся недавно. На коробочке от пудинга было написано: «Московский ордена Ленина пищевой комбинат имени Микояна». Туда я и решила сначала поехать.

— Скажите, пожалуйста, что ваш комбинат делает для детей? — спросила я у директора Бориса Ивановича Георгиевского.

Борис Иванович рассказал, что на комбинате три цеха заняты производством продуктов для детей. Делают они концентраты и консервы и для грудных ребят, и для таких, как Галочка, и для школьников. Цех детских питательных смесей сейчас реконструируется и будет выпускать продуктов в несколько раз больше. А сейчас он выпускает в день столько смесей для грудных детей, что ими можно накормить шестьдесят тысяч малюток. Что еще делают на комбинате? Каши и запеканки, мясные, овощные и фруктовые пюре, кисели и фруктово-ягодные муссы, кукурузные хлопья и заварной крем, десертные пудинги и детскую муку... Всего не перечислишь!

При комбинате есть производ-

Здесь начинается первая забота о ребенке. В родильном доме № 6 имени Н. К. Крупской в Москве.

Корней Иванович Чуковский со своими читателями.

ственно-научная лаборатория, куда входят химики, инженеры, технологи. Они вместе с Институтом питания и врачами разрабатывают рецепты новых полезных для детей продуктов.

Особенно интересуется работой комбината знаменитый детский врач, восьмидесятипятилетний академик Георгий Нестерович Сперанский. Он часто брал у комбината смеси для грудного отделения детской клиники имени Дзержинского.

Уходя из комбината, я хорошо знала, что отвечу на Галины «как» и «почему». Я расскажу ей, что на комбинате ежедневно делают столько шоколадного пудинга, что им каждый день можно накормить целый большой город — четыреста тысяч мальчиков и девочек! А если соединить все, что делают на этом комбинате для детей, то разольется широкая река из молочных смесей с берегами из киселя и мусса...

Галя спрашивала, где шили ее платье. И вот я на швейной фабрике детской одежды № 19. Шьет эта фабрика столько, что за месяц можно одеть шестьдесят тысяч детей. Фабрика шьет одежду по фасонам Общесоюзного Дома моделей, которые придумывают художники и конструкторы специального детского цеха, и по фасонам, разработанным художниками здесь же, на фабрике, и по заграничным образцам Всесоюзной торговой палаты. В просторном, светлом цехе фабрики меня встретила главный инженер Прасковья Михайловна Захарова. Уже много лет трудится она там, где шьют детскую одежду, очень любит свою работу и болеет за это дело не только как главный инженер, но и как бабушка двух внуков.

Прасковья Михайловна рассказала мне о том, что сделано на фабрике после постановления партии и правительства об увеличении производства, расширении ассортимента и улучшении качества детской одежды и обуви.

— Вот, например, раньше мы шили одежду преимущественно из шелка и шерсти, а теперь шьем и хлопчатобумажную. Эта одежда намного дешевле и пользуется большим спросом населения, особенно летом. Из магазина «Детский мир» мы получили сейчас заказ на двести пятьдесят тысяч хлопчатобумажных костюмчиков.

Есть у меня, конечно, и огорчения, — продолжала Прасковья Михайловна. — Главное огорчение — это плохие цвета некоторых тканей. Иногда из такой ткани и шить не хочется. А ткани для детских платьев должны быть со специальными детскими рисунками, яркие и нежные, как цветы в поле. По-моему, текстильные фабрики обязаны выпускать такие ткани, рассчитанные специально на детскую одежду.

Огорчает меня и положение с отделкой: пряжек нет, пуговицы стандартные, неинтересные. Вот это платьице мы почти два года не могли выпустить в продажу. Почему? Из-за пустяка: из-за беленькой пряжки, которую нигде не могли найти. А нам ведь не одна пряжка нужна, а тысячи...

— Скажите, а как обстоят у вас дела с пошивкой ансамблей детской одежды? — спросила я. — Ведь родителям гораздо удобнее купить сразу со вкусом подобранный гарнитур одежды из трех или четырех вещей, а не искать в одном магазине брюки, в другом — подходящий к ним джемпер, в третьем — пальто, а в четвертом — подходящую ко всему этому наряду шапочку?

— Ансамбли одежды мы шьем, — ответила Прасковья Михайловна. — Посмотрите хотя бы на этот гарнитур: вельветовые штанишки, курточку и клетчатую рубашку — или вот на эту серую шерстяную плиссированную юбочку, жилетку и шелковую кофту. Но пока еще шьем мало. Ведь с ансамблем возни больше, чем, скажем, с костюмом. А у нас есть план. А чтобы мы шили ансамблей больше, надо в плане увеличить их количество и в несколько раз уменьшить количество костюмов.

— А почему иногда видишь на улицах детей в безобразно длинных и широких платьях? — задала я еще один вопрос.

— Видите ли, ГОСТом установлена подшивка детских платьев внизу только на три сантиметра, и когда ребенок немного вырастает, платье нельзя отпустить ни внизу, ни в талии. Поэтому некоторые бережливые мамаши покупают своим детям платья на размер больше. А широкое и длинное платье очень уродует ребенка...

Что еще спрашивала Галя? Почему ей купили плохие, тяжелые босоножки, а ее подружке красивые и легкие?

В обувном отделе «Детского мира» я сразу увидала на прилавке злополучные Галины босоножки. Шили их на московской обувной фабрике «Парижская коммуна». Видно, они не нравились многим.

— Даже вам будет жарко ходить в таких босоножках, — нападала на продавщицу покупательница, — а ребенку и подавно! Только он не догадается сказать об этом.

На прилавках стояли сандалии, хорошенькие серые и желтые полуботинки обувной фабрики имени Капранова, матерчатые открытые туфельки и ботинки, но резных красивых босоножек, которые купили Галиной подруге, не было.

Наверное, директор магазина Анна Платоновна Циренщикова знает, что это за босоножки? Конечно, знает.

Их шьет рижская фабрика «Пионер». В магазине они бывают, но так как они очень удобны, их быстро раскупают.

— Вообще сейчас, после постановления партии и правительства о детской одежде и обуви, с обувью стало гораздо лучше, — сказала Анна Платоновна. — Вы сами видели на прилавках магазина сандалии и открытые туфельки Егорьевской обувной фабрики, фабрик «Парижская коммуна», «Буревестник». Обуви много, но качество ее оставляет желать лучшего. Надо сказать, что маленьких размеров обуви все равно не хватает: спрос велик!

А огромный магазин жил своей напряженной жизнью. Каждый день сюда приходят примерно триста тысяч покупателей, а товаров привозят почти на ста машинах!

Детские пеленки и ползунки выбирали молодые папы и мамы; гордо, с сознанием важности момента, шли вместе с отцами мальчишки — покупать двухколесные велосипеды, а в отделе, где продаются коляски, одна супружеская пара сердилась, почему нет колясок для двойняшек.

Вдруг из детской комнаты, где можно оставить малыша, пока мама покупает вещи, раздался плач. Маленькая девочка прижимала к себе забавного целлулоидного Буратино и рыдала. Мама купила ей мишку, купила красивую куклу, но девочка ничего не хотела знать, кроме маленького длинноносого Буратино. А его как раз и нельзя было купить. Делают эту куклу в Ленинграде и поэтому в первую очередь продают там. А в «Детский мир» Буратино попадает редко и маленькими партиями.

Я пошла к прилавкам детских игрушек посмотреть, что изменилось после прошлогодней Всесоюзной выставки детской игрушки. Прежде всего радовало, что на прилавках лежало много новых кукол. Одна из них особенно хороша. Это яркая целлулоидная матрешка, сестра доброго старого ваньки-встаньки, который почему-то совсем исчез. Вставая, кукла пела. Зовут ее «Неваляшка». Эту матрешку сделали кукольных дел мастера в городе Тамбове, на заводе «Рошаль», но в «Детский мир» попало только пятьсот штук таких «Неваляшек». А что пятьсот кукол этому огромному магазину, где игрушек продается на шестьдесят миллионов рублей в год?!

...Отдел, где продают детские книги. Сказок, игр, стихов и рассказов для детей покупают очень много.

— А «Муха-Цокотуха» есть? — спрашивал у продавщицы мальчик.

— Нет.

— А про то, как от Федоры убежала посуда?

— Тоже нет.

— Почему? — требовательно спросил мальчик.

— Наверное, потому, что дети очень любят читать книги Чуковского, Маршака, Барто, Михалкова, — ответила продавщица и, обращаясь ко мне, добавила: — Ведь, знаете, «Муха-Цокотуха» была издана Детгизом в прошлом году тиражом в миллион экземпляров, а «Федорино горе» издали в этом году полуторамиллионным тиражом. Но ведь с книгами Корнея Ивановича так: сегодня попадают в магазин, а завтра их уже нет...

...Я вышла из магазина на улицу. Уже наступил вечер. Пожалуй, сегодня я больше никуда не успею пойти...

Когда я вернулась домой, Галочка уже спала. Конечно, я не стала ее будить. Все, что я узнала, расскажу ей завтра...

Певец из Америки

Л. Уоррен в антракте.
Фото Б. Борисова.

Леонард Уоррен — третий американский певец, гастролирующий в Советском Союзе по приглашению Министерства культуры СССР.

Солист театра «Метрополитен-опера» Леонард Уоррен выступает на его сцене уже 16 лет. В его репертуаре 22 партии, главным образом в операх Д. Верди.

После сольных концертов в Большом зале Консерватории и в Зале имени П. И. Чайковского американский певец выступил на сцене филиала Большого театра в роли Риголетто в одноименной опере Д. Верди.

Исполнение Л. Уоррена отличается глубоко реалистической трактовкой образа. Партнерами американского певца в спектакле были народная артистка РСФСР В. Фирсова (Джильда), солисты — А. Григорьев (Герцог), Л. Маслов (Монтероне). Дирижировал спектаклем Г. Жемчужин.

Леонард Уоррен высоко оценил искусство советских артистов.

— В. Фирсова первоклассная, очаровательная певица; голос ее великолепен, и она им владеет мастерски, — заметил американский певец. — Мне очень понравился и молодой дирижер Г. Жемчужин. Это один из лучших дирижеров, с которыми мне приходилось выступать.

Леонард Уоррен даст концерты в Киеве и в Рижском оперном театре исполнит партию Отелло в опере Верди.

Д. Сергеева

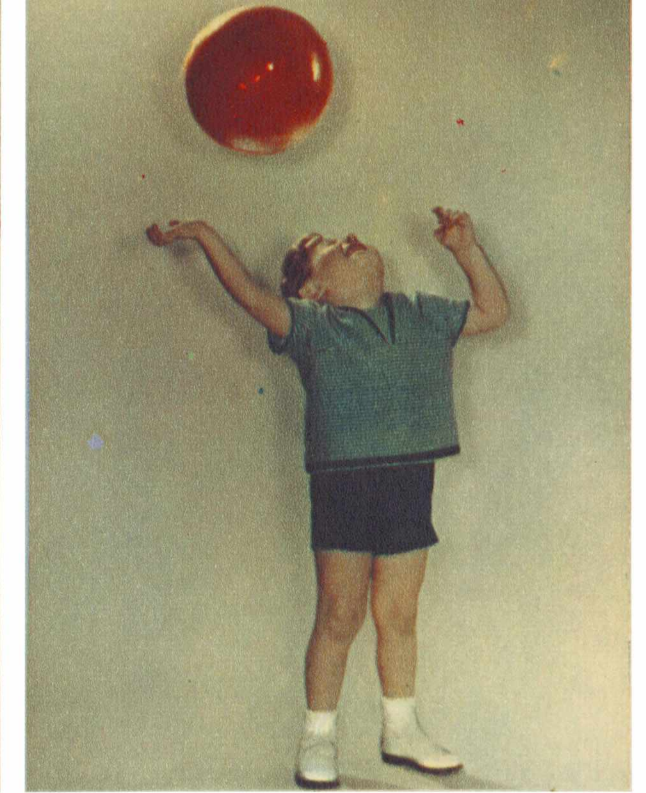
В этом большом магазине продается для детей все, начиная от слюнявчика и погремушки и кончая двухколесным велосипедом и сложным автоконструктором. Недаром этот магазин называется «Детский мир».

Игрушки, продукты питания, обувь... Но это еще не все, что делается для наших детей. Посмотрите на следующую страницу, и вы увидите легкую, удобную, простую и красивую одежду, которую Общесоюзный Дом моделей рекомендует для производства на швейных предприятиях.

«Огонек».

„Гуси-лебеди"

Фото С. ФРИДЛЯНДА.

Учащиеся средней школы имени Ворошилова, Щелковского района, Московской области, поставили детскую оперу «Гуси-лебеди». На снимке: преподаватель пения В. Н. Чепуров с участниками постановки.

Сцена из оперы. Третьеклассница Наташа Гущина в роли Маши.

Мои товарищи

ПЕРЕДВИЖНИКИ

В. Н. БАКШЕЕВ,
народный художник СССР,
действительный член
Академии художеств СССР

Василий Николаевич Бакшеев, старейший русский художник, учился в Московском училище живописи, ваяния и зодчества. С 1893 года был членом Товарищества передвижных выставок. В беседе с корреспондентом «Огонька» Василий Николаевич поделился своими воспоминаниями.

По многим причинам я считаю себя счастливым человеком. Жизнь сталкивала меня с такими людьми, с такими художниками, творческим горением которых, их искусством, посвященным народу, я восхищался. Я участвовал в великом Товариществе передвижников, члены которого полвека боролись за реалистическое искусство, за его широкое распространение в родной стране. И потому, что мне одному из немногих передвижников довелось работать в советское время, когда не стоит никаких преград между художником и народом.

Интересно было учиться у таких живописцев, как Саврасов, В. Е. Маковский, Прянишников, Поленов, Сорокин. Со многими из них уже после окончания училища у меня завязалась тесная дружба. Живое влияние талантливых мастеров, их страстная проповедь служения искусства народу воспитывали наши умы, отлагались глубоко в сердце, согревали наше творчество.

Мои близкие товарищи — Архипов, Нестеров, Малютин, Левитан, Иванов — с честью пронесли заветы своих учителей, многие из которых были членами и организаторами Товарищества передвижных выставок. И все наказы Товарищества воспринимались нами с восторгом. Наше училище, не задумываясь, отказалось от ложного классицизма, академической рутины. Но мы с уважением хранили традиции больших мастеров старой академии: ценили их искусство в рисунке и живописи, их умение строить колоссальные и сложные по композиции картины.

С благоговением относились мы к своему профессору Евграфу Семеновичу Сорокину. Он славился как блестящий рисовальщик. Его живопись была такой насыщенной, сочной, что мы даже втайне заподозрили, не владеет ли художник каким-то секретом. Позже мы поняли, что секрет его в одном — великолепном мастерстве. Сорокин очень требовательно относился к своему творчеству и поэтому имел право быть требовательным к своим ученикам.

Подготовлена была очередная выставка передвижников. Накануне открытия мы попросили Евграфа Семеновича пройти вместе с нами по выставке, посмотреть новые работы. С волнением ждали его суждения. В одном из угловых залов помещалась картина В. И. Сурикова «Боярыня Морозова»; напротив находились произведения Константина Маковского; следующие залы были заполнены произведениями В. Д. Поленова, представившего около ста палестинских этюдов, живопись которых поразила тогда всех нас, молодых художников. Последний зал был Ильи Ефимовича Репина. Помню, как Сорокин, обойдя его экспозицию, развел руками: «Ну, дальше идти некуда! Произведения Репина так проработаны, что ни прибавить, ни убавить ничего нельзя. Все продумано, все выполнено совершенно. Это — последнее слово реализма!» И Евграф Семенович повторил свою излюбленную фразу, которую мы так часто слышали от него во время занятий: «Требовательность к себе художника — вот что определяет мастерство! А талант — это уж врожденное».

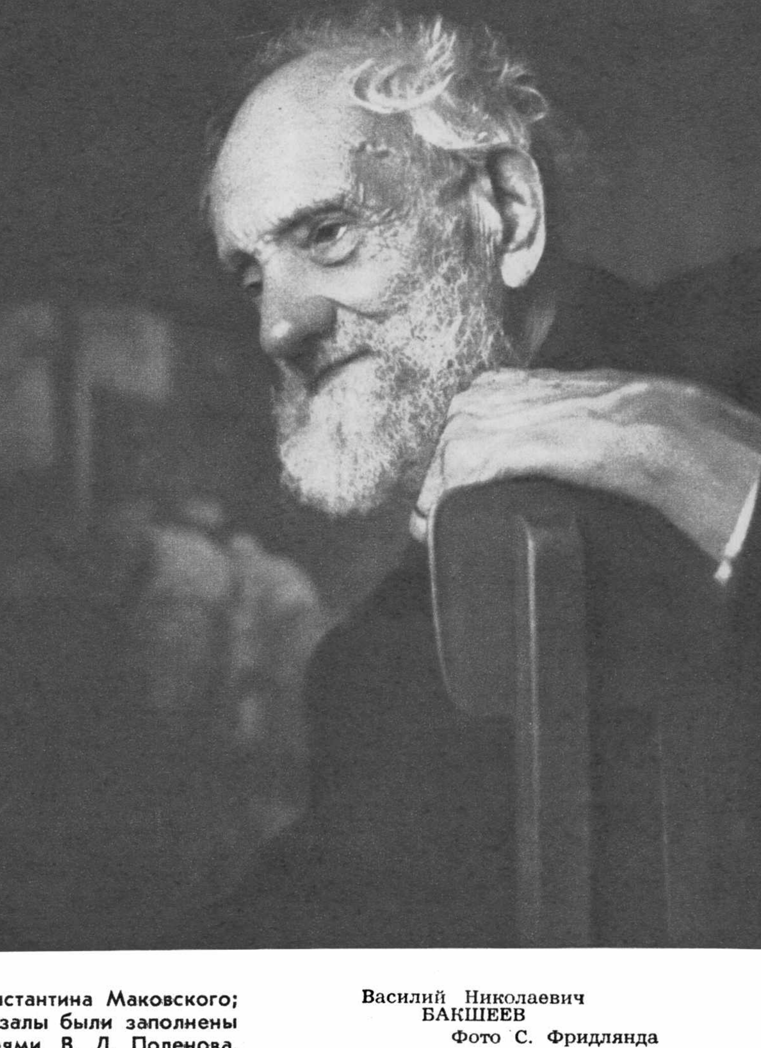
Скромность и взыскательность к себе передвижников определяли взаимоотношения в Товариществе. Был узаконен негласный договор — не выпячивать своих заслуг, не подчеркивать чинов и званий. В. Е. Маковский, талантливый художник, был человек удачливый и среди передвижников один из самых преуспевающих на служебном поприще. И вот, когда в Высшем художественном училище при Академии художеств Владимир Егорович был назначен на пост ректора и по чину должен был отныне носить мундир, он поставил условие, что будет являться на занятия по-прежнему в партикулярном платье. Даже значок профессора, учрежденный тогда, он не носил.

Очень любил я Василия Дмитриевича Поленова. Увлекающийся и непосредственный, он, казалось, превыше всего ценил совершенство природы и мастерски воплощал его в своих полотнах. Но наивысшую гармонию Поленов видел в красоте человеческой души. Человек для Поленова был не только натурой, необходимой для композиции. Любовь, уважение к человеку со всеми его переживаниями — в этом был весь художник, и это определяло его отношение к ученикам и к зрителям.

Мне всегда казалось, что по живописи Поленова можно легко понять его характер — цельный, простой, искренний, располагающий к себе. Он искал красоту, находил и умел передать ее в своем искусстве просто и понятно для всех. Именно Поленов требовал, чтобы у художника не было и тени снисхождения к широкому зрителю, попытки ставить художника над народом. «Надо показывать народу,— говорил Василий Дмитриевич,— настоящее искусство, и тогда оно отлично будет понято».

Не раз я бывал по приглашению Поленова в Народном доме-театре, организованном им в рабочем районе на Пресне. Спектакли, серьезные музыкальные программы, сопровождаемые объяснениями, устраивались здесь в субботние вечера и по воскресеньям. Вкус Поленова сказывался во всем: он поправлял пьесу, писал декорации, сочинял музыку. То, что создавалось в Народном доме, было настоящим искусством, лишенным упрощенчества, выкрутасов, налета мещанства.

После того как я был принят в Товарищество, случилось так, что я месяца два не появлялся на традиционных четвергах передвижников. Получаю от Поленова письмо: «Принимая Вас в товарищи, мы видели в Вас не только художника, но и человека. Я знаю Вас отлично, но многие Вас знают

Василий Николаевич БАКШЕЕВ
Фото С. Фридлянда

Оперу ставят школьники

Поставить силами учеников какую-нибудь детскую оперу — об этом давно уже мечтал Виктор Николаевич Чепуров, преподаватель пения средней школы имени Ворошилова, Щелковского района, Московской области.

Идея эта повисла бы в воздухе, если бы не нашла горячую поддержку со стороны директора школы Станислава Александровича Дектярева, старшей пионервожатой Нелли Кудряшовой, других преподавателей. Только в букинистическом магазине удалось приобрести детскую оперу-сказку Юлии Вейсберг «Гуси-лебеди», на ней стоит год выпуска — 1938-й. Видимо, сейчас издание опер для детей не пользуется вниманием в Музгизе...

За декорации взялся преподаватель рисования А. Н. Фролов. Он написал огромный декоративный фон. Осталось создать «труппу».

Решили детскую оперу поставить силами учеников младших классов. Урок за уроком Чепуров отбирал будущих солистов, выслушивая всех восемьдесят маленьких учеников. Из восьмидесяти осталось сорок.

За три месяца напряженной работы были подобраны солисты, организован хор. Появился свой «оркестр», хотя и очень маленький: скрипач Чепуров и пианистка — ученица 8-го класса Саша Абрамская.

И вот уже показаны первые спектакли...

Постановка оперы-сказки на школьной сцене имеет, конечно, не только художественное, но и культурно-воспитательное значение. Участники спектакля с благодарностью будут вспоминать школу, преподавателей, которые с детских лет прививали им любовь к музыке, искусству, к труду.

М. ЕФИМОВ

мало или совсем не знают. Моя личная просьба к Вам — посещайте наши встречи».

Стало стыдно, но я был благодарен Поленову, который тактично напомнил мне об обязанностях члена Товарищества.

Эти встречи не всегда имели деловой характер, но всегда приносили большую пользу. Здесь товарищи по искусству (передвижники тогда уже называли друг друга товарищами) спорили, рассказывали о своих планах, обсуждали свои выставки. Здесь, несмотря на различные пристрастия и вкусы, создавалась единая программа передвижников.

Телефонов у нас тогда, разумеется, не было, жили в разных концах города. А тут обязательно виделись, узнавали о жизни друг друга. Прихожу однажды на четверг — нет Алексея Корина, моего приятеля. Я забеспокоился, поехал к нему. Корин лежит больной. А у него девятеро детей, жена, теща.

— Плохо, Алеша?

— Плохо, так прихватило, писать не могу.

Оставив немного денег, я сообщил товарищам, и вскоре передали ему из общих средств порядочную по тогдашним временам сумму. Надо сказать, что у передвижников была касса, в которую члены Товарищества выделяли сначала 10 процентов от заработка, а затем, когда образовался достаточный фонд, взносы уменьшились до 5 процентов. На эти деньги мы посылали живописцев в дальние поездки — на Север, в Крым, за границу — помогали семьям, когда заболевали художники. Когда выставки, отправляемые на периферию, не оправдывали расходов, общая касса Товарищества принимала на себя убытки.

Мечтой передвижников было иметь собственные выставочные залы в Москве и Петербурге. Но ни на покупку помещения, ни на строительство денег не хватало.

Как-то созывается собрание передвижников. На общие собрания, которые устраивались перед выставками, съезжались почти все члены Товарищества из разных городов России. На этот раз надо было решить важный вопрос. Один из братьев Елисеевых, богатый торговец, предложил передвижникам построить выставочное помещение в Петербурге. Он давал на постройку необходимую сумму на продолжительное время, требуя себе 2 процента прибыли.

Многим художникам, в том числе и Репину, эта идея показалась заманчивой. Но встал Мясоедов и произнес блестящую речь. «Мы,— говорил он,— не должны зависеть от прихотей разбогатевшего любителя картинок. Жизнь художника будет содержательна только в том случае, если он целиком отдает ее искусству глубокой идеи, искусству правды, не требуя удобств и платы. Нельзя наше творчество ставить в малейшую зависимость от купца». Мясоедов волновался, говорил горячо, убежденно. И все согласились с ним. Никому не быть обязанным, творить с чистой совестью еще раз пообещали друг другу передвижники.

Но я бы не хотел, увлекшись воспоминаниями, представить Товарищество передвижников как некое идиллическое содружество. Здесь были большие споры, были разные взгляды, были даже ссоры. Но на протяжении пяти десятилетий передвижников объединяла общность творческих идеалов: служение искусства народу, раскрытие в произведении подлинной жизни.

Помнится, не открывалось ни одной выставки без того, чтобы не поссорились пейзажист Е. Е. Волков, всегда страстно отстаивавший гражданственность в искусстве, и Н. К. Бодаревский, художник салонного направления, тщательно выписывавший портреты светских девиц. Нередко скрещивали копья в спорах об искусстве В. Е. Маковский и В. Д. Поленов. Изысканному, утонченному вкусу Поленова порой претили трезвые, резкие суждения Маковского.

Но как бы ни были различны взгляды, они никогда не бросали тень на личные отношения членов Товарищества. Повздорили, например, Поленов и Маковский. Но в тот же вечер, на традиционном обеде после открытия выставки, недавние оппоненты стали снова друзьями. Запел Маковский, аккомпанируя себе на гитаре. И Поленов, наклонившись к Левитану, растроганно шепнул: «Все забываешь, все ссоры, когда слушаешь, как он поет!»

Особенно дружны мы были с пейзажистом Дубовским, умным и дельным человеком. Он был душой нашего объединения. Немало ведь возникало разногласий между старыми передвижниками и молодежью! А Николай Никанорович Дубовской для всех находил нужное слово. Его неколебимая верность идеям и традициям передвижничества примиряла различные суждения мастеров и молодых художников. Пожалуй, после Крамского Дубовской единственный, который вызывал у своих товарищей такое единодушное уважение и симпатию.

Чутким сердцем он умел понять огорчения или сомнения другого, поддержать его при неудаче: — «Ну, не всем быть гигантами Репиными, да Суриковыми. Великая радость — лечь камнем в основании прекрасного здания искусства. И мы с вами должны ощущать это счастье. Но для того, чтобы основание было надежным, нам надо быть правдивыми в своем творчестве».

Уже в 1917 году, незадолго до смерти, Дубовской писал из Петрограда, что сделанное передвижниками именно сейчас необходимо массам, потому что оно близко и понятно им.

...Иногда я часами листаю странички старых писем. Снова мои давние друзья сходятся ко мне, живые, думающие, взволнованные.

Письмо В. Маковского: «Меня здесь очень беспокоит наше дорогое общее дело — нашего Товарищества. Бесконечно преданного делу Товарищества Дубовского мы потеряли, а новые, молодые товарищи сумеют ли вести его — это еще вопрос...»

Вот слова Репина, которые долгие годы поднимали меня, обязывая оправдать его похвалу: «Что за прелесть вы мне прислали. Гляжу, не нагляжусь! Ну, а писано — превосходно!..»

Радостное поздравление от верного передвижника, большого моего друга Я. Д. Минченкова с присвоением мне в 1937 году звания заслуженного деятеля искусств.

Строки одного из писем Нестерова, относящихся к 1903 году, когда он увлечен был созданием музея в своем родном городе: «На днях в Киеве открылась передвижническая выставка, на которой Ваш пейзаж занимает первенствующее место, вызывая восторженные отзывы любителей истинного художества.

Собирая коллекцию картин и этюдов для будущего музея на родине моей — Уфе, я решаюсь обратиться и к Вам, Василий Николаевич, с предложением. Не пожелаете ли Вы... поменяться со мной Вашим прекрасным пейзажем, причем я могу предложить Вам акварельный эскиз картины моей «Великий постриг» и один из этюдов к новой картине».

Мой пейзаж, о котором писал Нестеров, «После дождя» и сейчас находится в Художественном музее Уфы. Я же храню эскиз Нестерова, как память о живописце и человеке чистой души, который талант, помыслы и дела свои отдал народу. Эти человеческие черты мне особенно дороги в художнике, ибо именно ими были отмечены лучшие люди нашего Товарищества.

Члены Товарищества передвижных художественных выставок накануне открытия XXVII выставки в 1899 году. Стоят (слева направо): Н. Г. Шильдер, К. П. Беггров, В. И. Суриков, Н. П. Богданов-Бельский, С. Н. Дубовской, М. П. Клодт, С. И. Светославский, Г. М. Хруслов, А. М. Васнецов; сидят: К. А. Савицкий, В. Е. Маковский, Г. Г. Мясоедов, П. А. Брюллов, Е. Е. Волков, А. А. Киселев, М. В. Нестеров, Э. Я. Шанкс, В. Н. Бакшеев, И. И. Левитан, П. А. Нилус.

Рассматривая эту фотографию, И. Е. Репин сказал, обращаясь к художникам: «Вот какую картину писать надо! Достойные люди».

ЛИЧНОЕ ДЕЛО СЕКУРИНИНА

Секуринега любит обрывистые скалы, и А. И. Шретеру приходилось порой становиться альпинистом.

Г. КУЛИКОВСКАЯ

Серая обычная папка с белыми тесемками. Большие буквы «Личное дело» и под ними от руки не совсем обычное слово: «секуринин». Валентина Ивановна Муравьева, одна из «соучастниц» этого «дела», развязывает тесемки — папка пухлая, и из нее высыпаются письма. Много писем.

Первое впечатление от заочной встречи с секуринином — это его популярность. Почитатели секуринина есть, оказывается, в Ярославле и Днепропетровске, Уфе и Чите, Краснодаре и Барановичах, Рязани и Измаиле...

Валентина Ивановна советует посмотреть вот эту переписку с Белодедом.

И. Т. Белодед — врач. Заведует сельским врачебным участком. Работает в Степовской больнице Николаевской области. Вот его письмо, написанное год назад:

«В нашей участковой больнице находится на стационарном лечении гр. Фаломеев — остаточные явления после энцефаломиелита, перенесенного в 1942 году. Лечился в клиниках Полтавы, Николаева, а теперь около трех месяцев находится у нас в больнице.

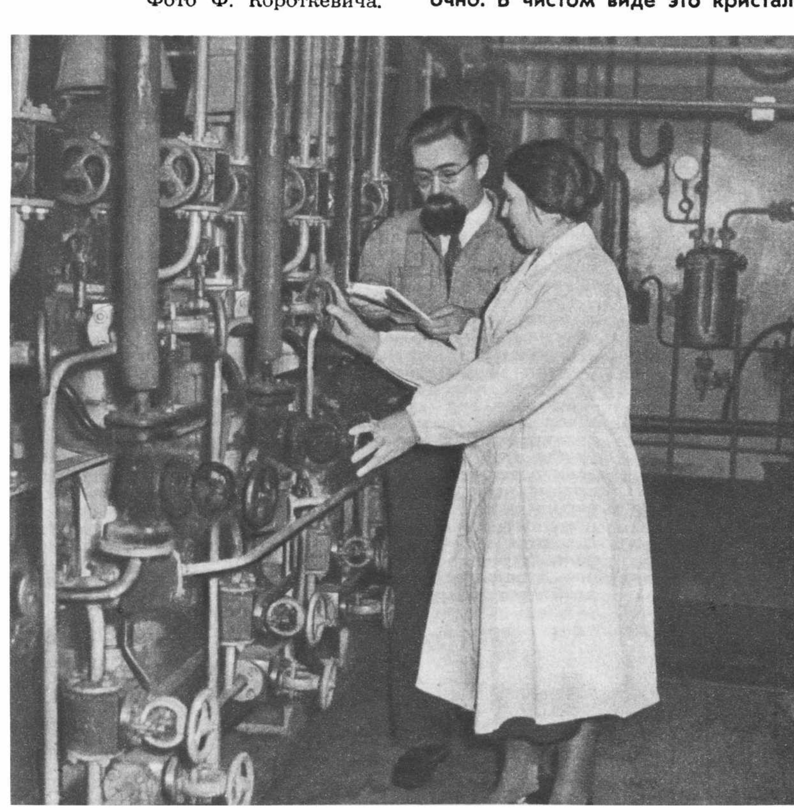
Получает комплексное лечение: прозерин, растирание, аппликации парафином и другие средства. Результаты лечения его очень незначительны.

Хотел бы применить секуринин этому больному.

Главное аптечное управление УССР рекомендовало обратиться к вам. Если можете, вышлите...»

В технологическом зале института. В. И. Муравьева и А. И. Шретер проверяют, так ли идет процесс получения секуринина.

Фото Ф. Короткевича.

И еще одно письмо Белодеда. Оно пришло сравнительно недавно на имя директора ВИЛАРА — Всесоюзного института лекарственных и ароматических растений.

«Уважаемый товарищ Ицков! В настоящем письме хочу поблагодарить Вас за посылку с препаратом азотнокислого секуринина, которую мы получили в начале мая сего года для больного Фаломеева, который несколько месяцев лечился в нашей больнице. В настоящее время он выписан из больницы и **работает** в колхозе. Вы не можете представить себе, сколько радости принесло это нам, медицинским работникам, не говоря уже о самом больном! До того, как я Вам писал, он не мог передвинуть ноги даже в постели.

Слава разошлась по всему району. И теперь вот недавно был у меня больной с подобным заболеванием. Просит помочь ему в получении секуринина. Я спрашивал в аптеках города Николаева, но его еще нет. Я очень прошу выслать на имя нашей участковой больницы, если Вы не откажете. Думаю, что результаты будут такие же хорошие».

Нужны ли какие-либо комментарии к этим письмам рядового врача сельской больницы, расположенной в полутора тысячах километров от подмосковной станции Битца, где находится Всесоюзный институт лекарственных и ароматических растений — ВИЛАР? Думается, что нет. Они утверждают право секуринина на его жизнь. А теперь можно познакомиться с секуринином и очно. В чистом виде это кристаллический порошок лимонного цвета. Валентина Ивановна протягивает пробирку, наполненную золотистым инеем. Если полученную из него соль — азотнокислый секуринин — растворить в воде, то это уже будет лекарство. Вместо инея в маленькой стеклянной ампуле — прозрачная кремовая жидкость. Ее вводят под кожу. А в другой концентрации та же прозрачная жидкость принимается внутрь. Таким удобным и простым в обращении сделали секуринин химики Валентина Ивановна Муравьева и Александр Иванович Баньковский.

Однако много-много превращений произошло с ним, пока он стал таким податливым и покладистым.

— Но об этом расскажут вам сначала ботаники.— И Валентина Ивановна ведет нас к первым «соучастникам» «дела» о секуринине.

Летом 1950 года главные события разыгрывались не здесь, в Подмосковье, а в дальневосточной тайге. Каждый год из ВИЛАРа, чуть пригреет весеннее солнышко, отправляются в разные концы страны — Среднюю Азию, Кавказ, Сибирь, на Север — разведчики. Так обычно называют геологов, а здесь — ботаников. И ищут они в богатом зеленом царстве разные листья и цветы, корни и семена, которые оказываются подчас не менее драгоценными, чем золотые россыпи и алмазы.

Алексею Ивановичу Шретеру и его пятнадцати коллегам и помощникам предстояло расшифровать в тот год еще одно «белое пятно» на карте полезной растительности нашей Родины. Таким «белым пятном» был район Дальнего Востока, от Посьета до Находки и Советской Гавани, с его малоизученными лесами и заповедными землями.

...«ГАЗ-57», превращенный в крытый фургон, шел по левому берегу Суйфуна, бурной речки, впадающей в Амурский залив. Машина двигалась медленно. Наметанный глаз исследователя все примечал. Правда, в поле зрения пока не попадало ничего особенно интересного. На южном склоне сопки топорщился зверобой, алели дикие лилии, желтела софора и неслышно шептались метелки диких злаков. Подъем! Показались кустарники. Вот приземистая лохматая японская вишня, вот сибирский абрикос, дальше леспедеца — кустарник из семейства бобовых.

Вдруг Шретер насторожился и приказал водителю остановиться.

Что же заинтересовало ботаника? На каменистом склоне рядом с японской вишней, поникнув в знойной истоме, стоял кустарник. Внешне он ничем не был примечателен: метра два в высоту, не пышен и не редок, с овальными листочками, более мелкими и нежными, чем у вишни.

— Что нашли, Алексей Иванович? — спросили рабочие.

— Секуринегу ветвистую.

Шретер срывал листья, стебли, цветы, выкапывал корни.

Так состоялась первая встреча с секуринегой. Было это 23 июня пополудни. А через два дня с Горно-таежной станции Академии наук, где помещалась база экспедиции, химики сообщили, что найденная секуринега содержит в большом количестве алкалоиды — вещества, очень нужные медицине. Какие? Это еще было неизвестно, но уже одно их присутствие говорило: предположения Шретера подтверждаются.

В тот год секуринега в сводке найденных экспедицией растений, а их было свыше шестисот, удостоилась четырех крестиков — наивысшей оценки искателей новых лекарственных препаратов.

Вскоре поступили сообщения и от других отрядов экспедиции. Семенами секуринеги, привезенными дальневосточными экспедициями, в ботаническом саду ВИЛАРа засеяли два с половиной гектара земли. Окультуренный кустарник благодаря трудам тех же ботаников и агротехников содержит секуринина в два раза больше, чем дикий. За лето с каждого куста снимается по два укоса листьев.

Валентина Ивановна Муравьева и Александр Иванович Баньковский не ездили в тайгу и не дрогли в палатках под дождем. Но и у химиков не раз выходили из берегов «реки исканий», преграждая путь исследователям. Приятно держать в руках запаянный сосуд с порошком, зная, что в нем только один секуринин, без всяких примесей. Но прошло почти два года, пока из кропотливых, неустанных лабораторных опытов не выросла строгая, четко разработанная схема получения нового препарата в промышленных условиях.

Химики определили, что секуринина содержится больше всего в листьях кустарника, и сумели извлечь его из этих листьев, отде-

лив от нежелательных спутников — других алкалоидов.

После долгих поисков, устанавливая физические и химические свойства секуринина, вписывая их в свод огромного количества различных соединений органической химии, удалось наконец определить, что наиболее подходящим для применения в медицине является азотнокислая соль.

И вот наконец появляются последние соучастники «личного дела» о секуринине — фармакологи профессор Антонина Даниловна Турова и старший научный сотрудник Янина Адольфовна Алешкина. Их лабораторные «пациенты» были первыми потребителями нового препарата. Лягушки при двух с половиной миллиграммах препарата приходили в необыкновенное возбуждение: они прыгали, дергали лапами, а при удвоенной дозе начинали квакать, и судорога сводила их передние конечности. Покорные, ласковые кролики скрежетали зубами и стучали лапами. Что еще так возбуждающе действует на нервную систему? Стрихнин.

Новый препарат стрихнинոподобен — это первый вывод фармакологов. Уже одно это делало его качество весьма ценным для медицины. Стрихнин до сих пор ввозится из-за границы. В больших количествах он становится ядом, а в малых — стимулирует работу организма. Секуринин оказался менее токсичным, чем стрихнин.

Дальнейшие наблюдения над животными показали, что секуринин возбуждает центральную нервную систему, продолговатый мозг, кору больших полушарий и особенно спинной мозг. Он повышает мышечный тонус и артериальное кровяное давление, усиливает деятельность сердца. Турова и Алешкина решили, что испытать его надо при различных формах параличей и остаточных явлениях полиомиелита и других нервных заболеваниях.

Наступил наконец день, когда секуринин передали в клиники. Экспериментаторы с нетерпением ждали первых весточек. И вот из Института неврологии Академии медицинских наук профессор М. Б. Цуккер и ассистент Г. Р. Буравцева сообщили, что секуринин благотворно действует в восстановительном периоде полиомиелита. Из Боткинской больницы, из клиники 1-го Московского мединститута, из клиники Саратовского медицинского института и других городов пришли положительные отзывы о применении секуринина при различных нервных заболеваниях, психических расстройствах, гипотонии (пониженном кровяном давлении)...

Можно было бы на этом закончить разговор о секуринине. Но читатель, конечно, заинтересуется, где его можно купить. Новый препарат, полученный из отечественного сырья советскими учеными, можно купить в аптеках, правда, пока только в московских и, к сожалению, далеко не всегда. За два последних года им лечилось до тридцати тысяч больных. В этом году один из московских заводов выпустит его еще больше, и он должен появиться в других городах. Секуринега выращивается теперь на плантациях совхозов Молдавии и Краснодарского края. В 1960 году должно быть получено много килограммов нового препарата.

ПИОНЕРСКАЯ ЦЕПОЧКА

На аллее Всесоюзной сельскохозяйственной выставки, у фонтана «Дружба народов», выстроились в шеренгу двадцать шесть человек. Двадцать седьмой, чуть постарше остальных, принимал «рапорт».

— Товарищ вожатый, звено «безбожников» в сборе...

Несколько минут назад взрослые люди кричали: «Колька!», «Шурка!», «Валюшка!», обнимали друг друга, поднимали над головой руку в знак салюта. Так встретились участники одного из первых в стране пионерских отрядов.

В нем было сорок человек. Сорок мальчишек и девчонок в рубашках цвета хаки и красных галстуках. В 1923 году они промаршировали по московским улицам, с «боем» заняли на Сухаревке трактир и повесили на нем вывеску: «Клуб «Искра». Ребята, все до одного мечтавшие стать конниками или пулеметчиками, как в атаку, бросались на любое дело. Они забегали в частные парикмахерские и там, где замечали грязь, вывешивали плакат: «Не брейтесь здесь!» Юные «безбожники» ходили по деревням, разбивали самогонные аппараты, отбивались от кулацких и поповских сынков. Маленькие актеры на клубных сценах импровизировали уличные сценки, агитировали против пьянства. Звено имени Энгельса подготавливало пионеров к вступлению в комсомол...

Двадцать шесть лет плавал на Черном и Балтийском морях бывший вожатый отряда Г. А. Ларичев. И вместе с ним путешествовали все эти годы фотографии отряда. Их хорошо знали моряки: часто во время бесед Ларичев доставал пожелтевшие снимки, рассказывал о делах пионерии Больших Сокольников и даже запевал: «Ах, картошка, объеденье, пионеров идеал».

Демобилизовавшись, Ларичев решил собрать свой отряд. И вот пришла в действие давно испытанная пионерская цепочка. Весть о сборе учительница 266-й школы З. Баторина передала подполковнику авиации Н. Гаврилову; Гаврилов — художнику К. Савельеву, отрядному горнисту; Савельев — С. Казарху и С. Федорову и так далее. Не все собрались у фонтана «Дружба народов»: пали смертью храбрых на фронтах войны организатор отряда А. Лукьянов, барабанщик Б. Буренков... Но двадцать семь человек собрались: пионерская цепочка связала на всю жизнь крепкой дружбой.

Е. ВЕЛТИСТОВ

1926 год. Вожатый Георгий Ларичев проводит с отрядом беседу.

1958 год. Г. А. Ларичев принимает «рапорт» от бывшей звеньевой Н. М. Пановой, контролера завода имени Лихачева.

Фото Б. Кузьмина.

ИЗ БУМАГИ И СМОЛ

Проверка качества плит из слоистых пластиков.
Фото Б. Уткина.

Вдоль стен светлого цехового зала сложены горками листы, которые сразу привлекают своей расцветкой. Вот малахит тончайшего рисунка, там высокая стопа листов с узорами — их рисунок ничем не отличается от тех, какие обычно видишь на изящной мебели из карельской березы...

А между тем это не малахит и не карельская береза, а декоративно-отделочный материал из слоистых пластиков: разноцветная бумага пропитывается синтетическими смолами и спрессовывается. Получается чрезвычайно прочный, легкий и красивый отделочный материал, который не боится ни атмосферных изменений, ни воды, легко моется и не теряет своего цвета.

Впервые в нашей стране это производство налажено на Ленинградском заводе слоистых пластиков.

Работницы в белых халатах и шерстяных перчатках переходят от одной горки к другой и, ловко переворачивая листы, проверяют качество отделки, сортируют их по размерам и тут же подбирают комплекты листов по окраске и рисункам для отправки заказчикам.

Те, кто летал на новых многоместных пассажирских самолетах, не раз восхищались прекрасной отделкой салонов. Декоративный материал под цвет светлого ореха, лимона, малахита для этих воздушных кораблей изготовил завод слоистых пластиков. Подобный материал применен и на отделке помещений столичного универмага «Детский мир», подземных станций метро. Для оформления прилавков, столов, стен в магазинах, ресторанах, столовых используется пластика различного цвета. Строители кораблей пользуются материалом, имитирующим дуб; заводы, выпускающие телевизоры, заказали материал, сделанный под светлый орех, карельскую березу, лимон. Недавно ленинградцы отправили киевлянам трамвай новой конструкции. Внутри он украшен слоистой пластикой коричневого цвета.

На заводе нам показали первую партию голубого кафеля из слоистой пластики. Эти листы практичны, красивы, крепки, долговечны и в несколько раз тоньше обычного кафеля! В будущем году завод удвоит выпуск декоративно-облицовочного материала из слоистых пластиков.

Но этот вид изделий далеко не единственный на заводе. Из бумаги, ткани и синтетических смол здесь делают многие детали: втулки насосов, цилиндры, трубы для тракторов, детали для автомобильной и электротехнической промышленности, шпули для прядильного оборудования фабрик искусственного волокна. Все эти изделия из слоистых пластиков по прочности и срокам износа не уступают тем, которые делаются из металла. Сейчас на заводе создается цех полиэфирных смол. С вводом его в строй автомобильные заводы получат возможность прессовать из слоистой пластики целые кузова для легковых машин...

К. ЧЕРЕВКОВ

ПЕРВООТКРЫВАТЕЛИ

Каждый день в адрес Министерства геологии и охраны недр СССР приходят многочисленные посылки и письма. В маленьких фанерных ящичках или картонных коробках лежат аккуратно завернутые в бумагу или бережно упакованные в вату образцы различных руд и минералов.

А в приложенных к посылкам письмах или этикетках рассказывается, кем, где и как эти образцы были найдены, и обычно приводится убедительная просьба к геологам — приехать, посмотреть на месте и определить ценность этих находок.

Однажды, вскрыв очередной ящичек, геолог Тамара Васильевна Болховских увидела несколько красивых голубых кристаллов вперемешку с белыми кристаллами кварца. Вместе с посылкой пришло и письмо от жителя Забайкалья колхозника Семена Васильевича Соболева. Он описывал, как нашел эти кристаллы в глухой таежной чаще, и просил определить, что это за камни и какую они имеют ценность.

Специалисты установили, что это кристаллы ценного минерала — плавикового шпата, или флюорита, который очень нужен и для выплавки чугуна и для получения серебристо-белого легкого металла — алюминия. О ценной находке немедленно было сообщено в Читинское геологическое управление. Через две недели в район, указанный в письме первооткрывателя Соболева, выехал геолог Борис Блинов. Он встретился с Семеном Васильевичем Соболевым и вместе с ним и несколькими рабочими нашел то место, где были взяты образцы.

Геолог Т. В. Болховских знакомится с очередной партией посылок.

Фото Б. Кузьмина.

Разведочные шурфы вскрыли две крупные жилы, содержащие флюорит. Геолог составил геологическую карточку участка и разработал проект дальнейшей детальной разведки нового месторождения.

Сейчас Блинов готовит это месторождение для сдачи в промышленную эксплуатацию. Так два кристалла, присланные колхозником, открыли стране тысячи тонн ценного минерала. С. В. Соболеву будет выплачена денежная премия за первооткрывательство.

Инженер-геолог
Л. ТИСОВ

Тайна «огненной» воды

Ванное здание № 4 в Мацесте. Сюда подается минеральная вода из новых буровых скважин.

Фото автора.

Весной 1950 года около буровых вышек в долине реки Мацесты каждый день собирались ученые, врачи, служащие санаториев, отдыхающие. Здесь решалась судьба курорта Сочи.

Сердцем Сочинского курорта справедливо считают целебные источники минеральной воды, которую местные жители в древности называли «огненной». Вполне понятна тревога, охватившая врачей и ученых, когда сердце растущего курорта стало «давать перебои».

Как пополнить недостаток в «огненной» воде?

Чтобы ответить на этот вопрос, был создан отдел гидроминералогии во главе с кандидатом геолого-минералогических наук В. М. Кукановым.

После долгих исследований Куканов выдвинул интересную и смелую гипотезу: источники Мацесты питают не погребенная некогда в недрах земли вода, как думали раньше, а черноморские глубинные воды, непрерывно поступающие в Мацестинские наслоения известняка. Значит, Мацеста не иссякнет никогда, будет существовать, пока существует Черное море. Все дело в том, чтобы вывести глубинные целебные источники на поверхность. Куканов доказывал, что чем глубже пробурить скважину, тем более концентрированную минеральную воду получит курорт.

И вот весной 1950 года в долине реки Мацесты выросли буровые вышки.

Два года труда, волнений, тревог. Наконец первая скважина уже с 1 500-метровой глубины дала минеральную воду невиданной до сих пор концентрации и высокой температуры.

Разгадана многовековая тайна «огненной» воды. Эта разгадка уже дает свои результаты. Сочи не только в изобилии получили мацесту (поступление ее увеличилось в десять раз!), но и обогатились новыми, очень эффективными ее видами, не нуждающимися, кроме всего, в дорогом и снижающем целебную силу воды подогреве.

«Огненную» воду наконец получила Хоста. В центре поселка на берегу реки уже поднялись стены первого ванного здания на 50 кабин. Небольшое расстояние, отличная шоссейная дорога, электрифицированная железная дорога и морской путь открывают широкий доступ к ванному зданию Хосты и тем, кто отдыхает в здравницах Адлера. Район Хосты с отличным галечным пляжем, обширной приморской равниной, богатой субтропической зеленью, являвшийся до сих пор курортной целиной, может быстро превратиться в новый курортный поселок. Здесь уже проектируется городок на 5 тысяч мест.

Глубокая разведка недр дала «огненную» воду и Сухуми. Здесь уже второй год действует временное ванное здание. Начато строительство капитального ванного здания.

Открываются все более отрадные перспективы.

— Собираюсь предложить разведку целебной минеральной воды новых типов. Накопил интереснейшие данные. Дело за глубоким бурением,— с увлечением рассказывает нам В. М. Куканов и рисует картину будущего, картину рождения оздоровительного комбината с необычайно широким лечебным профилем в районе Адлера и Красной Поляны. Взглянув на часы, Василий Михайлович стал вдруг извиняться и заторопился:

— Время ехать в Гагру. Там «Ткварчелуголь» заложил несколько буровых. Хочу воспользоваться счастливым случаем. Мацеста имеется и там, скоро в этом убедятся все.

И. ЗАЙЦЕВ

Судьба потемкинца Степана Денисенко

«Остается невыясненной судьба еще одного из руководителей восстания на броненосце «Потемкин», Степана Анисимовича Денисенко. Хочется надеяться, что кто-нибудь из его родственников или знакомых сообщит о нем».

Так писали в № 14 «Огонька» за 1958 год И. Лычев и И. Пономарев. Прочитав эти строки, я перелистал записи о своих односельчанах — уроженцах села Федоровки, Пологского района, Запорожской области, и сразу нашел фамилию Денисенко.

В семье жителя Федоровки 84-летнего Митрофана Анисимовича Денисенко хранится фотоснимок его младшего брата, Степана, сделанный в 1902 году при окончании им «Школы самостоятельных машинистов Черноморского флота».

Окончив эту школу, Степан Анисимович Денисенко служил на броненосце «Потемкин» и в 1905 году, во время восстания, был избран революционными матросами в судовой комитет. После поражения восстания он был вынужден сойти на берег в Румынии, стал политическим эмигрантом. Спасаясь от преследования румынских властей, уехал в Австрию, затем — во Францию и, наконец, — в Канаду.

Там он поселился на маленькой ферме близ города Йорктон, женился, стал отцом двух детей. Жена Степана Анисимовича умерла уже давно, дочь вышла замуж, и старый потемкинец жил последние годы с сыном Гавриилом.

Все это известно из писем, которые получал в Федоровке Митрофан Анисимович от своего брата из Канады. Из писем явствует, что Степан Анисимович давно уже мечтал возвратиться на Родину. Но этому мешали преклонные годы и пошатнувшееся здоровье.

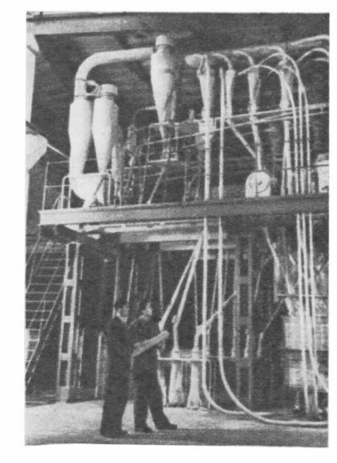
Вот что сообщает в Федоровку один из близких друзей потемкинца Денисенко некий И. А. Попов в письме из Канады от 13 ноября 1957 года:

«Последние несколько лет Степан недомогал от старости. У него был удар паралича. Он выздоровел, но не совсем. Ровно год назад, когда сын был где-то в отлучке, Степан, как мы полагаем, вышел из дому на двор за дровами, упал в обморок и замерз на смерть. Он от вас с нетерпением ожидал весточки. Не покидая мысли вернуться на Родину, попросил меня наладить ему справки к возвращению. Я это сделал. Все было готово. Только заполнить анкету и отослать с фотокарточками... В эту пору и случилось с ним несчастье».

Все мы, жители Федоровки, земляки Степана Анисимовича Денисенко, глубоко скорбим по поводу гибели славного революционера-потемкинца и свято храним память о нем.

В. ШИНГУР,
преподаватель литературы в средней школе.
С. Федоровка,
Пологского района,
Запорожской области,
УССР.

Колхозная мельница «АВМ-20»

На Горьковском заводе имени Воробьева в честь столетия завода инженеры-конструкторы под руководством А. Б. Демского создали новую колхозную малогабаритную вальцевую мельницу. По сравнению с обычными четырехэтажными мельницами она в два раза меньше, а стоит в несколько раз дешевле.

В этом году завод намечает приступить к серийному выпуску вальцевой мельницы «АВМ-20».

Фото Н. Капелюша.

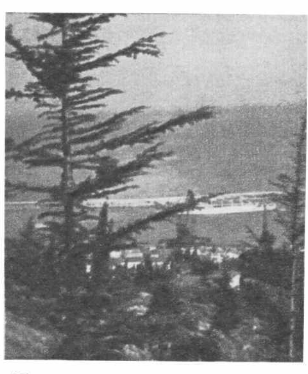

Дом отдыха в Елагине дворце

На Елагине острове в Ленинграде в бывшем Елагине дворце скоро откроется однодневный дом отдыха на тысячу человек.

Работы по восстановлению дворца, разрушенного в годы Отечественной войны, ведут специальные научно-реставрационные мастерские.

Фото Б. Уткина.

Пустырь стал парком...

С каждым годом хорошеет Ялта. Гора Дарсан — бывший пустырь — стала новым парком и одним из живописных уголков этого красивого города. Здесь высажены кедры, ели, сосны пятнадцати—тридцатилетнего возраста.

С. РЕДЬКИН

Кто получит кубок

Претенденты определились: 711-я, 387-я, 485-я,

Галя Нектарова (387-я школа) стала чемпионкой столицы среди школьниц в метании копья.

Наташа Вологжанина (711-я школа) хорошо выступила в эстафете.

Победителем соревнования по прыжкам в высоту оказался Александр Жирнов (12-я школа).

Среди судей соревнования много школьников. Г. Савельева (585-я школа) — судья на финише.

Старшеклассник А. Нестеров (446-я школа) успешно справился с обязанностями судьи-информатора.

Е. ШАТРОВ

Фото А. Бочинина.

Весенние соревнования по легкой атлетике школьников Москвы носили в этом году не совсем обычный характер. Юные физкультурники боролись не только за легкоатлетическое первенство в городской спартакиаде, но и за право своего школьного спортивного коллектива стать претендентом на кубок «Огонька».

Для получения этого права проводившиеся недавно соревнования были решающими. Ведь по условиям конкурса кубок вручается одной из пяти московских школ, имеющих лучшие результаты по легкой атлетике. Майские состязания в беге, прыжках и метании как раз и определяли, у кого же самые сильные команды. Они вносили существенные поправки в распределение мест, занятых на первом туре соревнований, проведенных зимой.

Детский стадион в Лужниках... На старты вышло 846 школьников. Тут и тринадцатилетние подростки, учащиеся шестых классов, впервые выступающие в таких больших соревнованиях, и десятиклассники, которые скоро получат аттестат зрелости. Каждая школьная команда представляет один из районов столицы.

Спортивная борьба идет на беговых дорожках, у стоек и ям для прыжков, на площадках для метания. В программе многие виды легкой атлетики. Школьники показывают свои достижения за год в этом важнейшем для физического развития спорте.

Итоги первых двух дней соревнований были сенсационными. Лидером оказалась 387-я школа Сокольнического района. Как 387-я? Почему вдруг она? Да ведь эта школа первый год участвует в подобных состязаниях! Ведь зимой представители Сокольников едва выбрались на пятое место!

В том-то и дело, что на пятое... По условиям конкурса «Огонька», это — весьма «опасное» место. Другие школы, рвущиеся в первую пятерку, могли бы весной оттеснить 387-ю на шестое место, и тогда прощай надежды на кубок! Школа прекрасно учла такую возможность. Работу своей легкоатлетической секции она усилила. Тренировкам уделялось много внимания.

— Теперь 387-я школа идет впереди и наверняка останется в «огоньковской пятерке», — уверенно заявил один школьник.

В зимних соревнованиях 585-я школа Ленинского района была лишь на скромном 12-м месте.

— Не годится! — сказал старший преподаватель физкультуры в этой школе Михаил Михайлович Боген.

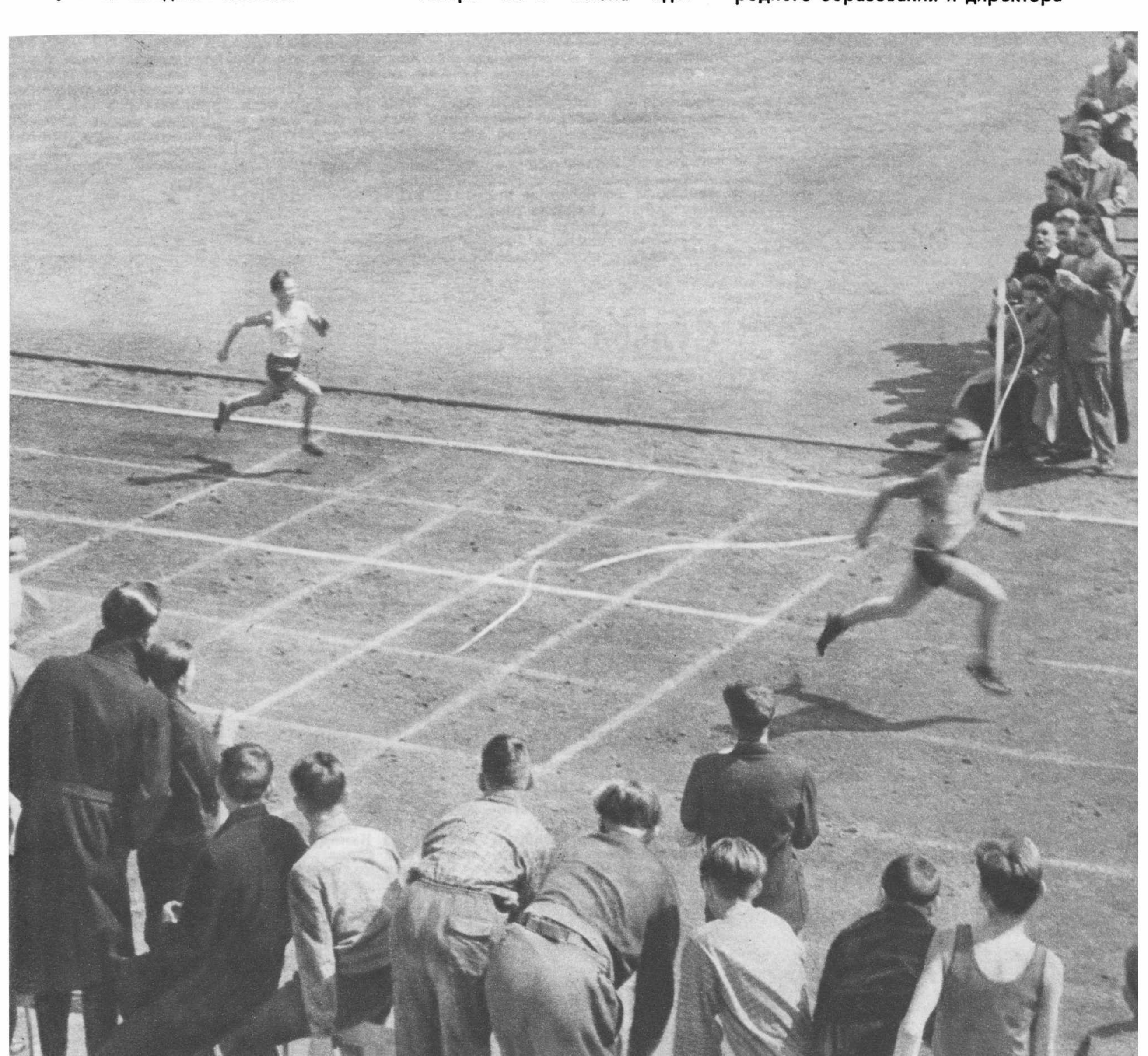
— Не годится! — решительно подтвердил директор школы Лев Мартынович Степаньян.

С этим дружно согласились ребята.

Всю зиму легкоатлеты 585-й тренировались на свежем воздухе. Провели несколько внутришкольных соревнований. Хорошо готовились к весенним стартам. И вот теперь ученик 585-й школы В. Галахов легко побеждает в беге старших юношей на 100 метров, а его товарищи и подруги добиваются успеха во многих других видах. Шесть человек из 585-й в ходе соревнований впервые выполняют нормы спортивных разрядов.

А где же команда 634-й школы Ждановского района, занявшая в январских состязаниях третье место? Ее нет сейчас в Лужниках. По совершенно непростительной беспечности районного отдела народного образования и директора

Бегуны из младших классов.

„Огонька"?

585-я и 75-я школы Москвы

этой школы ждановцы не подали вовремя заявку на участие в весенних соревнованиях по легкой атлетике и потеряли право на дальнейшую борьбу за кубок. «Блистают» своим отсутствием и представители Калининского и Рижского районов столицы. Более разительных примеров недооценки легкой атлетики для физического воспитания школьников нельзя и подыскать.

А ведь как любят ее наши ребята! С каким задором сейчас соревнуются! И как радостно смотреть на этих сильных, ловких девушек и юношей, то взлетающих над планкой в энергичном прыжке, то усилием всего тела посылающих в воздух диск или копье, то стремительно бегущих к финишной ленточке!

Но вот соревнования закончены. Судьи подводят итоги. К зимним результатам команд прибавляются те, что достигнуты теперь.

Претендентами на кубок «Огонька» оказались физкультурные коллективы следующих московских школ:

711-й Киевского района (директор А. Канина, старший преподаватель физкультуры З. Серякова),

387-й Сокольнического района (директор Е. Жердина, старший преподаватель В. Дрючин),

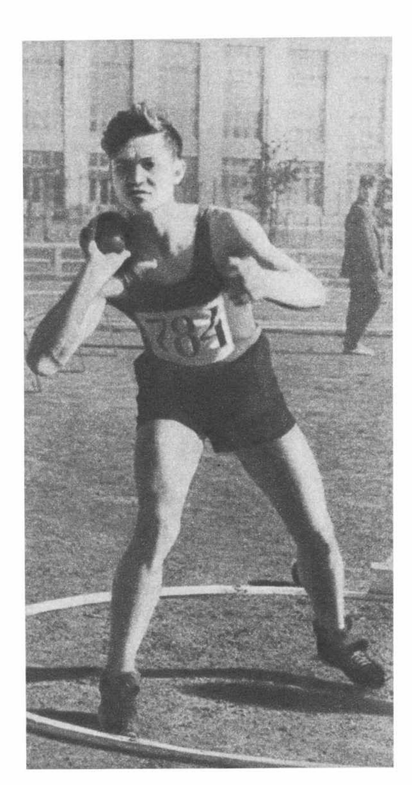
485-й Ждановского района (директор Ф. Догаева, старший преподаватель Ф. Кожинов),

585-й Ленинского района (директор Л. Степаньян, старший преподаватель М. Боген),

75-й Киевского района (директор Т. Лопасина, старший преподаватель А. Волков).

Но какой же из коллективов получит и кубок, и премии, и памятные значки для участников команды, а каким из них придется получить только вымпелы? На этот вопрос нельзя пока ответить. Конкурс «Огонька» еще не закончен. Победителем конкурса окажется тот физкультурный коллектив, который не только имеет хорошие спортивные результаты, но и проявляет больше самодеятельности, хорошо организует работу в секции легкой атлетики, успешнее других готовит школьников к сдаче норм по комплексам «Будь готов к труду и обороне» и «Готов к труду и обороне» I ступени.

В ближайшее время, претенденты на кубок представят сведения об этой работе в жюри конкурса. С началом нового учебного года представители жюри побывают в школах и проверят все данные на месте. Только после такой проверки можно будет решить, кто станет первым обладателем переходящего кубка журнала «Огонек».

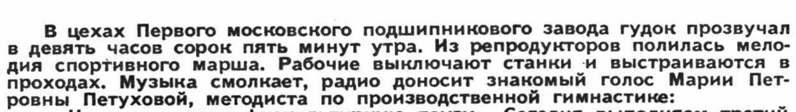

Владимир Королев (711-я школа) дальше всех толкнул ядро.

Гудок зовет на гимнастику

Е. ВАСИЛЬЕВ

→ Инструктор-общественник Николай Янокаев показывает, как делать упражнение.

Фото А. Бочинина.

В цехах Первого московского подшипникового завода гудок прозвучал в девять часов сорок пять минут утра. Из репродукторов полилась мелодия спортивного марша. Рабочие выключают станки и выстраиваются в проходах. Музыка смолкает, радио доносит знакомый голос Марии Петровны Петуховой, методиста по производственной гимнастике:

— Начинаем нашу физкультурную паузу... Сегодня выполняем третий комплекс гимнастических упражнений... Приготовились?

Все знают, что первое упражнение — это ходьба на месте. Затем последуют потягивание, приседания, наклоны и повороты корпуса, прогибы и рывки. Загремевшая в репродукторах музыка помогает делать гимнастику четко, дружно, в определенном ритме. Голос методиста напоминает о порядке и характере движений. Кроме того, цеховые инструкторы-общественники, стоящие на небольших возвышениях, показывают, как именно нужно прогнуться, присесть или наклониться.

Физкультурная пауза занимает 6—7 минут. Рабочие делают лишь несколько простейших упражнений, а возвращаются к станкам, улыбаясь, обмениваясь шутками, чувствуя прилив новых сил. Откуда это? Что с ними произошло? А вот что: гимнастика сняла с людей накопившуюся усталость.

Ведь человек устает не только от затраты мускульной и умственной энергии. Однообразность движений, неравномерность нагрузки на различные группы мышц, неудобная поза в работе — каждая из этих причин и все вместе повышают утомляемость. Специально подобранные гимнастические упражнения дают возможность расслабить те мышцы, которые были напряжены, нагружают те, что бездействовали, восстанавливают правильность кровообращения и дыхания, несут отдых нервным клеткам. Все это, впрочем, давным-давно известно. Пользу гимнастики на производстве никто никогда не отрицал. Однако до прошлого года проводили ее на очень немногих предприятиях.

Положение резко изменилось, когда организации физкультурных пауз стали уделять внимание профсоюзы. Появились методисты по производственной гимнастике. Такими методистами на Первом подшипниковом стали М. Петухова, Г. Гуренкова и В. Нефедов.

Как-то в бухгалтерию пришла Галина Гуренкова.

— Хотим, товарищи, и у вас ввести физкультурную паузу,— сказала Галя.

— Знаем... Приказ дирекции читали. Но ведь, пожалуй, зря. Работа у нас сидячая, совсем не такая, как в цеху.

— А для вас мы подготовили особую гимнастику,— сказала Гуренкова.

Гимнастикой стали заниматься и бухгалтеры, и конструкторы, и технологи. Теперь все они в один голос говорят, что после физкультурной паузы легче работается.

Очень показательны данные хронометража, проведенного в одном из цехов. Производительность труда у рабочих поднялась на три — семь процентов. Резко снизился травматизм. Удивляться нечему: если человек чувствует себя менее усталым, то и работает он более внимательно, осторожно.

Многие цехи Первого подшипникового завода вводят в режим своей работы физкультурную паузу. В заводоуправлении делают еще и «зарядку» перед самым началом работы. В общей сложности производственной гимнастикой занимаются пять тысяч человек. И к ней уже привыкли, ее полюбили, она стала необходимостью.

Сейчас физкультурные паузы в работе ввели у себя около шестисот заводов, фабрик, строек и учреждений столицы. Есть уже опыт, которым стоило бы обменяться.

Физкультурная пауза в ремонтно-механическом цехе Первого подшипникового завода.

Недавно по инициативе писателей А. Барто, С. Михалкова, Л. Кассиля при Союзе советских обществ дружбы и культурной связи с зарубежными странами создана секция литературы и искусства для детей. Члены секции — писатели, композиторы, художники, режиссеры и артисты кино и детских театров. Секция призвана объединить усилия советских и зарубежных деятелей литературы и искусства с целью воспитания детей всего мира в принципах гуманизма и высокой моральной культуры.

Мы предоставляем слово некоторым из них.

Международный день защиты детей... Защиты! Но наступит время, когда это слово — «защита» — окажется ненужным. И мы будем отмечать 1 июня праздник счастливого детства на всех континентах земли.

Анатолий Алексин

Завтрашний день мира во многом зависит от того, какие книги читают сегодня наши дети, какие они смотрят фильмы, какие поют песни. Надо, чтобы литература и искусство во всех странах мира воспитывали созидателей жизни, а не разрушителей.

Сергей Михалков

ДРУЖБЫ,

Дети просят ласки, дети просят улыбки, дети просят света. Так говорится у нас, в Армении. Да, детям нужна жизнь, нужны цветы, а для цветов-стебельков нужен благодатный дождь, а не дождь, пропитанный радиоактивной пылью.

Сердца и умы всех честных людей мира станут стеною в защиту детей.

Гурген Борян

Детские театры призваны помогать нашим будущим строителям жизни воспитать свое сердце и душу, чтобы достойно принять в свои руки эстафету отцов — за мир, за будущее.

В. Сперантова,
народная артистка РСФСР

В Центральном детском театре в Москве дети и подростки только что смотрели китайскую сказку «Волшебный цветок» Жэнь Дэ-яо. Сейчас мы с увлечением приступили к работе над современной румынской пьесой «Ноль по поведению» В. Стоянеску и О. Сава и над знакомыми с детства образами «Тома Сойера» М. Твена.

Наши дети хотят больше знать о жизни детей других стран. Нужно, чтобы чаще, горячей были международные встречи деятелей литературы и искусств.

К. Шах-Азизов,
директор Центрального детского театра,
заслуженный деятель искусств

Песня — крылатый вестник мира. Радостно поющее дитя — символ мира. Пусть же радостно и беззаботно поют дети всего мира!

М. Раухвергер, композитор

Общими усилиями тех, кто создает искусство для детей, мы поможем детворе узнать искусство народов мира.

П. Суворов,
профессор Художественного
института имени В. И. Сурикова

БРАТСТВА...

1. В парке Западного Берлина

Как-то в парке я спросила немецкого мальчика лет десяти, какую книжку он сейчас читает. Мальчик вынул из кармана коротких кожаных брючек смятую, грубо размалеванную брошюрку, типичный комикс. На обложке кто-то кого-то душит.

— Тут, наверно, кого-нибудь убивают? — сказала я.

— Нет, сжигают негра,— деловито ответил мальчик и, кивнув мне головой, побежал к своим сверстникам.

Неужели эта четвертушка бумаги уже успела в какой-то мере отравить его детское сознание? А ведь такие четвертушки издаются многомиллионными тиражами во многих странах, прославляя войну, жестокость, наживу. Как важно, как насущно необходимо, чтобы книги, которые читают дети разных стран, были полны атмосферы мира и человечности!

2. На фестивале

На груди у паренька
Двести двадцать два значка,
Так они горят, сверкают,
Всем видны издалека.
Будто блеска заняли
У созвездий на небе.
В летний праздничный денек
Раздает их паренек,
Дарит гостю дорогому,
Одному дает, другому.
Гостю с дальнего Гаити,
Делегатам Гватемалы
Предлагает он: — Берите!
Он, как видно, славный малый,—
Ради дружбы, ради братства
Раздает свое богатство.

Агния Барто

Да объединит нас любовь и дружба к ребенку, как этих родителей! Сейчас мы помогаем ему вступать в будущее — дальше он это будет делать самостоятельно.

В. Горяев

Пусть будет мир на свете,
Чтоб живы были дети,
Чтоб радовались дети
На всей земной планете!

С. Маршак

В настоящей, серьезной любви к детям воспоминание о прошлом встречается с пристальными мыслями о будущем. Помня о радостях и обидах собственного детства, мы хотим стать как бы тем фильтром, который отсеет для растущего поколения все беды, омрачающие детские годы, и пропустит в завтрашний день только хорошее, очищенное и подсказанное нашим жизненным опытом.

Если бы возникшему ныне содружеству людей, желающих своим словом и искусством служить этой цели, понадобился герб, под которым мы объединяемся, я предложил бы изобразить на нем мальчика и девочку, меряющихся ростом с елочкой и пальмой. Так же, как сама жизнь, эти деревца жадно тянутся вверх, вечнозеленые... Так и дети требуют обойтись с ними бережно, как с нежными побегами и ростками.

Л. Кассиль

Урал Тансыкбаев. УТРО КАЙРАК-КУМСКОЙ ГЭС.

Всесоюзная художественная выставка, посвященная 40-летию Октября.

В. С. Асланян.
КВАРТЕТ ИМЕНИ КОМИТАСА.

Всесоюзная художественная выставка, посвященная 40-летию Октября.

Медная пуговица

Роман

Лев ОВАЛОВ

Рисунки П. КАРАЧЕНЦОВА.

4. ПРИГЛАШЕНИЕ К ТАНЦАМ

«Час от часу не легче, — подумал я. — Из Андрея Семеновича Макарова я внезапно превратился в Августа Берзиня. И не успел выяснить, каким образом и для чего это превращение произошло, как мне сообщают, что я уже не Август Берзинь, а Дэвис Блейк!»

Было от чего прийти в недоумение...

Я, конечно, понимал, что участвую в какой-то игре, но что это за игра и для чего она ведется, мне было неясно, а особа, пытавшаяся двигать мною, как пешкой в шахматной игре, не хотела мне это объяснить.

В эти дни я ставил перед собой лишь одну цель: добраться как-нибудь до своих. Я понимал, что сделать это непросто: я находился в городе, захваченном врагом; весь распорядок жизни в Риге был строго регламентирован, и вряд ли кто мог оказаться за пределами наблюдения придирчивой немецкой администрации.

Августа Берзиня почему-то щадили, во всяком случае, оставляли в покое, но если Август Берзинь вздумает перебраться через линию фронта, навряд ли его пощадят, да и добраться до линии фронта было не так-то легко...

Для того, чтобы действовать увереннее, следовало разгадать тайну Августа Берзиня, присматриваться, выжидать, узнать все, что можно узнать. И лишь тогда...

Но внезапно тайна Августа Берзиня превратилась в тайну Дэвиса Блейка.

Жизнь, как всегда, была сложнее и запутаннее любого авантюрного романа. Герой романа, особенно романа авантюрного, принялся бы сопоставлять факты, делать всяческие предположения, строить различные гипотезы и посредством остроумных предположений в конце концов разгадал бы тайну; но я не владел методом индукции и дедукции столь совершенно, как детективы из криминальных романов, да и терпение мое, правду сказать, тоже истощалось...

Вчера Янковская сказала, что меня зовут Августом Берзинем, сегодня говорит, что я Дэвис Блейк, а завтра объявит Рабиндранатом Тагором...

Я решил заставить ее заговорить!

— Дэвис Блейк? — повторил я, и добавил: — Это вы мне тоже не объясните?

— Объясню, но несколько позже, — ответила она, как обычно. — Вам надо слушаться — и все будет хорошо.

Я сделал вид, что подчинился; я позволил нашему разговору уклониться в сторону, и мы заговорили о неизвестном мне Берзине, которого Янковская знала, по-видимому, довольно хорошо. Я принялся иронизировать над его условными белесыми акварелями, наш разговор перешел на живопись вообще, Янковская сказала, что ей больше всего нравятся пуантилисты, всем художникам она предпочитала Синьяка, умеющего составлять видимый нами мир из мельчайших отдельных мазков...

Внезапно я схватил ее за руки и вывернул их назад, совсем так, как это делают мальчишки.

Янковская закричала:

— Вы с ума сошли!

Было немножко неудобно обращаться так с женщиной, но меня вынуждали обстоятельства.

— Марта! — сдавленным голосом крикнула Янковская, но я бесцеремонно прикрыл ей рот ладонью.

Перевязью с портьеры я прикрутил ей руки к туловищу и насильно усадил в кресло.

По-видимому, она подумала, что я пьян, и решила подчиниться.

— Не нужно, — глухо пробормотала она. — Не нужно...

Но я уже понимал, с кем мне приходится иметь дело.

Без всяких церемоний я осмотрел ее; свой пистолет она обычно носила в сумочке или в кармане пальто, но никакая предосторожность не была с ней лишней.

Сдернутой со стола скатертью обвязал ей ноги и сел в кресло напротив.

— Поймите меня, Софья Викентьевна, — сказал я, — на этот раз вы в моих руках и будете мне отвечать. Даю слово, что в таком положении вы будете находиться до тех пор, пока не начнете говорить, а если так и не надумаете заговорить, я вас застрелю, а сам постараюсь добраться до своих, даже рискуя попасть в руки гестаповцев...

И Янковская, еще минуту назад растерянная, подавленная, готовая во всем мне подчиниться, вдруг ожила, подняла голову и пристально посмотрела на меня своими зелеными в это мгновение, как у кошки, глазами.

— Ах, вам угодно разговаривать? — насмешливо спросила она. — Извольте!

— Кто вы такая? — спросил я ее. — Говорите.

— Вы не оригинальны, — сказала она. — Так начинают все следователи. Софья Викентьевна Янковская. Я уже говорила.

— Вы знаете, о чем я вас спрашиваю, — сказал я. — Кто вы и чем вы занимаетесь?

— А что, если я скажу, что работаю в подпольной коммунистической организации? — спросила она. — Что мне поручено вас спасти?

— Сначала убить, а потом спасти?

Продолжение. См. «Огонек» № 20, 21, 22.

— Ну, хорошо, оставим эту версию,— согласилась она.— Я, разумеется, не коммунистка и не партизанка...— Она пошевелила руками.— Мне очень неудобно,— сказала она.— Вы можете меня развязать?

— Нет,— твердо ответил я.— Вы будете находиться в таком положении до тех пор, пока я не узнаю от вас все.

— Как хотите,— покорно сказала Янковская.— Я буду отвечать, если вы так настаиваете.

— Так кто же вы? — спросил я.— Хватит нам играть в прятки!

— Я? — Янковская прищурилась.— Шпионка,— сказала она так, точно назвалась портнихой или буфетчицей.

Впервые я сталкивался с женщиной, которая так вот просто называла себя шпионкой.

— На какую же разведку вы работаете? — спросил я.

Янковская пожала плечами.

— Предположим, что на английскую.

— А не на немецкую? — спросил я.

— Если бы я работала на немецкую,— резонно возразила Янковская,— вы находились бы не здесь, а в каком-нибудь лагере для комиссаров, евреев и коммунистов.

— Допустим,— согласился я.— Ну, а кто ваш начальник? Он здесь?

— Да, он здесь,— многозначительно сказала Янковская.

— Кто же он? — спросил я.

— Вы,— сказала Янковская.

— Обойдемся без шуток,— сказал я.— Отвечайте серьезно.

— А я серьезно,— сказала Янковская.— Мой непосредственный начальник именно вы, вы и никто другой.

Она действительно говорила вполне серьезно.

— Объяснитесь,— попросил я ее.— Я не понимаю вас.

— О! — снисходительно воскликнула она.— В моих объяснениях нет ничего сложного. Будь у вас в таких делах опыт, вы бы сами обо всем догадались...

Она строго посмотрела на меня, на мгновение в ее серых глазах сверкнули искорки не то насмешки, не то гнева, но она тотчас подавила вспышку своего обиженного самолюбия, и на ее лице опять появилось выражение равнодушия и усталости.

— Я хотела исподволь подготовить вас к вашей новой роли,— спокойно и негромко сказала Янковская.— Но раз вы торопитесь, пусть будет по-вашему...

И она заговорила, наконец, о том, что интересовало меня не из пустого любопытства, потому что игра, в которой мне пришлось принимать участие, велась на человеческие жизни; заговорила, хотя ей не очень-то хотелось говорить.

— Для того, чтобы проникнуть в самую суть вещей, надо понять меня,— произнесла она с вызывающей самоуверенностью, но таким тихим голосом, что человек, не сталкивавшийся с ней при таких обстоятельствах, как я, обязательно принял бы ее самоуверенность за искренность.— Но так как понять меня вы и не сможете и не захотите, постараемся касаться меня поменьше...

Она усмехнулась и сразу перешла к тому, что сочла нужным довести до моего сведения.

— Дэвис Блейк появился в Риге лет пять или шесть назад, сама я приехала в Ригу позже. Назывался он Августом Берзинем. Существовал ли на свете подлинный Август Берзинь, я не знаю. Сын состоятельных родителей, художник, получивший специальное образование в Париже, он не возбуждал подозрений. Возможно, что подлинный Август Берзинь действительно существовал, действительно был художником и действительно отправился в свое время заканчивать образование в Париж. Возможно. Но из Парижа в Латвию вернулся уже другой Берзинь. Не знаю, куда делся подлинный Август Берзинь. Может быть, остался в Париже, может быть, уехал в Южную Америку, может быть, погиб при автомобильной катастрофе... Родители Августа Берзиня к тому времени умерли, и уличить Дэвиса Блейка в подлоге было некому. А если некоторым старым знакомым казалось, что Август не совсем похож на себя, этому находилось объяснение: годы отсутствия меняют многих людей, да еще годы, проведенные в таком городе, как Париж! Вам, конечно, понятен смысл этого маскарада? Дэвис Блейк, сотрудник Интеллидженс сервис, был назначен резидентом в Прибалтике. Местом своего пребывания он избрал Ригу. Этот город недаром называли ярмаркой шпионов. Географическое и политическое положение Риги сделало ее скопищем различных авантюристов, именно здесь скрещивались и расходились пути многих разведывательных служб. Блейк делал свое дело, связи его расширялись. Меня командировали на помощь Блейку...

— И вы, позавидовав его лаврам,— вмешался я,— решили его устранить и занять освободившееся место?

Моя собеседница подарила меня взглядом, выражавшим одновременно и сострадание и презрение: с ее точки зрения я обнаруживал чрезмерную наивность, рассуждая о делах секретной службы.

— Вы глубоко заблуждаетесь,— снисходительно возразила она.— Было бы слишком нерасчетливо убирать с дороги тех, кто вместе с вами идет к одной цели...— Она несколько оживилась.— Мы жили достаточно дружно,— продолжила она свой рассказ.— Но чем сложнее события, тем труднее работа разведчика. Захват немцами Польши, оккупация Франции, провозглашение советской власти в прибалтийских республиках... Жизнь движется с калейдоскопической быстротой, и разведчик, никому неведомый и почти беззащитный агент секретной службы, нередко призван то ускорять, то замедлять движение истории...

— Вы неплохо поэтизируете профессию шпиона,— прервал я свою собеседницу.— Но это теория...

— Правильно, практика грубее и страшнее,— согласилась Янковская.— В тот вечер, когда вы познакомились со мной, Блейка застрелили...

— Кто? — перебил я Янковскую.

— Это не установлено,— уклончиво ответила она.— Застрелили Блейка и...

— Застрелили меня,— договорил я.— Можно догадаться, почему застрелили Блейка, но для чего было убивать меня?..

— Ах, без причины не делается ничего,— сказала Янковская.— Вы стали свидетелем происшествий, которые не должны иметь свидетелей...

— По вашей милости,— сказал я.— Я не навязывался вам в попутчики...

— Это неважно...— Она точно отмахнулась от моего упрека.— Но вы оказались счастливее Дэвиса...

— По причине вашего неумения стрелять? — спросил я.

— Нет, стрелять я умею,— возразила она.— Но в момент, когда я в вас целилась, мне пришла мысль сохранить вас и подменить вами Блейка...

— Убитого немецкой разведкой? — спросил я.— Мне ведь нужно знать, кем убит Блейк.

— Я же сказала вам, что это не установлено,— повторила Янковская.— С таким же успехом это могла сделать и советская разведка.

Я не хотел с ней спорить.

— Но для чего нужен вам я? — спросил я.

— О, это очень важно,— охотно пояснила Янковская.— Важно, чтобы англичане и немцы думали, что Блейк жив. Если Интеллидженс сервис узнает, что Блейк погиб, сюда пришлют другого резидента, и кто знает, как я еще с ним сработаюсь. А немцы, кроме того, имеют на Блейка свои виды, и в ваших интересах их не разочаровывать. Думаю, что они попытаются вас завербовать, и вам придется делать вид, что вы работаете и на англичан и на немцев.

— А если я не буду делать вид, что на кого-то работаю? — поинтересовался я.— Что тогда?

— Тогда вы отправитесь вслед за бедным Дэвисом,— просто сказала Янковская.— В этой игре никто никому не дает форы.

— А если я все же не соглашусь? — повторил я.— Какие у вас гарантии, что я не воспользуюсь первым представившимся мне случаем и не убегу к своим?

— Привязанность к жизни,— уверенно возразила Янковская.— Вы нормальный человек и хотите жить, а в Советской России вас ждет расстрел.

— Расстрел? — удивился я.— За что?

— Не так уж сложно вызвать подозрение к человеку,— сказала Янковская.— Не большой труд дать русским понять, что вас завербовали и перебросили обратно для шпионажа. Вы уже достаточно скомпрометированы связью со мной...

Я действительно хотел жить. Но смерть я предпочел бы бесчестию. Как бы меня ни пытались скомпрометировать, все равно я решил бежать к своим. Но сделать это надо было умно, и поэтому на какое-то время приходилось вступить в игру, которую предлагала Янковская.

— Чего же вы от меня хотите? — спросил я.

— Прежде всего, чтобы вы меня развязали, у меня затекли руки и ноги,— ответила она.— А затем, чтобы вы были Дэвисом Блейком, для начала этого достаточно.

Я развязал ее; убивать меня ей не было расчета, а убивать ее я не собирался, тем более что без предварительной подготовки бежать из Риги просто было невозможно.

— Но вы так и не объяснили мне всей этой истории с поцелуем,— сказал я.— Кто же все-таки находился тогда ночью в машине, и почему вы очутились на лестнице?

— Ах, это все частности! — небрежно сказала она.— Как-нибудь узнаете, не в этом суть.

— А в чем же?

— В завтрашнем дне. Надо действовать, а не оглядываться назад.

— Что же мне надо делать?

— Быть Дэвисом Блейком, я уже сказала.— Для начала этого достаточно.

— А вы не думаете, что Блейк, которого вы предлагаете мне изображать, может быть изобличен? — возразил я.

— О, нет, это предусмотрено,— объяснила она.— У Берзиня был свой круг знакомых, но те, кто кренил вправо, бежали из Риги в первые дни ее советизации, а те, кто кренил влево, эвакуировались вместе с советскими учреждениями, и, наконец, если ваша личность не вызывает никаких сомнений ни у вашей кухарки, ни у вашей любовницы, кто еще посмеет усомниться в том, что вы не Август Берзинь?

— Кто моя кухарка и что она думает, я уже знаю. Но что касается любовницы, дело обстоит несколько хуже: я не знаю, кто она.

— А вы не догадались? — насмешливо спросила Янковская, расправляя затекшие руки.— В противном случае вряд ли я была бы так хорошо посвящена в дела Блейка!

Янковская прошлась по комнате.

— Вот что, Август,— деловито сказала она.— Я пойду в ванную и приведу себя в порядок, а вы переоденьтесь, и мы проверим, действительно ли вы так похожи на Берзиня, как это кажется мне.

И я послушался ее, потому что мне не оставалось ничего другого.

Мы спустились вниз, знакомый автомобиль стоял у подъезда.

— Это чья машина? — спросил я.— Ваша или моя?

— Ваша,— ответила Янковская.— Но я не хочу, чтобы она находилась сейчас в вашем распоряжении.

Это было понятно.

Она опять села за руль, машину она водила хорошо.

— Куда мы едем? — спросил я.— Это не секрет?

— Нет,— ответила она.— К профессору Гренеру, кому вы в значительной степени обязаны своим выздоровлением.

— К тому самому аисту, которого мне довелось видеть в госпитале? — догадался я.— Под каким же именем я буду ему представлен?

— Он знает вас под именем Августа Берзиня. Но подозревает, что вы Дэвис Блейк.

— Не без вашей помощи? — спросил я.

— Нет,— ответила она.— Немцы и без меня знали, что под именем Августа Берзиня скрывается Дэвис Блейк.

— Но если они знают, что я английский шпион, почему бы им меня не арестовать? — поинтересовался я.— Англия находится с Германией в состоянии войны!

— Не будьте наивны,— снисходительно сказала Янковская.— Они имеют на вас далеко идущие виды. Неужели вы думаете, что они

стали бы так старательно лечить какого-то там латыша?

— Так вот почему этот профессор цитировал мне Шекспира!

— Конечно, немцы уверены, что вы стали жертвой советской разведки.

— А что представляет из себя этот ваш Гренер?

— О, Гренер! Вам следует с ним подружиться. В Риге он представляет не только медицинскую службу, он влиятельная фигура в гитлеровской администрации. Видный профессор, он вступил в нацистскую партию еще до прихода Гитлера к власти. С ним лично знаком Геббельс, у него большие международные связи, и он даже выполнял какие-то специальные поручения гитлеровцев за границей...

— Аттестация что надо, — сказал я. — Только я не верю, что он хороший врач; хороший врач не пойдет на службу к этим выродкам...

— Вы опять рассуждаете по-детски, — возразила Янковская. — Неужели вы думаете, что среди гитлеровцев нет способных людей? Они бы тогда не продержались и месяца! А что касается Гренера, многие коллеги по партии даже упрекают его в излишней гуманности. Во всяком случае, именно такие люди, как Гренер, представляют в гитлеровской партии сдерживающее начало...

На одном из перекрестков нас задержало скопление машин и пешеходов. Янковская нетерпеливо выглянула из машины, и шуцман, — полицейские появились на улицах Риги чуть ли не на другой же день после занятия города немцами, — точно отодвинув своим жезлом все прочие машины в сторону, любезно кивнул, предлагая Янковской ехать...

Она умела обвораживать даже полицейских!

— А каким образом вы сами очутились в госпитале? — поинтересовался я. — Что вы там делали?

— Ухаживала за вами, — объяснила Янковская. — Мне разрешили ухаживать за вами. Немцы знали, кто вы такой, и понимали мои опасения. Мало ли о чем вы могли проболтаться, лежа без сознания. Поэтому всегда хорошо, когда около такого больного находится осведомленный человек...

Мы остановились у дома, который занимал профессор Гренер.

Судя по тому, что немецкая администрация отвела генералу Гренеру целый этаж в большом трехэтажном доме, он считался генералом не из последних.

Перед домом стояло несколько машин, у подъезда, разумеется, дежурил эсэсовец.

Однако он не остановил нас, когда мы подошли к двери, — или он знал Янковскую, или у него вообще был наметанный глаз.

Мы поднялись по лестнице, устланной ковром, и очутились в квартире профессора.

Все выглядело так, точно Гренер жил в этой квартире десятки лет. Во всем чувствовался немецкий порядок. Мебель была аккуратно расставлена, ковры тщательно вычищены, рамы картин сверкали позолотой.

Мы вошли в гостиную. У Гренера происходило что-то вроде небольшого приема. Трудно было допустить, что все эти спокойно разговаривающие друг с другом люди находились в чужом, завоеванном и враждебном городе.

Гренер сразу увидел Янковскую и пошел к ней навстречу. В генеральском мундире он казался еще более долговязым и худым, чем в белом халате. Его грудь украшал железный крест. Он оживленно закивал своей птичьей головкой, щелкнул каблуками и поднес к губам руку гостьи.

— Вы забываете меня, — упрекнул он Янковскую. — А старики обидчивы!

— Господин Берзинь, — назвала меня Янковская. — Он хотел лично поблагодарить вас.

— О, мы уже знакомы, и надеюсь, что подружимся! — приветливо воскликнул Гренер и выразительно посмотрел на Янковскую. — Хотя...

Он не отказал себе в удовольствии еще раз блеснуть передо мной цитатой из Шекспира:

Friendship is constant in all other things,
Save in the office and affairs of love.

Янковская холодно взглянула на Гренера.

— Что вы хотите этим сказать? — спросила она его.

— Дружба тверда во всем, но только не в делах любви, — перевел я.

— Это я поняла, — сказала Янковская и посмотрела на Гренера. — Но у вас не должно быть оснований меня ревновать.

— О, если бы я знал, что вы будете уделять столько времени господину Берзиню, — пошутил Гренер, — я бы запретил его лечить...

Янковская очень свободно, так, точно она была здесь хозяйкой, познакомила меня с гостями профессора.

Преимущественно это были офицеры, составлявшие ядро гитлеровской военной администрации в Риге, было несколько полуштатских, полувоенных чиновников, двое из них с женами, было несколько женщин без мужей и среди них какая-то артистка; женщины были в вечерних платьях, многих украшали драгоценности.

Наше появление отвлекло гостей Гренера от разговоров. На меня посматривали с интересом; вероятно, люди, находившиеся в этой аккуратной гостиной, слышали что-то обо мне. Но еще больше внимания вызывала Янковская. Ее здесь знали, и если женщины смотрели на нее с каким-то завистливым подобострастием, то многие мужчины поглядывали с откровенным вожделением.

Гренер подвел меня к какому-то мрачному субъекту в черной эсэсовской форме; на его лице смешно выделялись маленькие черные

усики, такие же, как у Гитлера, и явно крашенные, потому что волосы на голове этого субъекта были рыжими, как лисий хвост.

Субъект этот почему-то сидел в кресле, хотя возле него стояла дама, и молча созерцал окружающее его общество.

— Позвольте вас познакомить, — сказал Гренер. — Господин обергруппенфюрер Эдингер и его супруга... — И, в свою очередь, назвал меня.— А это господин Берзинь...— Он сделал паузу и многозначительно добавил: — Тот самый!

Я поклонился толстой бесцветной госпоже Эдингер, но господин обергруппенфюрер не дал нам как следует поздороваться.

— Сядь, Лотта, — строго сказал он жене, поднимаясь с кресла, и своими цепкими пальцами обхватил мою руку повыше кисти так энергично, будто сдавил ее наручником. — Пойдемте, господин Берзинь, — очень отчетливо сказал он. — Мы должны познакомиться.

Он повел меня в столовую, где несколько офицеров, стоя у стола, пили вино.

Обергруппенфюрер бесцеремонно раздвинул бутылки и поднял графин с бесцветной жидкостью.

— Мы в России и должны пить русский шнапс, — категорично сказал он, наполнил две большие рюмки и протянул одну мне. — Прозит!

Мы выпили.

— Сейчас будет музыка, — сказал обергруппенфюрер так, точно отдавал команду. — Поэтому надо наслаждаться музыкой. Идите к своей даме.

Действительно, в гостиной высокая красивая дама в розовом платье, которую называли артисткой, стояла у рояля и собиралась петь.

Я подошел к Янковской.

— Что это за тип? — спросил я ее шепотом, поведя глазами в сторону своего нового знакомого.

— Начальник гестапо Эдингер, — почти неслышно ответила Янковская. — Будьте с ним полюбезнее.

Я только вздохнул...

Мог ли я еще недавно вообразить, что мне придется очутиться в такой компании!

Тем временем дама в розовом платье запела. Она исполняла романсы Шумана. Это действительно была настоящая артистка, и успех ей был обеспечен в любой аудитории.

Она исполнила несколько романсов, ей аплодировали, негромко и недолго, как принято в светском обществе, и вдруг после Шумана, после мечтательного, мелодичного Шумана она запела «Хорста Месселя», любимую песню штурмовиков, песню гитлеровских головорезов...

Она пела со смущенным видом, отдавая дань обществу, в котором находилась, как будто конфузясь, точно делала что-то неприличное...

Да, это был не Шуман!

Лица слушателей побагровели, многие встали, кто-то начал даже подпевать...

Мне показалось, кликни кто-нибудь сейчас клич— и все устремятся на улицу грабить, жечь, резать...

После певицы, не ожидая приглашений, почти по-военному, к роялю подошел сам Гренер и сел на черный полированный табурет...

Если правильно говорят, что музыка выявляет душу людей, я бы сказал, что у Гренера совсем не было души. Играл он хорошо знакомые ему произведения, потому что почти не заглядывал в ноты, каждую музыкальную фразу проигрывал очень тщательно, но никогда в жизни я еще не слышал такой сухой игры. Сначала я удивился этой необычной сухости, но потом заметил, что Гренер почти не пользуется педалью. Ударит по клавише и оборвет звук,— звук не растет, не плывет, не вступает в общение с другими. Никогда раньше я не мог себе представить, что рояль можно превратить в барабан.

Гренер сыграл увертюру к «Мейстерзингерам», две прелюдии Баха и затем «Приглашение к танцу» Вебера...

Легкое, изящное «Приглашение»... Во что он его превратил!

Клавиши защелкали под его пальцами, точно кастаньеты, гостиная наполнилась треском...

И вот в то время, когда этот интеллектуальный нацист играл Вебера, я услышал за своей спиной хриплый шепот:

— Господин Берзинь, нам с вами надо встретиться.

Я обернулся. За моей спиной стоял обергруппенфюрер Эдингер.

— Зайдите ко мне в канцелярию, — продолжал Эдингер. — Я буду ждать вас в ближайшие дни.

«Тоже «приглашение к танцам», — подумал я, — приглашение, отказаться от которого в данный момент было для меня невозможно...»

Так я втягивался в игру, которая вряд ли могла окончиться чем-нибудь для меня хорошим!

После музыки нас пригласили ужинать. За столом прислуживали два денщика, выдрессированные, как хорошие лакеи. Легкий ужин, не слишком обильный, но очень изысканный: омары, сардины, паштет из дичи, потом отличные бисквиты и фрукты и очень много выпивки. Сначала пили и закусывали, потом пили без закуски, потом пили кофе и запивали его коньяком, потом пили без кофе...

Мне показалось, что не пил один Гренер, недаром Янковская назвала его сдерживающим началом.

Этот старый сухой человек подчеркнуто ухаживал за моей спутницей; она точно гальванизировала его, наполняя это холодное, надменное существо какими-то человеческими эмоциями.

Янковская, кажется, была единственной гостьей, которую Гренер вышел проводить в переднюю.

Она и отвезла меня домой.

Мы поднялись в мою квартиру. Марты не было видно: должно быть, она спала.

Нервы мои были взбудоражены, спать не хотелось. Я прошел в кабинет взять какую-нибудь книжку.

Когда я заглянул в спальню, Янковская сидела на моей кровати. У нее был какой-то понурый вид, точно она ожидала побоев.

Я вопросительно взглянул на нее, не понимая, почему она не уходит.

— Хотите, я останусь у вас? — спросила она.— Вы можете стать преемником Блейка во всех отношениях.

Я покачал головой.

— Неужели я вам не нравлюсь? — удивленно спросила она.

— Нравитесь. — Я старался говорить как можно искреннее. — Но еще не пришло время...

Я не хотел ее отталкивать, не следовало вооружать ее против себя; мне приходилось быть очень осторожным.

— Вы волевой человек, — насмешливо сказала Янковская. — Вы даже начинаете мне нравиться.

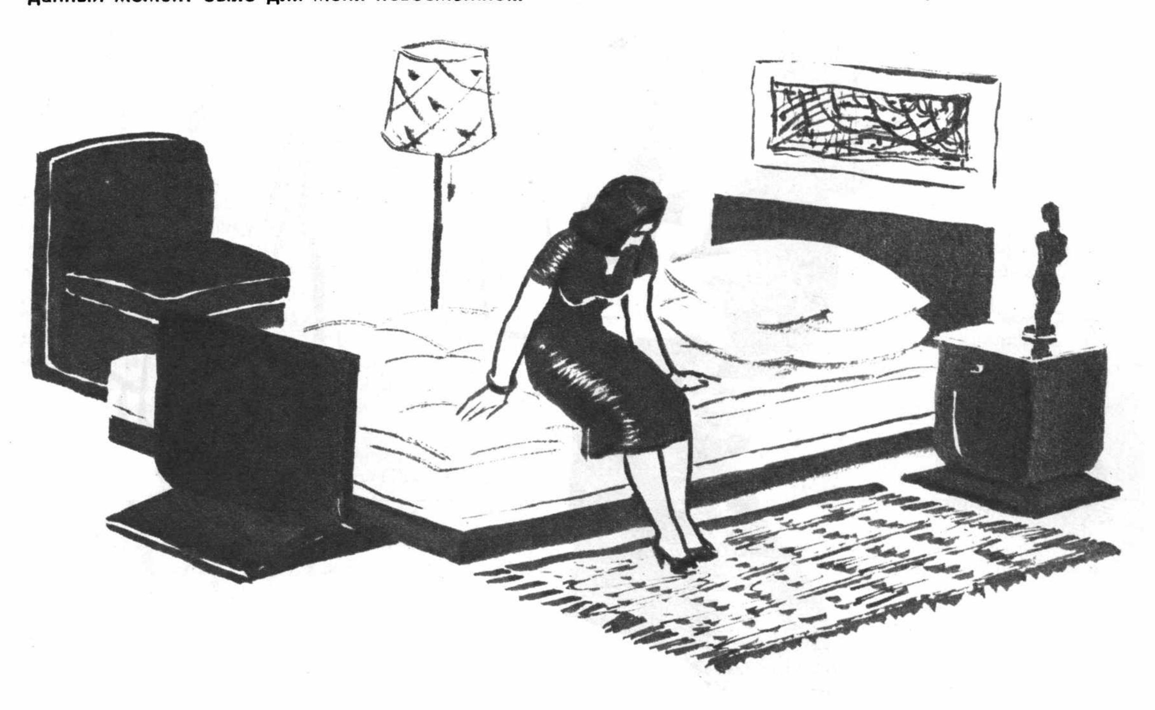
— Я вас не совсем понимаю, — сказал я. — Вероятно, вас связывало с Блейком какое-то чувство, как же вы можете искать близости с человеком, товарищи которого убили вашего любовника?

— Каких товарищей имеете вы в виду? — спросила она меня таким глухим голосом, точно разговаривала со мной откуда-то очень издалека.

— Я имею в виду советскую разведку, — сказал я. — Ведь вы говорили, что Блейка убила советская разведка?

— Ах, да при чем тут советская разведка!— устало произнесла Янковская. — Уж если на то пошло, Блейка убила я сама.

Продолжение следует.

Ударная женитьба

Леонид **ЛЕНЧ**

Рисунки Н. **ЛИСОГОРСКОГО.**

В отличие от многих нас, грешных, Коля Прихожанинов жил не в студенческом общежитии, а в собственной, очень хорошей комнате. Кроме комнаты и всех квартирных удобств, Коля Прихожанинов имел еще влиятельного дядю, крупного министерского работника, и считал, что сочетание таких элементов, как комната с центральным отоплением и дядя с весом, должно обеспечить ему, Коле, в будущем хорошее, уютное местечко в каком-нибудь прочном московском учреждении, не поддающемся, как говорят, «расщеплению». Кроме того, Коля подумывал и о женитьбе.

О какой же невесте мечтал наш Коля? О красавице с лазурными очами? Нет! Наружность будущей избранницы Колиного сердца в его мечтах не выступала на первый план. Хорошо бы, конечно, чтобы в подруги жизни досталась хорошенькая, но в конце концов с лица не воду пить. Попадется такая «принцесса греза», про которую друзья скажут: «Вообще-то говоря, Колькина жена не урод... И глаза у нее, вообще-то говоря, такие... На месте у нее, в общем, глаза!» И на том спасибо судьбе-индейке! Важно другое: важно, чтобы она была хозяйка дома, чтобы ее личность гармонически сочеталась и с удобной комнатой, и с дядей с весом, и с тихим, уютным местечком в прочном, солидном, как сам обстоятельный Коля, московском учреждении. А главное, чтобы будущая жена умела хорошо готовить!

Да, Коля Прихожанинов любил покушать и не скрывал этой своей страстишки. Покойная его бабушка была великой мастерицей по этой части, и нередко мы слышали, как Коля, скорбно вздыхая, говорил о своей покойной бабушке:

— Ах, бабка, бабка! Если бы вы только знали, ребята, какие она делала слоеные пироги с рисом и яйцами, как умела поджарить телятину!

И глаза его туманились слезой...

Коля ухаживал за многими студентками, но, увы, ему отчаянно не везло. Все как будто поначалу складывается хорошо: и обстоятельность имеется у очередной «принцессы грезы», и солидность в рассуждениях о жизни, и наружность довольно привлекательная, глаза, во всяком случае, на месте. А зайдешь к ней в общежитие, скажешь как бы невзначай: «Ты извини, Маруся (Лена, Катя, Зоя, Галя), но я что-то проголодался. У тебя нельзя чего-нибудь перехватить?» — и все идет прахом!

Коля, понятно, не рассчитывал на какие-нибудь там особенные разносолы и гастрономические изыски. Какие могут быть разносолы у студентки, живущей в общежитии! Но ведь и самую обыкновенную готовую котлету надо уметь поджарить!

Маруся (Лена, Катя, Зоя, Галя) доставала с окна сверток с готовыми котлетами, тащила Колю на общую студенческую кухню и, небрежно швырнув котлеты на сковородку, принималась щебетать о разных пустяках, занимая своего гостя наивной девичьей болтовней. Оставленные без присмотра котлеты горели, наполняя кухню клубами едкого смрада, и вместе с котлетами сгорала Колина мечта. Простые котлеты не может поджарить!

И вот Коля встретил наконец идеальную «принцессу грезу». Всем институтом поехали мы на Алтай помогать целинникам убрать урожай. Ребята жили в огромном сарае для сушки зерна вместе с ласточками, будившими их по утрам своим беззаботным щебетом, а девчата — в полевых фургонах для трактористов. Столовую мы построили сами. Поварихами вызвались быть наши студентки. Среди них выдвинулась своим талантом Нина Куницына с геологического факультета, милая девушка, веселая, как те ласточки, которые чивиркали нам «С добрым утром!», едва пышное, сдобное алтайское солнце выкатывалось из-за горизонта.

Повязанная красным платочком, загорелая, черноглазая девушка хлопотала, напевая возле своих кастрюль с добрым украинским борщом и у могучих противней со шнель-клопсами и зразами, и была чудо как хороша!

Коля стал кушать по две порции всего, что готовила Ниночка, приглашал танцевать только ее одну, когда по вечерам у девичьих фургончиков на вытоптанной, твердой, как камень, земле мы разводили балы под баян.

Однажды мы обнаружили, что борщ дьявольски пересолен. Кто-то громко сказал:

— Товарищи, наша повариха влюблена — факт!

Коля, сверкнув глазами, сейчас же отрезал:

— Чушь! Борщ великолепный. И соли в самый раз!..

А Ниночка от смущения покраснела так, что щеки ее сравнялись с ее платочком. На другой день мы узнали, что Коля попросился работать на кухню. Кухонным мужиком к поварихам. Да... Нам все стало ясно.

Мы вернулись в Москву и спустя некоторое время услышали, что Коля Прихожанинов женится на Ниночке Куницыной. Никто не удивился. Впрочем, нам было не до Колиной женитьбы. Мы уже кончали институт, наступили распределение и отъезды. Обстоятельный Коля, как и следовало ожидать, остался в столице: дядя выполнил свое обещание.

Я получил назначение в Сибирь, уехал в Красноярский край и в Москву попал лишь через два года — проездом на курорт. Перелистывая старую записную книжку, я наткнулся на номер Колиного домашнего телефона и позвонил ему. Трубку снял Коля.

— Приходи завтра обедать, старик! — сказал он своим солидным баском. — Поговорим обо всем, вспомним институт, товарищей. А сейчас извини, спешу на заседание!

Я купил бутылку коньяку и несколько веток мимозы и на следующий день — это было воскресенье — постучался в дверь их комнаты. Никто не отозвался. Я постучал сильнее и услышал откуда-то издалека Колин голос:

— Иди по коридору, потом направо. Я на кухне...

Я пошел по коридору, повернул направо, открыл кухонную дверь и увидел Колю. Повязанный фартуком, слегка раздобревший, с чуть заметной лысинкой на макушке, он стоял у плиты и что-то жарил. Признаться, меня удивило это зрелище.

— А где же Нина? — спросил я после того, как мы расцеловались.

— Опять в экспедиции,— мрачно буркнул Коля.— Ступай в комнату. Я сейчас дожарю эту дрянь. И будем есть!

Суп был ужасен, а мясо пережарено и почти несъедобно. Я приналег на консервы. Коля выпил коньячку и впал в минорный тон.

— Должен признаться тебе, старик, что я сильно промахнулся, — сказал он, грустно глядя на меня ожидающими сочувствия глазами.— Нинка все время в экспедициях. И слушать не хочет, чтобы оставить работу!

— Она же казалась такой... хозяйкой, так любила готовить...

— Когда я напоминаю ей об этом, она злится и швыряет на пол тяжелые предметы. Она говорит, что то было общественное поручение. И что вообще она прежде всего геолог, а потом уже домашняя хозяйка.

Он налил себе еще коньяку, и глаза его затуманились знакомой мне слезой.

— Коля,— сказал я, с трудом сдерживая неделикатный смех,— а ты разведись с ней. Раз ты так ошибся... ну ее к черту! Найдешь другую.

— Да ведь я люблю ее, проклятую! — простонал обстоятельный Коля.— Вот возьму, плюну на все и тоже поеду на восток, тем более что экспедиции комплексные... А то все один да один, как собака... Совсем извелся от всяких мыслей... Даже аппетит потерял!..

Мы чокнулись с ним и выпили за Ниночкино здоровье, закусив куском старой подметки, которую хозяин дома называл лангетом геологическим.

УГОМОН

СКАЗКА

С. МАРШАК

Рисунки К. РОТОВА.

Ночью в сумраке вагона
Вы найдете Угомона.
Унимает он ребят,
Что улечься не хотят.

Ходит он по всем квартирам.
А подчас летит над миром
В самолете Угомон:
И воздушным пассажирам
Тоже ночью нужен сон.

Под спокойный гул моторов,
В синем свете ночника
Люди спят среди просторов,
Пробивая облака...

—

Поздней ночью
Угомону
Говорят по телефону:
— Приходи к нам, Угомон.
Есть у нас на Малой Бронной
Паренек неугомонный,
А зовут его Антон.

По ночам он спать не хочет,
Не ложится на кровать,
А хохочет,
И грохочет,
И другим мешает спать.

Люди просят: — Не шуми,
Угомон тебя возьми!

Говорит неугомонный:
— Не боюсь я Угомона.
Посмотрю я, кто кого —
Он меня иль я его!

—

Спать ложатся все на свете:
Спят и взрослые и дети,
Спит и ласточка и слон,
Но не спит один Антон.

Не берет его дремота.
Вдруг к нему подходит кто-то
И бормочет: — Эй, малыш,
Почему еще не спишь?

Отвечает полусонный
Паренек неугомонный:
— Что-то спать я не люблю.
Потому-то и не сплю!

Усмехнулся Угомон
(Это был, конечно, он),
Погрозил мальчишке пальцем:
— Ляг, укройся одеяльцем.
А не хочешь лечь в кровать,
Ванькой-встанькой можешь стать.

Сон приходит втихомолку,
Пробирается сквозь щелку.

Он для каждого из нас
Сны счастливые припас.

Он показывает сказки,
Да не всем они видны.
Вот закрой покрепче глазки —
И тогда увидишь сны!

А кого унять не может
Младший брат — спокойный Сон,
Старший брат в постель уложит —
Тихий, строгий Угомон.

Спи, мой мальчик, не шуми,
Угомон тебя возьми!

—

Опустела мостовая.
По дороге с двух сторон
Все троллейбусы, трамваи
Гонит в парки Угомон.

Говорит он: — Спать пора.
Завтра выйдете с утра!

И троллейбусы, трамваи
На ночлег спешат, зевая...

Там, где го́мон, там и он —
Тихий, строгий Угомон.
Всех, кто ночью гомонит,
Угомон угомонит.

Он людей зовет на отдых
В деревнях и городах,
На высоких пароходах,
В длинных скорых поездах.

Знаешь сам: такой игрушке
Не лежится на подушке.
Чуть ее уложишь спать,
Поднимается опять!

— Ну так что ж! —
бормочет сонный
Паренек неугомонный.—
Я, конечно, буду рад
Простоять всю ночь подряд!

—

Вот и стал он деревянным
Ванькой, круглым и румяным
С очень легкой головой
И с тяжелым задом.

Он стоит, как часовой
Ночью перед складом.

До утра стоит и слышит,
Как во сне другие дышат.
Тихо тикают часы.
За окошком лают псы.

Валит сон его, беднягу.
«Дай-ка,— думает,— прилягу!»
Да ему не улежать:
Тянет вверх его опять.

Стал он песни петь от скуки,
Взял от скуки книгу в руки.
Но раздался громкий стук —
Книга выпала из рук.

Да и как читать в постели!
Лампа светит еле-еле.

Начал пальцы он считать:
— Раз-два-три-четыре-пять...
Но сбивается со счета:
Не дает считать дремота..

Вдруг часов донесся звон.
Появился Угомон.

Проскользнул он в дом украдкой,
Наклонился над кроваткой,
А на нитке над собой
Держит шарик голубой.

Да как будто и не шарик,
А светящийся фонарик.
Синим светом он горит.
Тихо-тихо говорит:

— Раз. Два.
Три. Четыре.
Кто не спит у вас в квартире!
Всем на свете нужен сон.
Кто не спит, тот выйди вон!..

Перестал фонарь светиться,
А из всех его дверей
Разом выпорхнули птицы —
Полтораста снегирей.

Шу! — над мальчиком в постели
Шумно крылья просвистели.
Просит шепотом Антон:
— Дай мне птичку, Угомон!

— Нет, мой мальчик, эта птица
Нам с тобою только снится.
Ты давно уж крепко спишь...
Сладких снов тебе, малыш!

—

В лес, луною озаренный,
Угомон тропой идет.
Есть и там неугомонный,
Непоседливый народ.

Где листвою шелестящий
Лес в дремоту погружен,
Там прошел лесною чащей
Седобровый Угомон.

Он грозит синичке юной,
Говорит птенцам дрозда,
Чтоб не смели ночью лунной
Отлучаться из гнезда.

Так легко попасть скворчатам,
Что выходят по ночам,
В лапы хищникам крылатым —
Совам, филинам, сычам.

—

С Угомоном ночью дружен
Младший брат — спокойный Сон.

Но и днем бывает нужен
Тихий, строгий Угомон.

—

Что случилось нынче в школе!
Нет учительницы, что ли!

Расшумелся первый класс
И бушует целый час.

Поднял шум дежурный Миша.
Он сказал: — Ребята, тише.

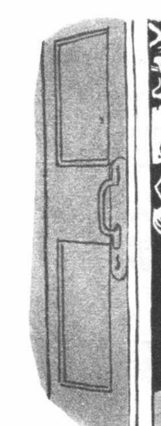
— Тише! — крикнули в ответ
Юра, Шура и Ахмет.

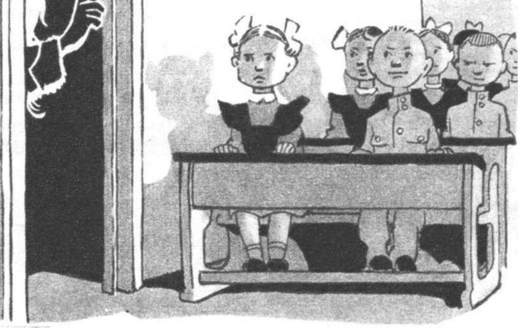
— Тише, тише! — закричали
Коля, Оля, Галя, Валя.

— Тиши-тиши-тишина! —
Крикнул Игорь у окна.

— Тише, тише! Не шумите! —
Заорали Витя, Митя.

— Замолчите! — на весь класс
Басом выкрикнул Тарас.

Тут учительница пенья
Просто вышла из терпенья,
Убежать хотела вон...
Вдруг явился Угомон.

Оглядел он всех сурово
И сказал ученикам:
— Не учи
Молчать
Другого,
А молчи
Побольше
Сам!

—

Угомон всегда в работе.
Вы везде его найдете.

Охраняет он покой
Дома, в классе, в мастерской,

У постели в детской спальне,
Между столиков в читальне...

На прощанье вам поклон
Посылает Угомон.

Зимующие плоды

Зимой в запорошенных снегом садах Сочинской опытной станции можно было увидеть на деревьях золотистые плоды цитрусовых. Их оставили селекционеры. Сложилось мнение, что плоды гибнут при двух — трех градусах мороза. Но делать такой вывод о всех видах и сортах нельзя. Одни из них гибнут при более слабых морозах, другие при более сильных, а при каких — это можно сказать только на основании опыта. Селекционеры выяснили, что наиболее выносливыми оказались плоды некоторых грейпфрутов (крупноплодные виды цитрусовых), а менее выносливыми — мандарины.

А что, если мандарины выращивать в кроне морозостойких растений?

Такой опыт мы проделали. Оказалось, что у более теплолюбивого вида, выращенного под влиянием морозостойкого компонента, становились более выносливыми не только его вегетативные органы (побеги, листья), но и плоды.

Какое это имеет практическое значение?

Дело в том, что плоды цитрусовых позднеспелы, они даже на юге не успевают вызреть до наступления морозов, поэтому их снимают недозрелыми, и это снижает их пищевые качества. Важно найти доступный способ, который позволил бы растянуть период созревания плодов цитрусовых. Кроме того, хорошо вызревшие плоды дают полноценные семена, что имеет большое значение для селекционных целей. Если к тому же эти семена будут заканчивать свое развитие под воздействием пониженных температур, из них вырастают растения, более стойкие к морозу. Вот почему часть цитрусовых плодов оставляется на зимовку в селекционном саду.

Ф. ЗОРИН,
кандидат сельскохозяйственных наук

Сочи.

КОЛЛЕКЦИЯ ВРАЧА

В прошлом году «Огонек» рассказывал о свердловском враче — отоларингологе В. Б. Бродовском.

Таким же виртуозом по извлечению инородных предметов из пищевода или дыхательных путей был в Тбилиси на протяжении полувека младший лекарь военного госпиталя, а позже профессор Николай Михайлович Асписов. Случись с человеком беда (проглотил кость, иглу или еще что-нибудь), первая мысль: к Асписову! Николай Михайлович мастерски проникал глубоко в пищевод или в бронхи. За полвека у врача скопилась интересная коллекция извлеченных предметов.

Когда Николай Михайлович умер, люди, увы, не стали осторожнее: глотают, как и прежде, несъедобное. Но так же, как и прежде, с надеждой произносится в таких случаях фамилия Асписова. Теперь это уже сын Николая Михайловича, кото-

рый владеет таким же виртуозным искусством, Петр Николаевич Асписов, заведующий отделением в 1-й городской клинической больнице.

В коллекции Асписовых — кости, монеты разных достоинств, пуговицы, гвозди, булавки, скрепки, ключи. Есть зубной протез и елочная игрушка.

— Чаще всего среди моих пациентов бывают дети,— рассказал Петр Николаевич.— Недавно привезли ко мне мальчика из Боржоми. Извлек у него из пищевода десятикопеечную монету. Заглянул еще раз, а там вторая, пятнадцатикопеечная.

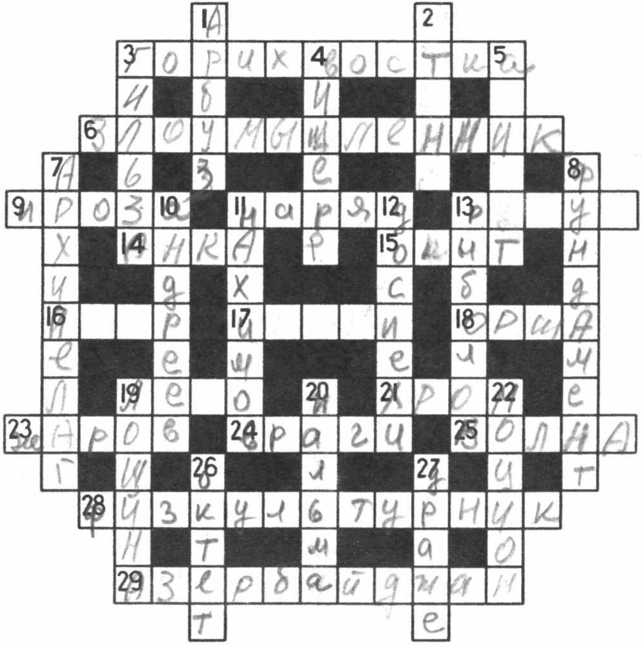
И. МЕСХИ

Фото В. Джейранова.

— СЕГОДНЯ КОНЦЕРТА НЕ БУДЕТ: РЕМОНТ ТЕЛЕВИЗОРА.

Ц. Нервиньский (Польша)

КРОССВОРД

По горизонтали:

3. Певчая птица семейства дроздов. 6. Рассказ А. П. Чехова. 9. Повествовательные произведения. 11. Одежда, костюм. 13. Сирена на флоте. 14. Героиня фильма «Чапаев». 15. Эксперимент. 16. Калька, применяемая в литографии. 17. Декоративный полукустарник. 18. Боярин из поэмы М. Ю. Лермонтова. 19. Английский писатель. 21. Мягкая тонкая кожа. 23. Советский поэт. 24. Пьеса М. Горького. 25. Водяной вал. 28. Спортсмен. 29. Союзная республика.

По вертикали:

1. Бахчевая культура. 2. Стихотворная строфа. 3. Часть патрона. 4. Приток Камы. 5. Руководитель восстания против римских рабовладельцев в Понте и Колхиде. 7. Группа островов. 8. Основание, опора сооружений, механизмов. 10. Известный советский скульптор. 11. Русский флотоводец. 12. Древнерусское воинское снаряжение. 13. Картина В. Г. Перова. 19. Удлиненная впадина. 20. Город и порт в Испании. 22. Лечебная прогулка. 26. Ансамбль из восьми исполнителей. 27. Сорт конфет.

ОТВЕТ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В №22

По горизонтали:

5. Аникушин. 6. Корзинка. 9. Эстония. 10. Хоккей. 11. Эльтон. 15. Микроскоп. 17. «Манас». 18. Тираж. 19. Экспериментатор. 22. Кианг. 23. Бихор. 24. Лисянский. 27. Доллар. 30. Бамбук. 31. Рубанок. 32. Тургенев. 33. Марецкая.

По вертикали:

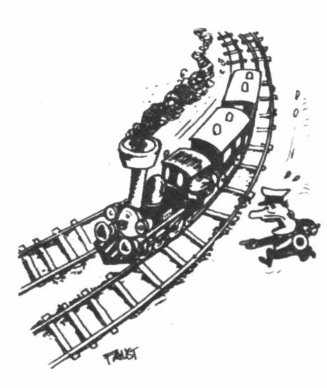
1. Скутер. 2. Тикси. 3. Родий. 4. «Шинель». 5. Аэростат. 7. Автоклав. 8. Космодемьянская. 12. Диатермия. 13. Сочетание. 14. Ташкент. 16. Синоним. 20. «Дипломат». 21. Портупея. 25. Калуга. 26. Малица. 28. Рубеж. 29. Гопак.

Краски

Ю. ЛЕДНЕВ

У сынишки лоб смешно наморщен
После резкой критики моей,
А рисунок все-таки испорчен:
Не бывает рыжих журавлей.
Эти птицы в сером оперенье
И без ярких красок хороши.
Живописец мой в недоуменье
На свои глядит карандаши.
Этот красный... это светло-синий...
Этот черный, как густая ночь...
Вижу, трудно, очень трудно сыну,
Но меня не просит он помочь.
Мальчуган посапывает носом.
Он уже на правильном пути.
Так порой и нам бывает, взрослым,
Трудно краски нужные найти.

Рисунок Б. ЖУТОВСКОГО.

— КАК ТЫ СЮДА ЗАЕХАЛ?

Арнольд Фауст (ФРГ)

На вкладках этого номера: репродукции картин Корнеля Сентдерди «Борьба против мониторов в 1919 году», Евы Гера «Перед съездом Союза трудящейся молодежи», Гезы Фоньи «Новая публика в ложе», Урала Тансыкбаева «Утро Кайрак-Кумской ГЭС», В. Асланяна «Квартет имени Комитаса» и четыре страницы цветных фотографий.

Главный редактор — А. В. СОФРОНОВ. Редакционная коллегия: В. Ф. БАРЫКИН, А. С. ВАРШАВСКИЙ, Н. Н. КРУЖКОВ, Л. А. КУДРЕВАТЫХ (зам. главного редактора), Л. М. ЛЕРОВ, Е. Н. ЛОГИНОВА, И. А. УРАЗОВ.

Адрес редакции: Москва, Д-47, ул. «Правды», 24. Рукописи не возвращаются. Оформление И. Уразова.

Телефоны отделов редакции: Секретариат — Д 3-38-61; Отделы: Внутренней жизни — Д 3-39-07; Международный — Д 3-38-63; Искусств — Д 3-38-67; Литературы — Д 3-31-83; Библиографии — Д 3-38-26; Науки и техники — Д 3-38-65; Юмора и сатиры — Д 3-32-13; Спорта — Д 3-32-67; Фото — Д 3-35-48; Оформления — Д 3-38-44; Писем — Д 3-36-28; Литературных приложений — Д 3-30-39.

А 03565. Подписано к печати 28/V 1958 г. Формат бум. 70×108¹/₈. 2,5 бум. л.—6,85 печ. л. Тираж 1 400 000. Изд. № 435. Заказ № 1223.

Ордена Ленина типография газеты «Правда» имени И. В. Сталина. Москва, Д-47, ул. «Правды», 24.

ЧЕРЕЗ РЕЧКУ.

Фото А. Горячева.

Цена номера 3 руб.